

Санкт-Петербург и Страны Северной Европы

Материалы ежегодной международной научной конференции

Санкт-Петербург

2002

Редакционная коллегия: докт. ист. наук, профессор В. Н. Барышников (ответственный редактор), канд. ист. наук К. Е. Нетужилов, канд. филол. наук С. Ю. Трохачев, Е. А. Акимова

Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции (25-26 апреля 2001 г.). Под ред. В. Н. Барышникова, С. Ю. Трохачева. СПб.: РХГИ, 2002.

© В.Н. Барышников, С. Ю. Трохачев, сост., 2002
©Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ	
О.А.Кривдина О скандинавской ветви в родословной скульптора П.К.Клодта фон Юргенсбурга (1805-1867).....	
А.И.Терюков Я. К. Грот и Финляндия.....	
С.В.Семенцов Династия шведских промышленников и общественных деятелей Нобель в Санкт-Петербурге.....	
Г.С.Усыскин Деятельность В.М.Смирнова (Паульсон) в Петербурге, Швеции и Финляндии.....	
Т.А. Шрадер Норвежские полярные исследователи - гости Санкт Петербурга (на рубеже XIX- XX веков).....	
ВОЙНА И ПОЛИТИКА	
П.А. Кротов К решению проблемы безопасности Санкт-Петербурга в начале XVIII в.: из истории морского сражения у Гренгама.....	
Ю.Г. Дунаева Петербургский союзный договор между Россией и Швецией и балтийский вопрос.....	
В.И.Мусаев Проблема российско-финляндской границы на Карельском перешейке в XIX-начеле XX вв.....	
А.В.Репневский К обстоятельствам поездки норвежских бизнесменов в СССР осенью 1932 г.....	
Д.А.Журавлев Организация медицинской помощи раненым и больным в Ленинграде во время советско-финляндской войны.....	

П.А.Петров
 Война в Заполярье 1939-1940 гг. (К вопросу об оперативном планировании на Северном флоте).....

В.Н.Барышников
 Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского военного планирования 1932-1941 гг.....

А.Е.Акимова
 Военно-морская база Порккала-Удд в контексте международных отношений в Северной Европе.....

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

И. А. Кушеверский
 К вопросу о перспективах исследования истории шведских общин в России в XIX веке в фондах РГИА.....

Н. И. Приходько
 Исследовательские периоды в изучении русско-шведской («финляндской») войны 1808-1809 гг. в отечественной историографии.....

И. Н. Новикова
 Особое государство или провинция империи: российские юристы о государственно-правовом статусе Финляндии.....

Л. В. Садова
 Российская общественность о расторжении шведско-норвежской унии.....

Н.И.Барышников
 О геополитических аспектах в исследовании Европейского Севера историка В.В.Похлебкина (1923-2000).....

М.С.Куропятник
 Саамское общество и проблема социальной трансформации.....

О.М.Зусьман, Т.В.Захарчук
 Наука Санкт-Петербурга и Северных стран: интеграция на рубеже веков.....

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Н.М.Межевич
«Балтийский регион»: попытка идентификации.....
- А.И.Куропятник
Идентичность и система расселения на севере Европы: антропологический анализ корреляции.....
- Я. Ниронен
Финны в Петербурге.....
- Е.А.Балашов
Русское население на Карельском перешейке (XVIII- пер. половина XX вв.).....
- П. Невалайнен
Основные черты иммиграции русских в Финляндию в 1917-1939 гг...
- КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ**
- В.Г.Бурков
К истории скандинавской группы государственных геральдических СИМВОЛОВ.....
- Б.С.Жаров
Датские авторы на Петербургской сцене.....
- Т.К.Михалкова
Работа А. М. Матушинского «Торвальдсен и его произведения» - первое фундаментальное исследование о датском скульпторе на русском языке.....
- Л.В.Суворова
Коронационная акварель Альберта Эдельфельта.....
- В.И.Фокин
Пушкинские дни в Скандинавских странах в 1937 г.....
- К.Е.Нетужилов
К проблеме распространения влияния православной церкви в Финляндии в конце XIX – начале XX вв.....
- Е.А.Терюкова
Из истории возникновения методизма в России: русская община епископальных методистов в Гельсингфорсе в начале XX века.....

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит краткое изложение докладов на ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», организованной Русским христианским гуманитарным институтом (РХГИ) и Институтом Финляндии в Санкт-Петербурге. Конференция проводилась с 25 по 26 апреля 2001 г. и уже в третий раз собирала историков, филологов, этнографов, искусствоведов, социологов и культурологов, которые ведут исследование в рамках изучения Петербурга и северо-западного региона. Предшествующие материалы были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98-99», а также в отдельной книге «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».¹ На конференции принимали участия ученые РХГИ, а также профессорско-преподавательский состав исторического, социологического, филологического факультетов и факультета международных отношений СПбГУ. Кроме того, на конференции с докладами выступали ученые других известных вузов, научных и музейных центров Санкт-Петербурга, Архангельска и Петрозаводска. Впервые на конференции участвовали специалисты и научные работники из Стокгольма, Хельсинки и Йоенсуу. Впервые также эта конференция прошла в творческом сотрудничестве с Институтом Финляндии в Санкт-Петербурге.

Русский Христианский гуманитарный институт, как и Институт Финляндии, на базе которых проводилась данная научная конференция, ставят перед собой, как одну из центральных задач, активное изучение истории, языка и культуры Скандинавских стран и Финляндии. В этом они видят необходимость усиления тесных культурных и научных связей северо-запада России со странами Северной Европы и возращения Санкт-Петербурга, как одного наиболее крупных и известных центров России по исследованию стран Северной Европы.

Действительно, контакты Скандинавии с Древнерусским государством впервые начали устанавливаться прежде всего на северо-западе на-

шей страны. Именно здесь от Финского залива уже с IX в. и далее на протяжении восьми столетий проходил путь из Балтийского моря по Неве в русские земли. Он стал основным руслом политических, экономических и культурных взаимоотношений России и Скандинавии. Особенно выросла роль этого региона с начала XVIII в., когда в устье Невы был основан Петербург. На всем протяжении XVIII, XIX и XX вв. Петербург был основным центром политических, торговых и культурных отношений России и скандинавских государств.

Но наряду с этим Петербург превратился также и в первый центр по изучению в России стран Северной Европы. В библиотеках и музеях нашего города скопилось большое количество литературы из Скандинавии, а также разнообразных памятников искусства, в архивах же отложилось множество материалов по истории русско-скандинавских отношений. Именно в Петербурге в XVIII-XIX вв. зародилась и стала развиваться русская скандинавистика. Здесь в это время были изданы (в переводе) первые обобщающие труды по истории Дании и Швеции, стали осуществляться исследования о русско-скандинавских отношениях. В Петербургском университете в конце XIX и начале XX в. трудились первые крупные российские ученые-скандинависты Г. В. Форстен, Ф.А.Браун, К.Ф.Тиандер.

Однако после 1917 г. указанный столь активно развивавшийся процесс несколько затормозился и отчасти даже прервался. В условиях чрезмерной централизации в Советском Союзе определенное смещение в исследовательском плане изучения проблем Скандинавии и Финляндии переместилось в Москву. Она теперь выглядела обедняющим центром всех отечественных скандинавистов. Тем не менее, в Ленинграде продолжали работать видные ученые, исследовавшие страны Северной Европы, такие как М. И. Стеблин-Каменский, Е. А. Рызевская, И. П. Шаскольский и др. Здесь же после окончания второй мировой войны была создана на филологическом факультете ленинградского университета первая в стране кафедра скандинавской филологии, активно продолжила свою работу и финно-угорская кафедра. Вполне закономерно, что постепенно научный интерес к изучению стран Северной Европы начал усиливаться. Ленинград вновь становился

важным центром скандинавистики в СССР. Подтверждением тому явилось большое число участников регулярно созывавшихся с начала 60-х годов Всесоюзных конференций по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Первая конференция проходила в мае 1963 г. в Тарту, а 2-я была уже проведена в октябре 1965 г. в Ленинграде.

Однако при этом следует учитывать, что процесс объединения исследователей стран Северной Европы, происходивший в нашей стране в последнее время, несколько усложнился. Особенно это стало заметно после того, как издававшийся ежегодно с 1956 г. т.н. «Скандинавский сборник» прекратил свое существование. Возникли также определенные трудности и с проведением международных двусторонних конференций и симпозиумов. В этих условиях настало уже время возражения того центра исследований стран Северной Европы, который традиционно существовал в Петербурге еще до 1917 г. Объективно он уже начал вновь складываться. Три прошедших, начиная с 1999 г. научных конференций, тому стали прямым доказательством.

В этом отношении Русский христианский гуманитарный институт намерен и дальше расширять диапазон внимания к Скандинавским странам в целом, чтобы объединить изучение близлежащих к Петербургу государств Северной Европы. Русский христианский гуманитарный институт, развивая образовательную, научную и исследовательскую деятельность в этом направлении, видит благоприятные перспективы в своей работе. С этой целью в институте с 1999 г. открыто отделение по изучению финского языка и культуры. Кроме того, планируется создания также кафедры по изучению Швеции и других стран Северной Европы.

Прошедшая последняя конференция, также как и ежегодно планируемые конференции в дальнейшем и выходящие сборники научных материалов, несомненно, служат достижению этой цели.

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

О.А.Кривдина

О скандинавской ветви в родословной скульптора Петра Карловича Клодта фон Юргенсбурга (1805 - 1867).

В появившихся за последнее время публикациях о выдающемся скульпторе середины XIX века Петре Карловиче Клодте он зачислен в ряд талантливейших «русских немцев». Не лишена ошибочных фактов и датировок оказалась информация, приведенная в Биобиблиографическом словаре «Художники народов СССР»². Расширенное переиздание воспоминаний Г.А. Клодта «Повесть о моих предках»³, где ряд глав о скульпторе написан по семейным рассказам и легендам и не всегда совпадает с точными записями в архивных делах. В статьях, посвященных Клодту, чаще всего внимание сосредоточено на одной из проблем творчества мастера⁴, биографический аспект не был темой специального исследования.

Автор ставит своей задачей освещение тех фактов творческой биографии П.К. Клодта, которые не получили отражения в литературе или сообщались без какой-либо научной аргументации, и главным образом, выяснению скандинавских родословных связей. Изучение архивных материалов о скульпторе было сосредоточено на сравнительном анализе документов, хранящихся в ОР ГРМ⁵ и в РГИА⁶. Это позволило выявить ряд неизвестных сведений, внести многие уточнения. Таким образом, были систематизированы важнейшие факты творческой биографии П.К. Клодта и представлены в хронологической последовательности.

Основными источниками о главных эпизодах многовековой истории семейства Клодтов являются документы, собранные и написанные сыном скульптора - Михаилом Петровичем Клодтом, известным живописцем, и прежде всего, «Родословная семьи Клодт фон Юргенсбург» (Stammtafel für Familien Clodt von Jürgensburg, составленная на немецком языке в марте

1852 г.)⁷. Эти уникальные материалы хранятся в отделе рукописей Государственного Русского музея и не публиковались. В “Родословной” основоположником династии назван барон Иоганн Адольф Клодт фон Юргенсбург (Johann Adolph Clodt von Jürgensburg) шведский генерал - лейтенант, родившийся 5 августа 1650 г., попавший в плен, и умерший в Москве в 1720 г. Он и его брат Густав Адольф являлись баронами Шведского королевства и женаты были на шведках. В “Родословной” указано, что “дворянский род Клодтов весьма древен. Он происходит из Италии, откуда уже распространился по Вестфалии, по Рейну и по Мозелю. В 1543 г. один из Клодтов переселился из Вестфалии в Лифляндию, и присоединил к фамилии своей прозвище фон Юргенсбург, по имени одного из своих имений в Лифляндии”⁸. По другим источникам, в 1561 г. магистр Ордена фон Гален пожаловал это имение Иосту (Юосту) Клодту⁹.

В 1780 г. имение Юргенсбург, принадлежавшее всегда старшему в роде, перешло в постороннее владение. В эти годы одна из ветвей Клодтов переселилась в Россию, и члены семьи стали передавать “своим наследникам вместо достояния один только фамильный герб некогда богатых предков своих!”¹⁰. Их баронское достоинство с родовым гербом было признано в России 17 октября 1853 г.¹¹ Из описания баронского герба Клодтов фон Юргенсбург явствует, что первоначальный старинный герб расположен в середине большого щита. Старинный герб разделен поперечной золотой полосой, внизу на голубом поле - три золотые шара, сверху на серебряном поле - черный мельничный жернов. Большой щит составлен из четырех частей. В левой верхней части на красном поле три серебряные лилии с золотыми звездами, одна из которых прикрыта старинным гербом. Рядом - на золотом поле красная ладья, украшенная по краям павлиньими перьями, само поле окаймлено красной и серебряной полосами. В левом нижнем фрагменте на серебряном поле изображены четыре перекрещенных знамени. На соседнем голубом поле две накрест сложенные пушки. Щит увенчан шведской баронской короной и с двух краев рыцарскими шлемами. “Над правым шлемом стоят две черные огнемешательные лопаты, принадлежавшие прежде к старинному гербу; а над левым между двух черных крыльев

черная стена с тремя зубцами, окруженная тремя шести-звездами. Покрывала шлемов с правой стороны голубое с золотом, а с левой - красное с серебром. Щит поддерживают два назад оглядывающиеся золотые льва”, - читаем в описание баронского герба Клодтов¹².

Отец Петра Карловича Клодта - барон Карл Густав, взявший себе русское отчество Федорович, - генерал-майор, который провел “почти всю свою службу в походах и сражениях с неприятелем: в Польше, за Кубанью, в Молдавии и Валахии, при взятии Тулчи, Исакчи, Измаила..., участвовал в битвах при Смоленске, при Бородине, при Малом Ярославце, при взятии крепости Шпандау... и при Лейпциге”¹³. Он был женат на Елизавете - Шарлотте - Авроре фон Фрейхольд (Elisabeth Charlotte Aurore v. Freyhöhold)¹⁴. У них родились две дочери и шесть сыновей, из которых Петр Карлович был вторым сыном. Он родился 24 мая 1805 г. в Санкт-Петербурге, и был записан с двойным именем Петр Яков (Peter Jacob). После 1814 г., когда барон Карл Густав был назначен Начальником штаба отдельного Сибирского корпуса, семья переехала в Омск, где отец скончался в 1822 г. Живописный портрет Карла Густова Клодта, написанный в мастерской Джорджа Доу в 1821 г., находится в Галерее 1812 г. в Зимнем дворце.

В 1822 г. семейство Клодтов вернулось в Петербург. Удалось найти точную дату “вступления” Петра Клодта в Петербургское Артиллерийское училище¹⁵ юнкером 14 апреля 1823 г.¹⁶ За скухими фактами, зафиксированными в архивных документах, стоит целый отрезок жизни Клодта, о котором мы знаем необычайно мало. 16 февраля 1825 г. он был произведен в портупей юнкеры. По окончании курса в Артиллерийском училище, будучи 19 лет от роду, 10 января 1826 г. произведен в прапорщики. “С Высочайшего Его императорского Величества соизволения за болезнью от военной службы уволен подпоручиком 20 декабря 1827 г.”¹⁷, о чем свидетельствует ряд найденных документов, в числе которых и распоряжение императора Николая I: “Известно и ведомо да будет каждому, что Мы Барона Петра Клодта фон Юргенсбурга, который нам Артиллерии Прапорщиком служил, за оказанную его в службе нашей ревность и прилежность, при увольнении его от оной, в наши подпорутчики тысяща восемь сот двадцать седьмого

года декабря двадцатого дня Всемилостивейше пожаловали и учредили...”¹⁸, что позволяет изменить ошибочную дату (1828 г.) окончания П.К. Клодтом военной службы.

Именно в эти годы решался важнейший вопрос выбора профессии. Получив отставку, Клодт был принят в число пенсионеров Общества Поощрения художников. По “Высочайшему повелению Государя Императора” в 1829 г. профессорам Академии художеств были показаны три рисунка, выполненные пером Петром Клодтом¹⁹. С этого времени он становится вольнослушателем Академии художеств и полностью посвящает себя скульптуре.

Обратимся теперь к описанию скандинавских родословных связей, продолженных ближайшими потомками скульптора и членами многочисленной семьи Клодтов. В сентябре 2000 года в Государственный Русский музей приезжали из Финляндии представители нескольких ветвей Клодтов, встреча с которыми и занятия в фондах, где хранятся произведения их предков - скульптора и живописцев, принесли подтверждение многих фактов родословной.

Дочь брата П.К. Клодта – Елизавета Константиновна 22 декабря 1857 г. стала женой Александра Густовича Ярнефельта, друга ее брата Николая по военному училищу, назначенного служить в Главном штабе. В семье Клодтов А.Г. Ярнефельта считали финном шведского происхождения. Получив назначение помощника начальника геодезической службы в Финляндии, Ярнефельт с Елизаветой Константиновной остались там навсегда. Их сыновья стали известными деятелями культуры Финляндии: Каспер – переводчик, Арвид – писатель, Эеро – живописец, Армас – дирижер и композитор. Одна из пяти дочерей – Айно вышла замуж за финского композитора Яна Сибелиуса.

Многие из воспоминаний Елизаветы Константиновны привел в своей книге «Любовь моих родителей» Арвид Ярнефельт. Его книга была опубликована в 1976 г. в Хельсинки на финском языке.²⁰ Ряд сведений из этой книги пересказал Г.А. Клодт в «Повести о моих предках», изданной в 1997 г. в Москве²¹. Многие из приведенных нами биографических данных²², в силу

разных причин, не привлекали к себе внимания. Благодаря их соединению появилась возможность проследить возникновение и развитие скандинавской ветви в родословной семейства Клодтов, продолжающейся и в наши дни.

Я. К. Грот и Финляндия

Исследователи русско-финляндских научных и культурных связей не смогут пройти мимо фигуры Якова Карловича Грота, языковеда, историка литературы, переводчика, писателя, организатора науки. Но не смотря на то, что в течении 13 лет, с 1840 по 1852 гг. он фактически был посредником между русской и финляндской культурами, его деятельность в таком качестве не получила должного освещения в научной печати. В советское время так или иначе его обычно упоминал петрозаводский исследователь финской культуры Э. Г. Карху.²³ Достаточно подробно деятельность Я. К. Грота в Финляндии была описана в первой его крупной работе. В последующем автор лишь ограничивается только упоминаем нескольких высказываний Грота о Э. Лённроте, Ю. Рунеберге, Ф. Сигнеусе. В данной статье мы попытаемся охарактеризовать деятельность Я. К. Грота в большей степени на основе опубликованной его переписки с П. А. Плетневым.

Я. К. Грот родился 15 (27) декабря 1812 года в Петербурге в дворянской семье выходцев из Германии, Голштинии. Его дед Иоаким Христиан (Ефим Христианович) переехал в Россию в 1758 г. при Елизавете Петровне и долгое время был пастором церкви св. Екатерины на Васильевском острове. Отец, Карл Ефимович – был чиновником Департамента государственных имуществ, выслужившим российское дворянство.²⁴ Общественное положение К. Е. Грота позволило его сыновьям – Якову и Константину получить образование в Царскосельском лицее. Я. Грот закончил его первым в выпуске в 1832 г., что дало ему возможность поступить на службу в канцелярию Комитета министров, состоя при бароне М. А. Корфе. Позднее он служил в канцелярии Государственного Совета. Эта служба ввела его в круг высшего чиновничества Империи, обеспечив в будущем возможности быстрого карьерного роста. Тогда же началась его литературная деятельность. В 1838 г. в журнале «Современник» появляется его перевод Байроновской «Мазепы», который получил самые высокие отзывы и открыл Гро-

ту путь в литературные круги, в частности положил начало дружбе с П. А. Плетневым и знакомству с В. А. Жуковским.²⁵ Позднее он становится одним из постоянных авторов «Современника». Знание Я. Гротом шведского языка позволило ему знакомиться со скандинавской литературой и начать переводы со шведского на русский, которые публиковались в российской печати.²⁶ Эта переводческая деятельность обратила на него внимание Министра, Статс-секретаря Великого княжества Финляндского барона Роберта Ребиндера. Все это предвещало молодому чиновнику и литератору прекрасное будущее. Но произошло одно событие, которое перевернуло его жизнь. Оно было связано с преподаванием русского языка в Финляндии.

После перевода в 1827 г. единственного финляндского университета, получившего название Императорского Александровского из Або (Турку) в Гельсингфорс (Хельсинки), встал вопрос о преподавании русского языка для тамошних студентов, так как основное преподавание велось там на шведском. Этого требовало в первую очередь проведение административных реформ, которые предполагали знание местными чиновниками официального языка империи. А вот с преподаванием русского языка было не все в порядке и достаточно долго не удавалось найти удачного преподавателя. С 1830 г. должность экстраординарного профессора русского языка и словесности занимал С. В. Соловьев, который своим бестактным поведением со студентами был своеобразной «притчей во языцех» гельсингфорского общества. Многие люди требовали перевести его куда-либо в другое место. В 1839 г. С. В. Соловьев попытался занять пост профессора Педагогического института, но неудачно и был вынужден вновь вернуться в Финляндию. В это время П. А. Плетнев пишет специальную записку о преподавании русского языка в Александровском университете, предлагая создать там специальную кафедру.²⁷ Предложение Плетнева было поддержано Р. Ребиндером, а П. А. Плетнев, М. А. Корф и В. А. Жуковский рекомендовали на должность профессора этой кафедры Я. Грота. Пока вопрос об этом решался, Ребиндер предложил последнему должность чиновника по особым поручениям при Статс-секретариате Великого княжества Финляндского и отправиться в Гельсингфорс, чтобы на месте ознакомиться как с ситуацией в универ-

ситете, так и с местным обществом. Так в июне 1840 года Я. Грот оказался в Финляндии, где и застрял на целых 12 лет. Уже в апреле 1841 г. он был назначен ординарным профессором русской словесности и истории. Одновременно Грот читал лекции по русской истории на шведском языке, следил за преподаванием русского языка в других учебных заведениях. В эти годы им были написаны и изданы по-шведски «Книга для чтения», «Учебник русского языка», «История России до Петра Великого», под его редакцией издавался в 1846-47 гг. шведско-русский словарь. В 1853 г. он возвращается в Петербург, где становится профессором Александровского лицея, где прослужил до 1862 г. Одновременно начинается его деятельность в Императорской Академии наук, с 1858 г. – ординарный академик, с 1884 г. – председатель отделения русского языка и словесности, а в 1889 г. назначается вице-президентом Академии наук. Умер Я. Грот 24.5 (5.6) 1893 г. в зените славы и почета.²⁸

Во время пребывания в Финляндии Я. Грот постепенно становится наиболее компетентным посредником между русской и скандинавской культурой вообще. В русском обществе в то время постоянно повышался интерес к этим северным странам, но их языковая особенность не способствовала прямым контактам. Длительное время основным источником информации о финляндской жизни была «Северная Пчела» Фаддея Булгарина, который часто посещал эту страну. Но большинство его публикаций вызывали там недоумения и критику, так как содержали неверные и ошибочные сведения. Например, известный поэт, критик, профессор эстетики Фредрик Сигнеус опубликовал в 1840 г. в Гельсингфорсе специальную статью под названием «Колдовство г. Фаддея Булгарина», в которой доказывал, что Булгарин не иначе как колдун, который своим волшебным жезлом вызывает на свет события, каких не бывало, а те, которые случались, мигом уничтожает и все перемешивает по произволу.²⁹ Поэтому статьи Я. Грота в «Современнике» отличались как объективностью, так и богатством и оригинальностью материала. Только в этом журнале он опубликовал 29 статей, некоторые из которых были перепечатаны в других изданиях. В общей сложности он посвятил Финляндии 76 публикаций.³⁰ Позднее они были

переизданы.³¹ Зачастую эти публикации были заказными. Плетнев в своих письмах Гроту определял общую линию интересов русского общества. В своем письме от 17 июня 1844 г. он писал: «Пока еще для русских все из Скандинавии – новость: черты этнографические, биографические, библиографические, исторические, статистические и пр., пр. Итак, не надо брать мелочь, единственно потому, что новость, оно ново, а брать назидательное и достойное изучения, хотя это случилось и давно».³² Иногда он вообще заказывал конкретный материал: «Нельзя ли поручить Барановскому, либо Лундалю или хоть Стренгу составить статейку о новой поэме Рунеберга «Конунг Фьяларг», где коротко упомянуть: о её содержании, эпохе, к которой она относится, о характерных чертах местности, о метре и т.д.».³³ Но чаще всего Грот сам, особенно в начале пребывания в Гельсингфорсе, предлагал материал для публикации. Например, в письме к Плетневу от 11 августа 1840 г. он пишет: «несколько дней назад Сигнеус показал мне прекрасные стихи, написанные им 4 тому года назад к Наследнику. По моей просьбе он дал мне их для печатания в одной из здешних газет, но с тем, чтобы его имя осталось неизвестным». Перевод стихов был отправлен в Петербург, через месяц Плетнев в своем письме ответил: «... Сегодня я отправился к Наследнику. Он был полчаса один со мной. Благодарил за все, в том числе и за стихи Сигнеуса, которые позволил напечатать». Так эти строки Сигнеуса появились на страницах «Современника».³⁴

Особо хотелось остановиться на уже упоминаемой выше переписке между Я. Гротом и П. Плетневым в этот период. Они написали друг другу в общей сложности 1513 писем. Вначале переписка была регулярной, чаще всего по одному письму в неделю (это было связано с тем, что почта из России приходила в столицу Великого княжества один раз в неделю), позднее они уже писали по надобности. Значение их по настоящему еще не оценено, исследователи используют для изучения русско-финляндских культурных связей крайне редко. А ведь это кладезь ценнейших сведений как жизни в Финляндии, так и в Петербурге. Они не только сообщали друг другу какие-то бытовые подробности своей жизни, но часто обсуждали очень широкий круг событий и явлений. В них упоминается вся русская и финлян-

дская элита: В. Ф. Одоевский, А. А. Краевский, И.А. Крылов, А. С. Пушкин, Н. А. Полевой, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, Ф. Булгарин, Н. Греч, П. А. Вяземский, Г. Р. Державин, М. Ю. Лермонтов, В. А. Жуковский, А. Ф. Ишимова, Н. Н. Пушкина (Ланская), Н. М. Карамзин, М. А. Корф, члены императорской фамилии, многие государственные деятели, семьи Аминовых, Армфельтов, Готлундов, Ю. Рунеберг, Ф. Сигнеус, М. Кастрен, Р. Ребиндер, В. Вассениус, С. Топелиус, Ф. Франсет, Э. Тегнер и многие другие.

Во-первых, в них содержится много любопытного, чего нельзя был узнать в обычной прессе. И Плетнев, и Грот знали, что сведения из этих писем расходятся среди определенного круга лиц, дружественных адресатам. Они в большой степени были неформальной прессой, чем дружеской перепиской и так же служили целям лучшего знакомства с проблемами Петербурга и Гельсингфорса тут и там.

Во-вторых, в ней часто возникали дискуссии между друзьями по самым различным вопросам, иногда даже идеологическим. Еще в самом начале их переписки, в 1840 г., в них прозвучали слова, которые очень четко характеризовали Я. Грота в его финляндский период жизни. Они были связаны с его работой над переводом поэмы «Фритиоф. Скандинавский богатырь» крупнейшего шведского поэта-романтика Э Тегнера. Грот начал работу над этим переводом еще в Петербурге, в 1836 г. и продолжал в Гельсингфорсе. 27 сентября 1840 г. Плетнев писал Гроту: « У меня нет предубеждения против таланта Тегнера. А я всегда говорить буду, что пока историки и др. литераторы, даже самые художники, не выведут нации на свет перед иностранцами, до тех пор все слишком национальное для последних будет неясно и, следовательно, не вполне интересно. Такова и поэма Фритиоф. Отчего нам Илиада и Иерусалим, или даже Рай так занимательны? Оттого, что мы вспомогательными знаниями уже введены в этот мир, из каждого поэт представляет сцены. Отчего не многие умеют наслаждаться чтением самых лучших книг? Оттого, что никто их к тому не подготовил. Такова участь и красот *Фритиофа*». ³⁵ В ответ 3 октября 1840 г. Грот пишет другу: «В суждении вашем на счет Фритиофа есть маленькое противоречие. Сами вы говорите, что *историки* и другие *литераторы*, даже самые ху-

дожники, должны *вывести на свет нацию* перед иностранцами. Но не то ли я и стараюсь делать в отношении скандинавского Севера, и перевод Фри-тиофа не есть ли попытка *вывести на свет нацию*. Сухие диссертации и вообще ученые труды никогда не могут быть доступны стольким читателям, как *поэма*, хотя *первое* чтение ее и может показаться затруднительным; исторические истины, одетые в поэтические красоты, конечно, запечатлятся в памяти гораздо скорее, нежели – будут изложены учебным образом; причем перед *поэмой* будет напечатано довольно подробное пригласительное вступление о быте и реалиях скандинавов. Почему мой перевод не может хоть нескольких русских ознакомить с скандинавским Севером и привлечь их к изучению его. Вы знаете, как это важно для нашей истории, и если таково будет действие моего перевода хоть на двух-трех человек, то он не напрасен».³⁶ В этих словах звучит «Кредо» Я. К. Грота – побуждать людей к понятию чужой культуры, чужого мира, чужой страны. И над эти он достаточно потрудился как своими переводами, так и оригинальными трудами. С этой целью он добился издания поэмы Тегнера.³⁷

Я. Грот открыл для русского читателя знаменитый карело-финский эпос. Он был хорошо знаком с его создателем Элиасом Лённротом, которого в своих письмах называл Иваном, даже один раз путешествовал с ним по южной Финляндии и Карелии. В 1840 г. он публикует в «Современнике» две статьи, в которых он приводит русский перевод поэмы.³⁸

Он много сделал для того, чтобы выдающийся финляндский путешественник, лингвист, этнограф Матиас Александр Кастрен смог совершить путешествие с научными целями по Русскому Северу и Сибири, а позднее получить от Императорской Академии наук средства для их обработки.³⁹ Но его любимым персонажем финской литературы и близким другом был Ю. Л. Рунеберг, крупнейший финляндский поэт и просветитель. Рунеберг ввел Грота в круг местных литераторов, а Грот, наоборот, знакомил его с русской литературой.⁴⁰ Он переводил произведения Рунеберга на русский язык, благодаря чему русская публика смогла познакомиться с творчеством этого замечательного поэта.⁴¹ Были и другие дела. Например, благодаря Якову Гроту в библиотеке Александровского университета возник русский

отдел, а сама библиотека стала получать обязательный экземпляр всех книг, изданных в России. И список таких добрых дел можно продолжить.

В январе 1853 года Я. К. Грот возвращается в Петербург. Э. Г. Карху объясняет прежде всего обострением общественно-политической борьбы в Финляндии в конце 1840-х годов.⁴² Период царствования Николая I был непростым как для России, так и для Финляндии. Вообще, фигура Николая I достаточно противоречива. В годы его правления действительно отмечались определенные идеологический давления на многие стороны жизни в Империи. Но для Финляндии это был достаточно благоприятный период развития, который иногда называют “вторым периодом пробуждения”. Начинает культивироваться финский язык, худо-бедно расцветает финская литература, наука, образование. Достаточно мощно развивается местная экономика. Происходит реальное становление генерал-губернаторства как основы местного самоуправления. Созданная при генерал-губернаторе А.А. Закревском в 1826-1830 гг., она была усовершенствована в 1831-1855 гг. А.С. Меншиковым. Именно последний оставил добрую память о своей деятельности здесь, в Финляндии, в отличие от той, что связано с его участием в Крымской кампании, где он прославился как незадачливый полководец.⁴³

Но на самом деле причины возвращения Грота в столицу были будничны и прозаичны. Я.К. Грот начинает задумываться о будущем, в первую очередь о пенсии. Работа в Великом княжестве Финляндском давала ему возможность выйти на пенсию раньше установленного срока, так как она давала некоторые льготы. Но для этого необходимо вернуться на службу в метрополию. Поэтому летом 1852 г. он обращается к Плетневу о своем намерении переменить работу и просит подыскать ему место в Петербурге. В ответ на некоторые предложения Грот пишет Плетневу в своем письме от 6 октября 1852 г.: “Мысль, которую ты мне подал о переселении в Санкт-Петербург, иногда занимает меня, но с другой стороны, здешнее положение мое представляет столько преимуществ, что не легко было бы мне променять его на что-либо другое; для этого нужно место, которое соединило бы в себе особенные выгоды. Так как, во всяком случае, в таком важном деле

торопиться не надо, то я буду спокойно выжидать, пока судьба сама представит мне перемену”.⁴⁴ И судьба действительно преподносит ему подарок. В октябре 1852 г. умирает профессор Императорского Александровского лицея Георгиевский П.Е. и открывается вакансия в Петербурге. Плетнев рекомендует на эту должность директору Лицея генералу Броневскому Д.Б. Грота. Одновременно он получает приглашение стать воспитателем детей Наследника престола. Последнее для Грота было даже более престижное, чем преподавание в Лицее. И это стало главной причиной, что побудило его покинуть ставший любимым Гельсингфорс, “так как он был призван к ответственным обязанностям преподавателя и воспитателя детей Наследника”.⁴⁵ В январе 1853 г. Грот завершает свои дела в Финляндии и переезжает в столицу Империи. Плетнев в своем письме от 9 января 1853 г. пишет Гроту: “Вчера вечером принесли мне письмо твое от 6 января. Странное чувство овладело мною, когда прочитал я, что от тебя это письмо ко мне из Гельсингфорса, вероятно, *последнее*. Это чувство похожее было более на сожаление об утрате, нежели на радость соединения. Ты знаешь, как я желал переезда твоего в Санкт-Петербург. И что же? Когда все свершается по нашему желанию, я начинаю чувствовать, что прекращение этой четырнадцатилетней переписки есть своего рода утрата.”⁴⁶ Но это событие не прервало служение Я.К. Грота на благо финляндской науки и культуры.

Династия шведских промышленников и общественных деятелей Нобель в Санкт-Петербурге

Четыре поколения семьи шведских предпринимателей, бизнесменов, ученых, меценатов Нобель жили в Санкт-Петербурге в 1838-1918 годы. По материалам архивов на настоящее время может быть выявлена биография 21 представителя семьи Нобель. Обо всех имеются архивные данные различной степени подробности. К сожалению, объективной истории семьи Нобель еще не написано, хотя интерес к фамилии Нобель огромен. Отдельные добротные, выверенные по документам статьи теряются в десятках поистине фантастических работ и телевизионных передач. Откровенное мифотворчество преобладает над научными знаниями.

Деятельность семьи Нобель имела выдающееся значение для развития Санкт-Петербурга и России. Все вспоминают сейчас Международные Нобелевские премии. Но эти премии были основаны по завещанию Альфреда Нобеля не случайно. В семье Нобель и среди руководителей дирекций их многочисленных предприятий существовала традиция присуждения научных премий имени Нобелей, а также учреждения многих стипендий для обучения молодежи в университетах, институтах и училищах. Нобелевские премии - явление не разовое, а фамильное, династическое, рожденное и поддержанное поколениями семьи Нобель. Международные Нобелевские премии - это вершина, Эверест мировых научных премий. Столь же вершинными и уникальными были достижения семьи Нобель и во многих других областях - в промышленности, науках, культурной и общественной деятельности, в благотворительности.

Основателем петербургской династии был Иммануил Нобель. Он родился в 1801 г. в Гевле (город в Швеции), с 1815 г. служил юнгой на торговом судне, побывал в странах Средиземноморья и на Ближнем Востоке. С 1818 г. он обучался строительному делу, построил триумфальную арку в

родном городе, затем переехал в Стокгольм. В 1820-е годы уже в Стокгольме одновременно обучался в Королевской Академии искусств и в Академической механической школе. Развивал в себе способности изобретателя, разрабатывал конструкции наплавных мостов, сборных жилых домов, военного снаряжения. В 1827 г. женился на Каролине Андриетте Алсель. В 1837 г. И.Нобель уехал из Швеции и по приглашению российского посланника отправился в Россию. В 1838 г. перебрался в Санкт-Петербург, открыл здесь небольшую механическую мастерскую. Так начался петербургский период семьи Нобель. И.Нобель продолжал заниматься изобретательством, разработал проект и изготовил морскую мину особой конструкции. После опытного взрыва мины на реке Охте в 1842 г. в присутствии Великого князя Михаила Павловича российское правительство купило патент на эту мину. Успех позволил И. Нобелю перевезти семью из Стокгольма в Санкт-Петербург, а также создать совместно с генералом Огаревым «механический колесный завод» с литейными мастерскими. Завод размещался на Санктпетербургском острове. С 1851 г. основана фирма «Нобель и сыновья». Во времена Крымской войны фирма выполняла крупные военные заказы, в том числе по обеспечению обороны фарватеров и фортов в Финском заливе. Однако после поражения России в войне заказы значительно сократились, что привело в 1859 г. к банкротству завода.⁴⁷ Иммануил Нобель с женой и сыном Эмилом уехал в Швецию. В Санкт-Петербурге остались его сыновья Роберт, Людвиг и Альфред. Они продолжили деятельность, начатую отцом.

Роберт Иммануилович Нобель (1829-1896 гг.) родился в Швеции, вместе с матерью приехал в Санкт-Петербург, с 1850 г. работал на заводе у отца. В 1859 г. (или в 1861 г.) уезжал в Финляндию, затем вернулся на берега Невы и много лет работал в предприятиях, которые основывал совместно с братьями. В 1873 г. отправлен на Кавказ для поиска ореховых деревьев, необходимых при изготовлении ружейных лож. В Баку увидел нефтяные промыслы. После возвращения в Санкт-Петербург уговорил братьев купить в Баку нефтяной завод. В 1875 г. такой завод куплен и сразу усовершенствован. Одним из руководителей нефтяных промыслов стал Р. Нобель.

В 1879 г. - он был одним из учредителей Товарищества нефтяного производства «Братья Нобель» и внес в уставной капитал 100 тыс. рублей. Работал на промыслах до осени 1876 г., создал современную систему бурения скважин, основал современный завод по производству российского керосина, тем самым разрушив монополию американских фирм. В 1880 г. после тяжелой болезни вынужден был покинуть Баку, затем Санкт-Петербург и Россию.⁴⁸

Альфред Бернгард Иммануилович Нобель (1833-1896 гг.) родился в Стокгольме, в 1842 г. вместе с матерью и братьями приехал к отцу в Санкт-Петербург. С 1850 г. отправлен в Париж для изучения работ профессора Белуза по взрывчатым веществам. Обучался также в Германии и США. После возвращения в 1853 г. в Санкт-Петербург стал работать в компании отца «Нобель и сыновья». Далее известия о нем противоречивы. По шведским данным, он в 1859 г. уехал с родителями в Швецию. По российским данным - продолжал работать в Санкт-Петербурге, в 1860 - 1862 гг. здесь разработал новое взрывчатое вещество - динамит, в 1862 г. именно в Санкт-Петербурге проведено успешное испытание мины с динамитом на специально прорытом канале. Почти сразу подал в России патентную заявку на изобретение динамита. Но российские бюрократы не спешили рассматривать его заявку. В связи с этим уехал в Швецию. С 1864 г. в Швеции, Германии, США, Франции стали создаваться предприятия А.Нобеля по производству сначала нитроглицерина, затем динамита, а также металлического взрывателя, мин с динамитом. В 1866 г. получил в США патент на нитроглицерин, а в 1867 г. - в Швеции патент на "динамит, или безопасный взрывчатый порошок Нобеля". После этого промышленная деятельность А.Нобеля охватила весь мир: он создал 93 предприятия в Европе и Америке. В 1865-1873 гг. жил в Гамбурге, с 1873 по 1891 г. проживал в Париже, а после того, как Франция обвинила его в краже разработанного им же бездымного пороха (патент на бездымный порох А.Нобель в 1891 г. передал правительству Италии) и закрыла химическую лабораторию в Париже, он переехал в Сен-Ремо. С 1894 г. стал жить в Швеции, но в связи с резким ухудшением здо-

ровья вернулся в Сен-Ремо. Здесь, 10 декабря 1896 г. он умер на своей вилле.

Альфред Нобель никогда не порывал связей с Санкт-Петербургом. Он был одним из основателей Товарищества нефтяного производства "Братья Нобель" и внес в 1879 г. в начальный уставной фонд 115 тысяч рублей.⁴⁹ По его идеям в России, на производствах Товарищества стали создаваться первые (в мировой практике) нефтепроводы. В 1892 г., при создании в Санкт-Петербурге Императорского Института Экспериментальной медицины (ИИЭМ) Альфред Нобель после обсуждения вопросов со своим племянником Эммануилом Людвиговичем Нобелем, передал на развитие ИИЭМа 10 тыс. рублей.⁵⁰ После смерти А.Нобеля, официально проживавшего по адресу: Санкт-Петербург, Выборгская часть, 2-й участок, Самсониевская набережная улица, д. 13/15⁵¹, его санктпетербургское имущество (в акциях, ценных бумагах, расписках Государственного Банка Российской империи) составило 1 193 600 рублей.⁵² Эти "денежные бумаги" по описи получил Королевский Шведско-Норвежский Генеральный Консул Густав М.Дамберг. Кроме того, по книгам Товарищества "Братьев Нобель" на 1 января 1897 г. значились счета покойного А.Нобель: кредитными билетами - 593 236 рублей 96 коп., золотом - 492 957 руб. 64 коп., а всего - 1 086 194 руб. 60 коп.⁵³ Данные средства заимообразно даны Товариществу для оборотных средств на 2 года с последующей официальной передачей Королевскому Шведско-Норвежскому Генеральному Консулу.⁵⁴ С учетом дивидендов, выплаченных с прибыли Товарищества, общая сумма петербургского движимого имущества А.Нобеля составила 3 485 645 руб. 77 коп., в том числе 916 493 руб. 77 коп. кредитными билетами и монетами, 2 569 152 руб. - процентными бумагами.⁵⁵ По завещанию А.Нобеля, подписанному в Париже 27 ноября 1895 года первыми упоминаются петербургские родственники Альфреда Бернгарда Нобеля. В официальном переводе завещания на русский язык записано: «...Мои племянники - Яльмар и Людвиг Нобель, дети моего брата Роберта Нобель, получают по двести тысяч крон каждый; Мой племянник Эммануил Нобель получает триста тысяч крон и моя племянница Мина Нобель сто тысяч крон; Дочери моего брата Роберта Нобель, Инге-

борга и Тира получают по сто тысяч крон каждая... Дети моего брата Яльмар, Ингеборга и Тира имеют у меня под росписку, каждый по двадцать тысяч крон, которые им уплачиваются...».⁵⁶ В пересчете на российские рубли петербургские родственники А.Нобеля получали 520 832 руб. 81 коп. из всей суммы наследства в 3,48 млн. руб.⁵⁷ Общая сумма пошлины за наследуемые петербургские средства и бумаги составила 270 025 руб. 01 коп. По ходатайству Генерального Консула уплата пошлины была отложена и произведена только 10 мая 1899 г. До этого срока все процентные бумаги были арестованы Казенной Палатой и хранились в Санкт-Петербургской Конторе Государственного банка Российской Империи.⁵⁸

Наиболее многогранной фигурой этого поколения семьи Нобель был Людвиг Иммануилович Нобель (1831-1888 гг.). Именно он фактически возродил предприятия семьи Нобель, намного расширив сферы деятельности. Л.И.Нобель родился 27 июля 1831 г. в Стокгольме, в октябре 1842 г. вместе с матерью переехал в Санкт-Петербург. С 1850 г. стал работать на заводе отца на Санктпетербургском острове. После банкротства в 1859 г. завода остался в Санкт-Петербурге, арендовал у купцов И. и Т. Ишервудов небольшую механическую мастерскую на Выборгской стороне. 1 октября 1862 г. выкупил эту мастерскую и на ее основе создал "Механический завод «Людвиг Нобель»".⁵⁹ Завод стал выполнять обширнейшие заказы - военные (по производству винтовок, снарядов, мин), гражданские (изготовление станков, оборудования). На «Механическом заводе» не только создавали станки и оборудование, но и разрабатывали целые технологии производства, готовили кадры, а затем все передавали на расширявшиеся и создаваемые российские предприятия. Так произошло на казенном Ижевском заводе, на котором в 1870-е гг. было начато производство винтовок новой системы. На «Механическом заводе» изготовили специальное уникальное оборудование, а затем лучшие инженеры, механики и мастера «Механического завода» были отправлены на работу в Ижевск, где стали руководителями основных подразделений Ижевского завода. Указом от 11 апреля 1875 г. Л.И.Нобель «за содействие и особые труды по устройству в Ижевском Оружейном заводе технической части» награжден орденом Святой Анны 2-

й степени. В 1870-е гг. только для Тульского, Ижевского и Сестрорецкого оружейного заводов на Механическом заводе «Людвиг Нобель» создано около 1000 специальных станков. Впервые в российской промышленности именно здесь созданы станки для нарезки стволов винтовок и изготовлены партии бронебойных снарядов. Освоение такого точного высококлассного станкостроения позволяло смело расширять виды и объем деятельности. С 1879 г. здесь начато производство паровых машин.

Наибольшую известность в эти годы завод приобрел в связи с созданием нобелевских нефтяных производств. В 1876 г. Л.И. Нобель побывал в Баку, на нефтяном заводе, которым руководил его брат - Роберт. Во время поездки было принято решение о максимальном развитии здесь нефтедобычи и создании современных, по уникальным технологиям, нефтедобычи, нефтехранения и нефтепереработки. В 1879 г. совместно с братьями Альфредом и Робертом, а также с П.А. и А.А. Бильдерлингами, И.Я.Забельским, Ф.А.Блюмбергом, М.Я.Беляминым, А.С. Сундгреном, Б.Ф.Вундерлихом Л.И.Нобель основал Товарищество нефтяного производства «Братья Нобель». При общем уставном фонде в 3 000 000 рублей доля Л.И.Нобеля составляла 1 610 000 рублей. На Чугунно-медно-сталелитейном и котельном заводе «Людвиг Нобель» и в новом Товариществе нефтяного производства «Братья Нобель» создана современная технология бурения скважин и добычи нефти, здесь впервые в мире начато изготовление железнодорожных цистерн для транспортировки нефти, разработаны и созданы (также впервые) конструкции металлических емкостей для хранения нефти и нефтепродуктов. Один из соучредителей Товарищества - Альфред Нобель - изобрел нефтепровод, а на Механическом заводе были в 1879 г. изготовлены первые нефтепроводы. Только в 1878-1888 гг. на заводе изготовлено было 800 насосов для перекачки нефти. Последовательно и неуклонно Товарищество «Братья Нобель» расширяло добычу нефти, производство керосина и вытеснило с российского рынка американские фирмы. «Нобелевский керосин», более высокого качества и более дешевый, чем американский керосин, приобрел в стране огромную популярность.⁶⁰

25 февраля 1888 г. решением Санкт-Петербургского Практического Технологического института Императора Николая I Людвиг Иммануилович Нобель отмечен почетным званием «Инженер – Технолог». Это почетное звание было введено Высочайше утвержденным 23 марта 1887 г. «Положением об Санкт-Петербургском Практическом Технологическом институте» для наиболее выдающихся в Российском государстве инженеров, технологов, организаторов промышленности. Среди первых пяти награжденных этим званием были С.С.Калашников - один из крупнейших организаторов железнодорожного дела; О.Е.Крель - управляющий Санкт-Петербургского Металлического завода; Л.И.Нобель - организатор оружейных и орудийных производств, основатель Товарищества нефтяного производства с уникальными нефтяными технологиями, особо отмечено, что он лично разработал проект первого нефтеналивного судна (танкера); В.И. Рагозин - управляющий пароходного общества на Волге «Дружина», создал производство смазочных масел из русской нефти; В.В. Шнейдер - доктор химии, создатель одного из крупнейших химических заводов в Европе - Тентелевского химического завода под Санкт-Петербургом.⁶¹ В дни торжественного присвоения этого звания Л.И.Нобель уже был тяжело болен и не смог лично присутствовать на награждении.

После смерти Л.И. Нобеля в 1888 г. на IX Общем собрании пайщиков и акционеров Товарищества, проведенном 30 июля 1888 г., принято решение об учреждении на средства Товарищества стипендий имени Людвиг Нобеля в Горном и Технологическом институтах, в ремесленном училище Цесаревича Николая, в Санкт-Петербургских Коммерческом и Первом реальном училищах, в Бакинском реальном училище. Аналогичные именные стипендии (более 15 стипендий) для институтов Санкт-Петербурга, училищ Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Баку, Царицына, Чистополя учреждены как от имени Л.И. и Э.Л. Нобеля, так и от других руководителей Завода и Товарищества - П.А. Бильдерлинга, М.Я. Белянина, А.А.Плаксина, А.Б. Ламберта.⁶² Учреждена научная премия имени Людвиг Нобеля, которая должна была присуждаться Русским Техническим Обществом за выдающиеся научные работы и исследования.

После смерти Л.И.Нобеля, на директорский пост на заводе и в Товариществе пришел его сын - Эммануил Людвигович Нобель (1859-1932 гг.), представитель третьего поколения петербургских Нобелей. При Э.Л.Нобеле продолжали расширяться станкостроение, машиностроение, создание оборудования для нефтяной промышленности. К этому добавились еще ряд уникальных областей. На «Механическом заводе "Людвиг Нобель"» впервые в мире разработан и изготовлен дизельный двигатель, работающий на сырой нефти. С 1899 г. впервые с мировой практикой начато серийное производство таких дизелей, получивших официальное, признанное во всем мире наименование «русский дизель» за уникальность конструкции и технологии изготовления. В 1903 г. на заводе «Людвиг Нобель» созданы первые (в мировой практике) судовые дизельные установки, а в 1904 г. такая установка была смонтирована на первом в мире теплоходе «Сармат». В 1908 г. здесь же создана установка для первой в мире дизельной подводной лодки «Минога». Уже в 1900-1910-е гг. «Механический завод "Людвиг Нобель"» стал мировым лидером по производству дизельных двигателей. Так, в 1912 г. на всех флотах мира было 16 судов с дизельными установками мощностью свыше 600 л.с. Из них 14 судов - с дизельными установками «Механического завода "Людвиг Нобель"». Дизельные насосы «Механического завода» были установлены также на ледоколах (с 1911 г.), на Тульском оружейном заводе, на Морском полигоне, на насосных станциях Санкт-Петербургского, Киевского, Казанского и Владимирского водопроводов, во многих жилых и промышленных зданиях Санкт-Петербурга, других городов России. Мощь технологических новаций проявилась еще в одной области. Соединяя фактически в одних руках мировой уровень дизельного (в том числе, судового) производства и мировой уровень нефтедобычи и нефтепереработки, под руководством Э.Л.Нобеля создан (также впервые в мире) огромный флот речных и морских танкеров. Сам тип танкера разработан именно на предприятиях семьи Нобель. Первые танкеры для Товарищества спроектированы самим Л.И.Нобелем и изготовлены в Швеции. В 1908-1909 г. по заказу Товарищества построены первые морские танкеры, на них установлены судовые двигатели «Механического завода». Даже первые амери-

канские морские танкеры строились по чертежам и расчетам Товарищества «Братья Нобель». Уже в 1915 г. танкерный флот предприятий семьи Нобель и был самым большим танкерным флотом в мире.

За огромную и новаторскую деятельность "Механический завод" и Товарищество получили на Всероссийских промышленных и мануфактурных выставках высшие награды, а также право изображения герба Российской империи на своей продукции, на вывеске и рекламе.

Нобели традиционно поддерживали петербургскую культуру - науку, образование, искусство. Еще в 1866 г. Л.И.Нобель стал одним из учредителей Русского Технического Общества (РТО). Он сам участвовал в деятельности общества и на протяжении многих лет жертвовал тысячи рублей на научные исследования. Л.И.Нобель финансировал деятельность школы железнодорожных мастеров при РТО (с 1869 г.), курсов рабочих Механического завода "Людвиг Нобель" при Сампсониевском уездном училище, учредил стипендию имени А.Баранова для Технической школы (с 1877 г.). Как при "Механическом заводе", так и при Товариществе в Санкт-Петербурге, Баку, Астрахани были созданы жилые городки для рабочих и служащих (существовали с 1870-х гг.), больницы, школы, библиотеки.⁶³ В уставе Товарищества предусмотрено выделение 40% чистого дохода на поощрение служащих и рабочих. Социальное и культурное обеспечение работников предприятий семьи Нобель было значительно более высоким, чем на других предприятиях Санкт-Петербурга и России. Э.Л.Нобель и руководители Завода и Товарищества продолжили широкую благотворительную деятельность. На протяжении многих лет Э.Л.Нобель жертвовал очень крупные суммы в Императорский Институт Экспериментальной медицины (ИИЭМ), финансово поддерживал Общество содействия нравственному, умственному и физическому развитию молодых людей "Маяк", Ремесленное училище Цесаревича Николая, Дом призрения и ремесленного образования в Санкт-Петербурге.

В числе наиболее крупных в России инженеров, технологов и организаторов уникальных производств решением Санкт-Петербургского Практического Технологического института Императора Николая I Эммануил

Людвигович Нобель 30 мая 1907 г. удостоен почетного звания "Инженер-Технолог".⁶⁴ Это был единственный случай в истории Практического Технологического института, когда отец и сын - Л.И.Нобель и Э.Л.Нобель-были удостоены этого высокого звания. "За исключительные пожертвования в области науки и среднего образования" в 1909 г. Э.Л.Нобель получил чин Действительного Статского Советника, а в 1914 г. награжден орденом Св. Станислава I-й степени. Только в 1899-1910 гг. на стипендии учащимся предоставлено более 388 тыс. рублей.⁶⁵ Например, на пожертвования семьи Нобель в Технологическом институте были созданы специальная лаборатория, музей и библиотека имени Э.Л.Нобеля.

У Нобелей, особенно у Э.Л.Нобеля установились деловые отношения с Императорской Академией Наук и с учеными мирового уровня. Среди архивных документов семьи Нобель встречаются материалы, связанные с именами лингвиста А.А.Шахматова, физиолога И.А.Павлова, математика В.А.Стеклова, астронома М.А.Рыкачева, кораблестроителя А.Н.Крылова, геолога А.П.Карпинского и многих других. Показательно, что в доме Нобеля и на средства Нобеля 29 апреля и 2 мая 1913 г. проведены торжества в честь Съезда Международного Союза Академий наук. На торжествах приняли участие академики, ученые и деятели искусства Санкт-Петербурга, государственные деятели, министры, банкиры, промышленники.

В Товариществе десятилетиями работали "сотрудники по благотворительным делам". Одной из них была Марта Людвиговна Нобель-Олейникова (1881-1973 гг.). Она много сделала, чтобы на пожертвования семьи Нобель в Санкт-Петербурге были открыты глазная больница, здания хирургической клиники и столовой Женского Медицинского института.⁶⁶

В Санкт-Петербурге существует несколько адресов, связанных с жизнью и деятельностью семьи Нобель. Но есть одно здание, которое является главным в исторической судьбе этой семьи. Это - бывший особняк семьи Нобель на Пироговской (бывшей Выборгской) набережной, д. 19. Здание, один из флигелей которого существовал еще в 1849 году (при прежних владельцах), а основные части были последовательно выстроены в 1873-1906 гг. при Нобелях, сохранило историческую память о важнейших событиях

выдающейся жизни поколений петербургских Нобелей. Именно в нем жили семьи Л.И. и Э.Л. Нобелей. Здесь размещались дирекции "Механического завода "Людвиг Нобель" (вплоть до 1918 г.) и "Товарищества нефтяного производства "Братья Нобель" (до 1910 г.). Именно здесь принимались стратегические решения по открытию и развитию обоих предприятий, в том числе решались проблемы международной значимости и создавались производства мирового уровня в станкостроении, дизелестроении, всего цикла нефтяного производства, развития нефтепроводов и танкерного флота. Именно здесь зарождались многочисленные благотворительные и культурные акции, столь свойственные семье Нобель. Именно здесь приняты решения о выделении огромных средств на развитие российской науки, на образование и культуру. Именно здесь учреждены стипендии и премии имени Людвига Нобеля, ставшие прямыми предшественницами знаменитых Нобелевских премий, учрежденных по завещанию Альфреда Нобеля. Более того, именно в этом здании Э.Л. Нобель настоял на необходимости реализации завещания своего дяди - Альфреда Нобеля. Это позволило окончательно решить вопрос об учреждении Нобелевских премий и создании Нобелевского фонда и Нобелевского комитета.

Здание сохранилось до нашего времени. Сохранились подлинные интерьеры и подлинная мебель семьи Нобель, в том числе - рабочий письменный стол Э.Л.Нобеля, за которым во многом решалась судьба Нобелевских премий, книжные шкафы, кресла, диваны, письменные столы и круглые ломберные столики, пристенное зеркало, встроенная мебель личных помещений из красного дерева, известный по документам и воспоминаниям концертный рояль, пианино и многое другое. Сама история сберегла эту петербургскую культурную святыню. Но, в наше время, здание на глазах стремительно разрушается. Не имея настоящего хозяина, оно отключено от тепла и водоснабжения. Протечки кровли, разрушение конструкций быстро превращают уникальный особняк в руины.⁶⁷

В.М.Смирнов («Паульсон») в Петербурге, Финляндии и Швеции.

Владимир Мартынович Смирнов родился в 1876 г. в семье купца старинном русском городе Пскове. Когда Володе было всего четыре года, отец умер. В 1893 г. его мать, Виргиния Карловна, уехала с сыном на свою родину в Финляндию. Так Владимир Мартынович оказался в Гельсингфорсе, где закончил русскую гимназию. Наряду с русским языком он с детства владел шведским. (Мать его была финляндской шведкой). По окончании гимназии Смирнов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Весной 1899 г. за участие в "студенческих беспорядках" Смирнов был исключен из университета и выслан в Финляндию. В феврале 1900 г. ему было разрешено продолжить учебу в университете. В Финляндии он знакомится с финскими социал-демократами. С одним из них, редактором главной рабочей партии "Тюэмиес" /"Рабочий"/ А.Б.Мэкелэ, он поехал в Абоские шхеры. Тот предполагал договориться с рыбаками этих островов наладить транспорт литературы из Швеции на рыбацких шхунах в Финляндию. Но подходящих людей найти не удалось,

Именно тогда, как вспоминал В. М. Смирнов, он получил от Мэкелэ псевдоним «Паульсон». Мэкелэ говорил: «Эта фамилия интернациональная, под ней можно быть в зависимости от обстоятельств и русским, и финляндцем, и шведом, и немцем, и вообще кем угодно. "Паульсон" с тех пор сделался моей партийной кличкой».⁶⁸

Постепенно В. М. Смирнов начал выполнять поручения Петербургского комитета социал-демократической партии. Он прятал в надежном месте подпольную литературу, распространял листовки среди студентов. Затем, как человеку, знакомому с финляндскими условиями, ему доверили более серьезное дело: наладить перевозку нелегальной социал-демократической литературы из-за границы в Финляндии.

В 1901-1905 гг. В. М. Смирнов сумел организовать финляндский транспортный путь, по которому в Петербург было перевезено значительное количество искровских изданий.

Владимир Мартынович был не только организатором перевозки «Искры». Он являлся постоянным корреспондентом этой газеты. В «Искре» было опубликовано 22 материала о политике царизма в Финляндии. Автором девятнадцати из них был В. М. Смирнов.

Ближайшим другом В. М. Смирнова и его товарищем по революционной работе в Финляндии был Николай Евгеньевич Буренин, мать которого владела поместьем, расположенным возле российско-финляндской границы. Через это поместье было перевезено в Петербург большое количество ящиков с искровскими изданиями.

В ноябре 1905 г. В. М. Смирнов впервые встретился с В. И. Лениным. Это было в Гельсингфорсе. Сам он писал об этом следующее: «Он говорил с нами просто, по-товарищески. Главным образом о своей поездке (из Стокгольма в Гедьсингфорс), что в эту минуту особенно нас интересовало. Меня тогда уже поразили добродушная естественная простота его обращения, веселый выразительный смех и столь характерная для Ильича усмешка – улыбка».⁶⁹

На другой день приезда в Гельсингфорс В. И. Ленин переселился на квартиру Смирнова, которая располагалась по адресу Елизаветинская /Лийсанкату/, 19. Этот дом сохранился до наших дней.

Надо сказать, что еще в январе 1908 г., когда Смирновы переехали на постоянное жительство в Гельсингфорс, Владимир Мартынович получил от Гельсингфоргского университета назначение на должность лектора русского языка, а позднее также и помощника библиотекаря русской университетской библиотеки. С тех пор сюда «по делам» к нему стали наезжать товарищи. Изредка и он ездил в Петербург. Круг друзей расширялся. Он пользовался полным доверием в оппозиционных кругах. Несмотря на постоянную слежку, В. М. Смирнов не прекращал подпольной революционной работы.

Яркой страницей его биографии стали годы первой российской революции. В. М. Смирнов участвовал в транспортировке оружия из-за границы в Петербург, он был связан с руководителями Военное организаций РСДРП в Финляндии. После поражения Свеаборгского восстания, чтобы спасти от расправы тех участников, которым удалось скрыться в Финляндии, Владимир Мартынович организовал два "пансионата" на западном побережье страны, помогал солдатам и матросам безопасно переправиться в Россию или за границу.

Весной 1906 г., когда став вопрос о проведении за границей IV съезда РСДРП, в Стокгольм отправилась Е. Д. Стасова. Она имела при себе рекомендательное письмо Владимира Мартыновича Смирнова, адресованное лидеру левого крыла социал-демократической партии Швеции Хинке Бергегрену. Как известно, шведские социал-демократы оказали делегатам необходимую помощь, и съезд состоялся в стокгольмском Народном доме.

В. М. Смирнова с помощью своих финляндских знакомых организовал безопасный проезд делегатов IV съезда РСДРП в Стокгольм, да так, что охранка не сумела задержать ни одного из них. Владимир Мартынович был организатором переезда через Финляндию за границу весной 1907 г. и делегатов V съезда РСДРП.

Когда репрессии царизма против революционеров усилились, Владимир Мартынович и его друзья решили образовать "Комитет для вспомоществования русским политическим эмигрантам". В комитет вошли университетские профессора. В том числе и директор университетской библиотеки и непосредственный начальник В. М. Смирнова, Андрей Викторович Игельстрем. Владимир Мартынович был секретарем этого комитета. Они выпустили воззвание о сборе средств. Многие откликнулись. Шведская социал-демократическая газета прямо написала по этому поводу: «В нашей стране симпатии всецело на стороне оппозиционной части русского народа в его борьбе с абсолютизмом и бюрократизмом. Но недостаточно только заявить это. Необходимо, чтобы каждый раз, когда русскому революционеру будет грозить опасность ареста, со стороны наших сограждан проявля-

лась такая инициатива, чтобы ни один человек не был задержан и выдан отсюда».⁷⁰

В. М. Смирнов часто использовал библиотеку университета для встречи русских друзей-революционеров. Он говорил своим гостям, что только знатоки могут там ориентироваться.

Владимир Мартынович поддержал терные связи с левым крылом финляндской социал-демократической партии. Об этом свидетельствуют, в частности, записи в дневнике за 1917 г. социал-демократа Карла Харальда Вийка.

С весны 1918 г. В. М. Смирнов начинает работать в Петрограде и в Москве, в Государственной комиссии по просвещению, а затем, осенью того же года, уехал в Стокгольм, чтобы наладить там работу отделения Российского телеграфного агентства /РОСТА/.

Постепенно со Швецией налаживались научные и культурные связи. Обо всем этом регулярно сообщал в Москву стокгольмский корреспондент РОСТА. В то же время В. М. Смирнов рассказывал шведам о России, о Горьком, о русской литературе, выступал с лекциями, со статьями шведской печати.

В 1925 г. В. М. Смирнов начинает работать над серией статей о событиях и людях об истории российско-финляндских революционных связей. С 1925 г. и по 1928 гг. он отправил в Москву десять таких статей. В 1985 году в Ленинграде вышла его большая книга «Из революционной истории Финляндии. 1905, 1917, 1918 гг.».

С конца 1939 г., после нападения фашистской Германии на Польшу, в Швеции усилилась реакция. Подняли голову нацисты. В этой обстановке положение советских ладей в Стокгольме было нелегким. Оно еще более осложнилось, когда гитлеровская Германия начала агрессию против Советского Союза. В печати велась разнузданная пропаганда. Некоторые бывшие друзья в эти трудные дни отвернулись от Смирнова, другие боялись поддерживать с ним контакты, опасались террора местных нацистов.

Но и в этой тяжелой обстановке консул Смирнов защищал интересы своей Родины. Он выступает с лекциями об опасности нацистской идеоло-

гии, о великой освободительной миссии советской страны, спасающей мир от коричневой чумы, помогает в организации сбора средств для оказания помощи советским детям, оставшимся без родителей. Всеми возможными путями старается мобилизовать общественное мнение на помощь советской стране, убеждает в необходимости сохранения Швецией строгого нейтралитета.

Почти слепой, он продолжает работать. 27 мая 1948 г., в субботу, на собрании Общества поощрения шведско-советских культурных и научных связей в объявлении стоял его доклад о 75-летию Горького. На трибуну подняться ему помогли. Но и слепой, Смирнов сделал блестящий доклад. Ему долго аплодировали.

В конце декабря 1948 г. ему пришлось снова лечь на операцию в Каролинскую больницу. Всю ночь сидела у его постели жена Владимира Мартыновича Карин Стриндберг-Смирнова, дочь известного шведского писателя.

Когда сняли повязку, Смирнов вскричал: «Вижу!». Один глаз хирургу удалось спасти. Другой же остался безнадежно потерянным.

И снова Смирнов выступает с докладами и лекциями на собраниях Общества, перед студентами, в рабочем институте. Радостно отметили в Стокгольме друзья России День Победы над гитлеровской Германией. Состоялось торжественное заседание в одном из крупнейших залов шведской столицы - доме гражданина. В президиуме сидел, утирая слезы, шестидесятилетний В. М. Смирнов.

Продолжает лекционную работу В. М. Смирнов и после войны. 25 марта 1952 г. в протоколе заселения правления Общества записано, что В. М. Смирнов сделал в делах укрепления культурных связей между Швецией и Советским Союзом «большую и важную работу», что он «оставил заметный след в работе Общества».

Самого Смирнова на заседании правления не было. Он тяжело болел. Умер Владимир Маргынович 27 декабря 1952 г. Перед смертью он попросил похоронить его рядом с матерью, на кладбище в Сигтуне, Прово-

дять его в последний путь пришли многие друзья, активисты Общества шведско-советской дружбы.

Норвежские полярные исследователи - гости Санкт Петербурга (на рубеже XIX- XX веков)

Северный Ледовитый океан, Арктика, на протяжении веков привлекали внимание русских и норвежцев. Мореплаватели Норвегии и России начиная с древних времен ходили в водах Баренцева моря, высаживались на берегах Шпицбергена, Новой Земли., пытались пройти вдоль побережья России, северные берега которой примыкали к арктическим просторам.

На базе архивных документов и печатной научной литературы автор рассматривает развитие научных контактов российских и норвежских полярных исследователей и какое значение имела столица России Петербург для осуществления этих связей, практическая необходимость которых возросла в связи с проблемами изучения и освоения Северного Морского пути.

Эпоха активного сотрудничества в Арктике связала российских исследователей с норвежцами, в том числе со знаменитыми полярниками Фритьофом Нансеном и Руалом Амундсеном.

В России, в Петербурге, активную работу в исследовании Арктики проводили ученые Российской академии наук и Русское Географическое общество проявляло большой интерес к результатам полярных исследований Норвегии.

Ф. Нансен, начиная с экспедиции на судне «Фрам» 1893-1896 годов, и до конца жизни был тесно связан с Географическим обществом. Русские ученые и моряки поддерживали проект Ф. Нансена по проведению дрейфа в Арктическом бассейне, предоставляли ему морские карты северных морей, сведения о населенных пунктах на севере Сибири, данные о гидрологии и климате, помогали в приобретении для экспедиции нескольких десятком лучших сибирских ездовых собак и организовали на необитаемых Новосибирских островах три продовольственных депо.⁷¹

Российская научная общественность с восторгом приняла известие об удачном завершении дрейфа экспедиции Ф. Нансена. Императорская Академия наук командировала Ученого хранителя Минерологического музея, надворного советника, барона Эдуарда Толля на три недели в Норвегию, где в августе 1896 года чествовали Ф. Нансена.⁷² По ходатайству Русского Географического общества российское правительство наградило Нансена орденом Станислава 1 степени, а Географическое Общество присудило ему Константиновскую золотую медаль.⁷³ В 1897 г. Нансен был приглашен участвовать в Петербурге на Международном геологическом конгрессе, но норвежский учёный не смог приехать. Лишь 13 апреля 1898 г. он с супругой все же приехал в Петербург как гость Географического общества. Ему были отведены апартаменты в гостинице «Европейская» и предоставлен экипаж. 28 апреля в зале Петербургского дворянского собрания состоялась торжественная встреча при полном составе шведско-норвежской миссии.⁷⁴ В «Петербургской газете» от 16/28 апреля 1898 г. писали, что публика чествовала Ф. Нансена горячо, как своего соотечественника. 17 апреля в Географическом обществе в присутствии Нансена состоялось заседание, посвящённое исследованиям Ледовитого океана, в работе этого заседания принимали выдающиеся русские учёные - А. И. Воейков, М. А. Рыкачёв, Ю. М. Шокальский и др. Обсуждались, в том числе и вопросы сознания экспедиции, в задачу которой входило изучение приполярного района. От визита в Петербург у Нансена остались самые приятные впечатления - его принимали в Главной физической обсерватории, академических музеях.

Это был первый визит Нансена в Петербург. В этом городе жили его друзья – барон Э. Толль и адмирал С. О. Макаров, с которым Нансен был в активной переписке, обсуждая многие вопросы, связанные с детищем адмирала Макарова ледоколом «Ермак» и планы предстоящей полярной экспедиции Э. Толля. Но, как известно, эта экспедиция кончилась трагически, да и вскоре С.О. Макаров погиб.

Но визит Ф. Нансена в Петербург в 1898 г. носил и другой характер. В период пребывания в столице состоялась его встреча с императором Николаем II и представителями российского правительства. Во время встречи

обсуждался вопрос договора между Норвегией и Россией о невмешательстве России в разногласия между Швецией и Норвегией. Ф. Нансен был привлечён к таким конфиденциальным переговорам с Россией, так как считался в норвежских общественных и правительственных кругах как наиболее подходящая фигура. В результате переговоров было заключено ряд соглашений, о которых Ф. Нансен телеграфировал не из Петербурга, а из Вены, так как опасался, что за ним могли следить разведывательные органы.⁷⁵

Второй раз Ф. Нансен посетил Петербург в 1913 г. после его блистательной поездки по Сибири, Путешествие началось в северном норвежском городе Тромсё на пароходе «Коррект», продолжилось оно по северным морям до устья Енисея, затем он побывал в Красноярске, Екатеринбурге, Владивостоке. На обратном пути Нансен навестил старых друзей в Петербурге, встречался с А. П. Карпинским, Н. М. Книповичем.

18 октября он выступил на заседании Географического общества с докладом о морском пути в Сибирь, рукописный вариант которого хранится в Архиве Русского Географического общества в Петербурге.⁷⁶ 30 октября в его присутствии состоялось обсуждение планируемой Г. Я. Седовым экспедиции к Северному полюсу.

Третий визит Нансена в Петроград состоялся в 1920 г. в качестве верховного комиссара Лиги Наций по делам репатриации военнопленных, где на первом заседании Петроградского совета его приветствовал А.М. Горький.

В 1921 г., 4 сентября, Нансен обратился к новому правительству России разрешить послать запасы продовольствия для голодающего населения Петрограда.

Летом 1928 г. ученый приехал в Ленинград на Вторую полярную конференцию Аэроарктик уже как председатель созданного по его инициативе Международного общества по изучению Арктики с помощью воздушного корабля. На этой конференции он познакомился с директором Института по изучению Севера Р. Л. Самойловичем. 18 июня 1928 г. в Большом Конференц-зале Академии наук началась работа этой конференции, кото-

рую приветствовал Президент Академии наук академик А. П. Карпинский. Работа конференции продолжалась до 22 июня. Норвежский учёный уезжал из Ленинграда полный планов, в том числе организовать Международный институт по исследованию полярных районов, с музеем и архивом.

Но жизнь распорядилась иначе – 13 мая 1930 г. Ф. Нансен умер.

Руал Амундсен посещал Петербург не так часто. Он был прекрасным организатором экспедиций, как в северные арктические районы, так и на Южный полюс. Участником экспедиции в Антарктику был русский помор А.С. Кучин, закончивший курсы океанографов в Бергене.⁷⁷

В 1903-1906 гг. Р. Амундсен на судне «Йоа» впервые в истории совершил непрерывное плавание из Атлантического океана в Тихий, открыв Северо-Западный проход. Российская научная общественность по достоинству оценила этот подвиг, и Географическое общество вновь стало инициатором приема норвежского полярного путешественника. В Российском Государственном историческом архиве сохранилось приглашение на имя Министра просвещения П. М. Кауфмана от Императорского русского географического общества, в котором указывалось, что 8 мая в 8 ½ часа вечера в зале Офицерского собрания Армии и Флота (Литейный 20) состоится экстренное Общее собрание членов Географического общества, на котором норвежский полярный путешественник Руал Амундсен сделает сообщение на французском языке об исследовании им области около северного магнитного полюса во время экспедиции 1903-1906 гг.⁷⁸

Перед визитом в Петербург Р. Амундсен и его брат Леон вели переписку с русским учёным Ю. М. Шокальским на французском языке.⁷⁹ Позднее Шокальский писал: В мае 1907 года он был у нас в Географическом обществе, сделал доклад о своём плавании, прожил у нас неделю и ездил с нами вокруг города по обсерваториям и паркам.⁸⁰

Второй раз Р. Амундсен посетил город в мае 1926 г., он возглавлял экспедицию на дирижабле «Норге I» управлял которым итальянец Умберто Нобиле. 10 апреля дирижабль стартовал из Италии, далее после посадок в Ленинграде и северном норвежском городе Вардё прибыл на Шпицберген в Кингсбей. Далее дирижабль пролетел над Северным полюсом и приземлил-

ся на Аляске.⁸¹ В Архиве Академии наук среди материалов Полярной комиссии хранится документ на имя неперменного секретаря Академии Наук от 8 февраля 1926 г. с просьбой получить сведения о ходе работ по подготовке к приему полярной экспедиции Амундсена, который должен был посетить Ленинград, а в Гатчине создавалась опорная база для его дирижабля.⁸²

Отто Свердруп, друг и соратник Ф. Нансена, опытный полярный капитан, совершивший немало смелых полярных походов, в том числе и на судне Ф. Нансена «Фрам» в 1893-1896 гг. Российское правительство высоко оценило вклад капитана О. Свердрупа в исследовании Арктики и в 1897 г. наградило его по представлению Географического общества орденом Святой Анны 2-ой степени. Несколько позднее, в 1914 г. О. Свердруп был приглашён участвовать в спасении трёх русских экспедиций, затерявшихся в ледяных просторах Арктики. Российский исследователь Л. Брейтфус способствовал приглашению О. Свердрупа для участия в розыске экспедиций. Работа норвежского капитана не прошла мимо внимания императора Николая II, и О. Свердруп был приглашён царём посетить Петроград в 1914 г., а затем через Архангельск вернулся в Норвегию.⁸³

Другой представитель семьи Свердрупов, Харальд Свердруп в августе 1930 г. принимал участие в работе Международной подготовительной комиссии по проведению Второго полярного года 1932-1933 гг. , проводимой в Ленинграде под руководством Полярной комиссии Академии наук. Но ещё в 1919 г. он с научными целями провёл 8 месяцев в одном из далёких стойбищ на Чукотке, и вместе с капитаном судна «Мод» Вистингом совершил путешествие вокруг Чукотки на собачьих упряжках.⁸⁴

Нельзя обойти вниманием сотрудничество норвежских и русских полярных геологов. Один из ведущих полярных геологов России П.В.Виттенбург имел тесные контакты с норвежским учёным А.Хулем, с которым П.В. Виттенбург в 1913 г. вместе работал на Шпицбергене. После плодотворной совместной работы норвежские учёные прислали в Геологический музей, где работал российский учёный образцы отложений на Шпицбергене, а в 1920 г. П. В. Виттенбург встречался со своими норвежскими коллегами на

Севере Норвегии, в Киркинесе. Командировка П. В. Виттенбурга в Норвегию в 1926 г. укрепила контакты с учёными, и было положено начало обмена коллекциями и гипсовыми слепками. В одном из писем А. Хуль писал, что осенью 1913 г. он изучал геологические коллекции со Шпицбергена в институте П. В. Виттенбурга в Петербурге и имел возможность жить какое-то время в доме русского учёного. В мае 1924 г. П. В. Виттенбург посетил Христианию (Осло), где он должен был выбрать для экспедиции исследовательское судно и провиант. Вместе с Отто Свердрупом и другими норвежцами им удалось выполнить задачу. Визит русского учёного не остался незамеченным, о нём и его четырнадцатидневном визите писали газеты города Бергена.

В книге Ёрьяна Ульсена можем прочесть следующие строки: «На следующее утро мы ехали по залитому солнечным светом Невскому проспекту на пути в Сибирь. На Николаевском вокзале нас ожидала приятная встреча с доктором Виттенбургом, который ранее работал на Шпицбергене, и который приобрёл много друзей среди норвежских учёных».⁸⁵

Необходимо отметить и дружеские контакты этого учёного с Ф. Нансеном, с которым он обменивался научной литературой, а во время проведения вышеуказанной Второй конференции Международного общества «Аэроарктик» Ф. Нансен и проф. П. Виттенбург в Коммунистическом университете им. Зиновьевыя прочитали доклад о целях и задачах исследования полярных стран,⁸⁶ а после официального закрытия конференции профессор П. Виттенбург пригласил всех присутствовавших участников осмотреть кабинет Географии полярных стран Географического факультета Ленинградского университета, выставку Якутской экспедиции Академии наук и отделения геологии Полярных стран Геологического музея Академии наук. Ф. Нансен и другие зарубежные учёные с удовольствием приняли приглашение.⁸⁷ В подготовке Второго полярного года 1932-1933 П. Виттенбург уже не смог участвовать, так как в 1930 г. он был арестован как враг народа и сослан на север Сибири.⁸⁸

В 1930-е гг. научные контакты между норвежскими и советскими полярными исследователями ослабли. В послевоенный период, с конца

1950-х гг. начался подъём связей, особенно после участия скандинавских учёных – доктора В. Шютта и доктора Э. Эриксона из Швеции и доктора Н. Й. Шумахера из Норвегии в высокоширотной океанографической экспедиции, организованной Ленинградским научно-исследовательским институтом Арктики и Антарктики. Экспедиция проходила на борту дизель электрохода «Обь» в районе Гренландского моря.

В 1956 г. полярный исследователь из ААНИИ доктор Н. А. Волков посетил Норвегию, где встретился с директором Норвежского полярного института уже знакомым нам доктором Х. Свердрупом.

В 1960-е гг. научные связи между учёными активизировались. В эти годы значительное число норвежских специалистов посетило ААНИИ и Институт геологии Арктики. Среди них можно назвать доктора Йельсвика, проф. Хорвина, доктора Фрогнера, Симонсена, и многих других. Гость ААНИИ исследователь из Норвежского полярного института Т. Винье впервые посетил одну из дрейфующих станций «Северный полюс». Научные контакты носили продуктивный характер, особенно это касалось исследований Антарктики.

В последующие годы на многочисленных семинарах, симпозиумах и конференциях, посвящённых изучению приполярных районов Земного шара, проводившихся в Ленинграде-Петербурге, принимали участие полярные исследователи из Норвегии.

ВОЙНА И ПОЛИТИКА

П.А.Кротов

К решению проблемы безопасности Санкт-Петербурга в начале XVIII в.: из истории морского сражения у Гренгама

Основанный на первом же отвоеванном у шведов участке побережья Балтийского моря Санкт-Петербург с самого своего рождения подвергался ощутимой внешней угрозе. Даже в день закладки Петром I 16 мая (ст. ст.) 1703 г. крепости на Заячьем острове, положившей начало городу, вблизи от места торжества на взморье у устья Большой Невы находилась шведская «невская эскадра» под флагом вице-адмирала Г. фон Нумерса. Члены Государственного совета Швеции так формулировали ее задачу на кампанию 1703 г.: «...всеми силами стараться запереть для неприятеля Балтийское море и нанести ему ущерб»⁸⁹.

Особую роль в обеспечении безопасности города у моря, естественно, призван был играть военно-морской флот. Отражению нападения шведской эскадры вице-адмирала Я. де Пру в июле 1704 г. на морской форпост Петербурга – крепость-башню Кроншлот и укрепления острова Котлин – содействовали корабли ускоренно создававшегося Балтийского флота России. В июне – июле 1705 г. захватить Котлин и прорваться к Петербургу пытался с сильным флотом в составе трех эскадр адмирал К.Т. Анкершерн. Сокрушительный провал этой попытки привел к отказу шведов в последующие годы от наступательных действий против Петербурга со стороны моря. Театр военных действий все более удалялся от Петербурга. Русские войска заняли в 1710 г. Выборг, Ригу, Ревель (ныне Таллин), в 1713 г. – южную Финляндию с Гельсингфорсом (Хельсинки) и Або (Турку), в 1714 г. – северную Финляндию и Аландские острова. Однако в 1720 г. в шведских правящих кругах снова распространились замыслы, опираясь на поддержку Великобритании, перейти к наступательной войне – и в первую очередь высадить экспедиционный корпус в Финляндии. Конец этому плану положило

морское сражение шведской эскадры вице-адмирала К.Г. Шеблада и галерной флотилии генерала М.М. Голицына в Аландских островах 27 июля 1720 г.

Как оказалось, история сражения до сегодняшнего дня, с одной стороны, в значительной мере мифологизирована, содержит много недостоверных фактов, с другой же стороны, имеет немало загадок, некоторые его обстоятельства, итоги требуют дополнительных архивных поисков и размышлений. Очень продуктивно сопоставление «русской» и «шведской» версий сражения. Сдернуть пелену мифотворческих наслоений с некоторых реальных событий в ходе баталии, показать различные количественные характеристики сражавшихся близ Гренгама автор стремился в публикации двухлетней давности⁹⁰; данная статья продолжает изложение итогов проведенного исследования.

С какими же силами К.Г. Шеблад двинулся против российского гребно-парусного флота?

И.И. Голиков, В.Н. Берх, А.П. Соколов, Ф.Ф. Веселаго, Г.А. Богуславский, Б.С. Тельпуховский, В.А. Петровский, С.Д. Осокин, Л.Г. Бескровный и другие историки использовали весьма приблизительные данные зрительных наблюдений 26 июля 1720 г. о составе эскадры капитан-командора Э. Шеблада, приведенные в донесении М.М. Голицына от 31 июля 1720 г.: линейный корабль, 4 фрегата, 3 галеры, шнява, бригантина, галиот и 3 шхербота, к которым присоединились «еще прибылые» 27 числа суда во главе с вице-адмиралом К.Г. Шебладом⁹¹. Не приводят полных сведений о составе объединенных сил вице-адмирала Шеблада и зарубежные историки.

Прояснить этот важнейший для воссоздания истории сражения вопрос позволяет обращение к находившимся до настоящего времени вне поля зрения историков архивным документам: допросам захваченных в плен на 4 шведских фрегатах офицеров, скрепленным подписью М.М. Голицына⁹², которые были посланы им вместе с донесением о сражении от 31 июля 1720 г.⁹³, и «Реэстру линее, учиненной к баталии, швецких судов по ведомостям от полонных офицеров», то есть составленному на основании

допросов же плененных 27 июля 1720 г. шведских офицеров⁹⁴, «что в действии с швецкой стороны было караблей, фрегатов и протчих судов», который прилагался к письму участника сражения бригадира князя И.Ф. Барятинского генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину с галеры «Нева» «от урочища Флисеберга», датированному 30 июля 1720 г.⁹⁵

Совокупный анализ этих источников дает основание считать, что примерно в 4 – начале 5-го часа дня 27 июля 1720 г. из пролива Ледсунд «на обордирунг» российских галер двинулась внушительная шведская эскадра из 17 боевых кораблей. Сначала впереди шел линейный корабль К.Г. Шеблада, но на плесе Фегле-фиорда его обошли 4 фрегата – так излагали действия шведской эскадры захваченные в плен на этих фрегатах офицеры⁹⁶. Шведы, как и полагалось по правилам линейной тактики, шли в строю кильватерной колонны – линии баталии. Ее порядок зафиксирован в названном выше «Реэстре линее, учиненной к баталии, швецких судов...» бригадира И.Ф. Барятинского от 30 июля 1720 г.⁹⁷ Первым навстречу противнику двигался фрегат с символическим названием «Венкер» (победитель; 30 пушек), вслед за ним – фрегаты «Данск Эрн» (18 пуш.), «Стор Феникс» (34 пуш.), «Кискин» (22 пуш.), потом флагманский корабль «Поммерн» (52 пуш.), за которым шла галера «Пеликан» (2 пуш. и 24 баса) с Э. Шебладом на борту, потом фрегат «Эбенецер» (20 пуш.), галера, малый фрегат «Паган» (12 пуш.), галера, малый фрегат «Лилла Феникс» (10 пуш.), галера, фрегат «Анклам» (36 пуш.), бригантина «Иккорн» (20 пуш.), и завершали строй шведских кораблей 3 шхербота (на каждом по 6 пуш.).

В то время как шведская эскадра на парусах при свежем попутном ветре зюйд-зюйд-вест пересекала плес Фегле-фиорда, М.М. Голицын отдал приказ отступить под прикрытия горы Флисе за мели узким проливом Флисесунд, через который шел корабельный фарватер к Або: миновав пролив, галеры оказались бы в полной безопасности от нападения. Отход осуществлялся без лишней спешки. По шведским данным, «около 20 галер» остались у Гренгама⁹⁸. В полшестого часа дня шведская эскадра вошла в непосредственное боевое соприкосновение с отступавшими российскими га-

лерами: К.Г. Шеблад дал сигнал атаки и был открыт артиллерийский огонь⁹⁹.

До сих пор в зарубежной литературе некритически воспроизводится такой элемент пропагандистской шведской версии баталии, что русские потеряли при этом отступлении 2 галеры, затопленные огнем артиллерии шведов¹⁰⁰. Этот «факт» не нашел отражения ни в подробной ведомости об ущербе, полученном галерами в сражении, ни в донесении М.М. Голицына от 31 июля 1720 г. Исследование хранящейся в архиве «Ведомости, сколько во время обордирун[га] швецких фрегатов и от пушечной стрельбы росических галер повреждено и снасти перебито», заверенной М.М. Голицыным¹⁰¹, однозначно показывает, что вывести из строя в ходе сражения шведам удалось только одну из русских галер. В ведомости об этой галере «Весфиш» говорится следующее: «Пробита в 6 местах, и она потонула у берегу при флоте и сожжена»¹⁰². Согласно рапорту М.М. Голицына от 31 июля 1720 г., перед поджогом и последующим затоплением «Весфиш» смогли разгрузить. В рапорте сказано, что «на розбитой галере «Весфиш» помокло» 25 четвертей муки, 45 с небольшим четвертей сухарей, 4 с лишком четверти круп и чуть более 14 пудов соли¹⁰³. По нашему мнению, остов корпуса именно галеры «Весфиш» обнаружен в самой узкой части пролива Флисе-сунд между островами Бренде и Флисе приблизительно в 700–800 м к северо-востоку от места сражения, в тылу позиции, с которой русские гребно-парусные суда начали атаку шведской эскадры. Остов покоится вблизи берега урочища Гора Флисе на глубине 10 м. Сохранились только часть днища галеры длиной 11 м, кирпичи от камбуза, а также часть некоей плетеной сетки. У берега же урочища Флисеберг найдены остовы еще двух подобных судов, но в отличие от них первая галера была сожжена до ватерлинии¹⁰⁴ – именно это было сделано с галерой «Весфиш» по окончании Гренгамской баталии. Сожженная галера «Весфиш» относилась к разряду скампавей, имела 30 весел¹⁰⁵.

К.А. Юлленгранат писал, что именно тогда, когда флагманский корабль и 4 фрегата шведов вышли к горе Флисе, чтобы пресечь галерам путь отступления через пролив Флисе-сунд и громить их огнем артиллерии, пре-

кратился ветер и это позволило противнику не только возликовать о чудесном спасении, но и перейти от бегства к атаке лишенных теперь возможности маневрировать шведских кораблей. Более того, ветер же будто бы помешал отставшим кораблям эскадры К.Г. Шеблада оказать помощь тем, которые вырвались вперед¹⁰⁶.

Ю. Манкелль также считал главным виновником поражения шведов близ Гренгама ветер. Он подытоживал относительно уроков столь несчастливой для шведов исхода баталии: «Определяющее воздействие имела перемена ветра на штиль; пока был ветер, парусный флот имел превосходство, но, когда настало безветрие, шхерный флот оказался в своей собственной стихии и отважился сразиться с парусным»¹⁰⁷. Обобщающий коллективный труд «История шведского флота», подводивший итоги развития национальной историографии к середине XX в., повествует о ходе сражения, что русские галеры «после больших потерь сначала принудили отступить, но затем ветер исчез и шедшие в атаку парусные корабли оказались по этой причине неподвижными, русские же не упустили благоприятной возможности и счастливо завладели 4 севшими на мель фрегатами»¹⁰⁸ (на самом деле на мель сели только 2 шведских фрегата¹⁰⁹). Утверждение части шведских историков о внезапном прекращении ветра повторил М.М. Бородкин¹¹⁰.

Событийная версия о затихшем ветре – один из элементов шведской пропагандистской версии сражения, призванной скрасить горечь поражения, списав часть его причин на «объективные обстоятельства», и создать видимость успехов шведов в ходе баталии. О прекращении ветра не сказано в донесении о баталии М.М. Голицына. Противоречит этому «факту» и то, что именно на парусах сумел в конце сражения уйти от погони флагманский линейный корабль шведов «Поммерн» и большая часть других судов шведской эскадры, являвшихся парусными кораблями.

Одна из составных частей версии шведской пропаганды о сражении у горы Флисе приведена в люксембургском ежемесячном журнале. Согласно полученному экспресс-почтой известию, в нем сообщалось: в «кровавом сражении, длившемся 6 часов» (?!), 4 севших на мель фрегата были перед

их сдачей русским подожжены шведами¹¹. Если бы поджог, в особенности же всех 4 фрегатов, самими шведами действительно имел место, это нашло бы отражение в донесении М.М. Голицына: проявления шведской верности долгу могли бы только возвысить значение победы россиян. Впрочем, версия о поджоге фрегатов накануне их пленения не получила развития в шведской литературе XIX–XX столетий.

Сопоставительный анализ русских и шведских материалов позволил выяснить, что тактика российской стороны в Гренгамском сражении была значительно сложнее, изобретательнее и решительнее, чем считалось до сего времени.

Во-первых, важнейшее свидетельство о тактике русского флота в сражении содержится в «Экстракте о службах» М.М. Голицына – источнике, который еще не использовался исследователями при изучении баталии близ Гренгама. По названному документу, после того как 4 передовых шведских фрегата развернулись для стрельбы, «наши галеры пресекли курс»¹². Тем самым вышедшие в тыл передовой части шведской линии баталии российские галеры отсекали шедшие сзади шведские боевые корабли, раздробили не-приятельскую эскадру надвое, воспрепятствовав полноценному участию в начавшемся бою ее второй части. Соотношение сил в артиллерии было изменено в пользу россиян, вышедшие вперед шведские корабли фактически оказались в окружении в неудобном для маневрирования, узком и насыщенном мелями месте. Надо полагать, этот удачный маневр был осуществлен главным образом тем отрядом из приблизительно 20 галер, которые, как выше упоминалось, по наблюдениям шведов, медлили с отступлением с гренгамского плеса к горе Флисе. Данным галерам ветер зюйд-зюйд-вест был попутным, и они могли стремительно выйти в тыл противнику и с использованием парусов.

Таким образом, выявлен не отраженный в отечественной и зарубежной историографии важный элемент тактики русского галерного флота в Гренгамском сражении, существенно дополняющий общую картину сражения.

Во-вторых, по шведским источникам, после овладения 4 фрегатами «русские всею своею силою», приблизительно 40 галерами, двинулись к «Поммерну», который в половине восьмого часа вечера снялся с якоря и, дав по неприятелю бортовой залп, начал уходить из Фегле-фиорда в обратном направлении¹¹³. Следовательно, атака шведского флагманского корабля была решительной и велась всеми силами, освободившимися после захвата 4 неприятельских фрегатов. Это также важная тактическая черта заключительной фазы баталии.

Жаркое дело близ Гренгама имело немало острых, напряженных ситуаций. Одна из них еще не освещалась в литературе – таран шведским фрегатом русской скампавеи. На основании, надо предполагать, ходивших в солдатской среде рассказов упомянул об этом эпизоде Гренгамской баталии в своих «Записках» служивший в 1720 г. в размещавшемся в Петербурге Белгородском полку В.А. На-щюкин: «...фрегат нашел на галеру Троицкого пехотного полка попе-рег и потопил ее, только люди со оной спаслись и большой азард приняли от потопления – полезли на шведской фрегат, а другие на близ идущия галеры свои спаслись, и тотчас оной фрегат взяли»¹¹⁴.

Сопоставление этого рассказа с другими источниками подтверждает достоверность его основы, но позволяет внести и необходимые уточнения. Солдаты Троицкого полка действительно сражались «при обордирунге швецких 4-х фрегатов»¹¹⁵. Изучение же характера повреждений галер в Гренгамском сражении по ведомости от 31 июля 1720 г. за подписью М.М. Голицына дает возможность определить название пострадавшей галеры. От тарана фрегата противника повреждения были получены только скампавеей «Хариус» («Хариус»). Согласно ведомости, на «Хариусе» «переломило кораблем» филарет – деревянный поручень на стойках, шедший вдоль борта; на скампавее были именно «изломаны» (а не перебиты пушечными ядрами) бархоут – утолщенный пояс наружной обшивки корпуса, «крылцы» – бортовые лестницы; сказано также, что «15 весел кораблем изломало»¹¹⁶. Скампавей «Хариус» была 30-весельной¹¹⁷, следовательно, шведский фрегат переломал все 15 весел с одного борта этой галеры. Как

следует из ведомости, протараненная галера отнюдь не затонула: несмотря на полученные серьезные повреждения, ее корпус выдержал столкновение. Команда «Хариу-са» должна была насчитывать около 150 сухопутных и морских чинов¹¹⁸. Столкновение фрегата с галерой под острым углом (переломаны все весла вдоль борта), приведшее к жесткому соприкосновению судов бортами, в силу чего многие из экипажа скампавеи «большой азард приняли» от угрозы затопления судна и, по словам В.А. Нащокина, «полезли на шведской фрегат», содействовало тому, что он был «тотчас» же захвачен.

Общим местом стали в историографии сведения о потерях шведов в сражении 27 июля 1720 г.: 103 павших и 407 пленных. Они содержались в ведомостях при донесении М.М. Голицына Ф.М. Апраксину от 31 июля 1720 г. Однако сам М.М. Голицын о посылаемых вместе с донесением о Гренгамской победе ведомостях писал: «А, подлинно выправясь, впредь доносить буду, понеже за скоростию не успели...».¹¹⁹ Именно такое исправленное «Ведение, коликое число на взятых швецких 4-х фрегатах отправляетца морских и сухопутных афицеров и протчих чинов, а кто имяны и которых фрегатов, також что померло и оставлено в Финляндии»¹²⁰ было подготовлено до 18 августа 1720 г., когда захваченные у шведов фрегаты были приняты в Гельсингфорсе капитан-командором Я. ван Гофтом¹²¹, имевшим приказ привести их в невскую столицу. Соответственно названному «Ведению», в Петербург отправляли 402 морских и сухопутных чина, перечисленных поименно, еще один служивший матросом на «Кискине» русский дезертир был оставлен в Гельсингфорсе. Источник сообщает также, что из шведских пленных к тому времени «от ран померло» 8 человек: 4 матроса, 2 солдата и 2 волонтера.

Таким образом, по уточненным после 31 июля 1720 г. сведениям, шведы потеряли в сражении пленными не 407, но 411 чел. (из которых 8 чел. скончались от полученных ран). С учетом же 103 чел., павших в бою, общие потери противника в личном составе равнялись 514 чел. – точно такие данные содержатся и в «Екстракте о службах» М.М. Голицына¹²². Это число следует рассматривать как неполное: до настоящего времени не ве-

дены в научный оборот надежные источники о потерях в людях на флагманском корабле К.Г. Шеблада и галере Э. Шеблада, принимавших непосредственное участие в бою. Служивший во флоте Швеции матросом уроженец Данцига А.Г. Сисе, добровольно перешедший 26 августа 1720 г. к россиянам, сообщил на допросе: «...сказывают, на том карабле и галере побито немало...»¹²³ По Х. Тегенгрену, из офицеров «Поммерна» 27 июля 1720 г. погиб его командир – командор К. Паулин¹²⁴, то есть число павших шведов увеличивается с учетом скончавшихся от ран, по достоверным данным, до 112 чел., а общий урон у шведов убитыми и пленными – до 515 чел.

Русские потери в людях были меньше, чем шведские: 82 погибших, 203 раненых и еще 43 опаленных¹²⁵ пороховым взрывом.

Шведские историки Х. Тегенгрен и Э. Хурнборг предполагали, что официальные русские сведения о потерях занижены, в силу того, что шведам якобы удалось уничтожить 43 русских галеры. Это являлось бы неоспоримым свидетельством, что урон среди размещавшихся на их открытых палубах команд гребцов-солдат должен был быть многократно больше¹²⁶. Предположения ученых опираются, однако, на созданный Ф.Ф. Веселаго миф о сожжении после сражения 43 галер¹²⁷ и поэтому несостоятельны. Ф.М. Апраксин писал 8 августа 1720 г. брату генерала М.М. Голицына рижскому губернатору П.М. Голицыну, что победа при Гренгаме достигнута «от нашей стороны без большого убытку»¹²⁸.

Подводя общий итог, следует сказать, что из-за ограниченного объема в статье рассмотрены не все историографические мифы и приведена только часть выявленных автором фактов и сведений о Гренгамской битве 1720 г. – сражении, ставшем толчком к началу русско-шведских переговоров в Ништадте, завершивших Великую Северную войну 1700–1721 гг.

Петербургский союзный договор между Россией и Швецией и Балтийский вопрос

В 1810 г. Франция и Россия разыгрывали «шведскую карту». Наполеон потерпел дипломатический провал: его неудачей стал союзный договор между Россией и Швецией 1812 г. Позднее, на острове Святой Елены, Наполеон с горечью признавал, что наполовину проиграл войну 1812 г. еще до ее начала.

Вначале казалось, что перевес сил на стороне Франции: после того, как потеряли независимость три ганзейских города Гамбург, Бремен и Любек, Франция стала балтийской державой. Российское правительство опасалось, что территория Швеции может быть использована Наполеоном как плацдарм для нападения на Россию. При назначении А.К.Бруна российским консулом в Гетеборг он получил инструкции наблюдать за французскими складами в городе и информировать правительство о накоплении на них стратегических запасов, военного снаряжения и создании arsenалов.¹²⁹ Наполеон стал презрительно и высокомерно говорить с Россией. 15 августа 1811 г. на официальном приеме он угрожал графу Куракину: «Вы рассчитываете на союзников? Где же они?... Не Швеция ли? - Она вспомнит, что, отняв у нее Финляндию, вы наполовину разрушили ее. Такие обиды не забываются. Весь континент будет против вас!»¹³⁰

Угрозы Наполеона были направлены и в адрес Швеции. Франция считала, что шведское правительство нарушает Парижский договор 6.01.1810 г. и поддерживает тайные отношения с Англией. Об этом Наполеон неоднократно жаловался российским дипломатам, в частности, русскому резиденту в Париже А.И.Чернышеву, и писал в личных посланиях Александру I. 13 ноября 1810 г. посланник Франции в Стокгольме Альке в официальной ноте, переданной министру иностранных дел Л.Эгстрему от имени Наполеона, сделал серьезные представления шведскому правительству, обвинив в нарушении Парижского мирного договора, и потребовал

объявления войны Англии не позднее 17 ноября 1810 г. Отказ означал новую войну с Францией.

Швеция оказалась в безвыходном положении. В любом случае ей грозила война, необходимо было выбирать союзников. В этой ситуации огромную роль играла Россия, армия которой находилась в непосредственной близости от границ Швеции. Военная кампания 1808-1809 гг. показала, что русские войска отлично подготовлены и значительно превосходят шведскую армию, и поэтому могут достаточно быстро оказаться вблизи шведской столицы. Важным фактором было приглашение в конце 1810 г. на шведский престол бывшего французского маршала Бернадота. Еще в 1806 г., воюя во французской армии, он очень мягко обошелся с пленными шведами - он их отпустил. Это создало ему большую популярность в Швеции, но вызвало скандал с императором Наполеоном, В 1810 г., после ухода в отставку, Бернадот был объявлен риксдагом наследником шведского престола (он стал основателем новой династии шведских королей, которая правит и сегодня).

Сложившуюся ситуацию российская сторона блестяще использовала в своих интересах. Александр I отдает распоряжение А.И.Чернышеву встретиться с Бернадотом и сообщить ему, что Россия не связана с кем-либо из союзников обязательством воевать против Швеции и “заинтересована в тесном сближении со Швецией”.¹³¹ На следующий день, 20 ноября 1810 г., Румянцев встречается с посланником Швеции в России Стедингом и заявляет, что после Финляндии Россия не имеет никаких претензий к Швеции. Если бы шведское правительство сблизилось с Россией теснее, чем с Францией, то Россия могла бы помочь избежать войны с Англией.¹³² Бернадот отлично понял цели России и стал использовать союз с ней в целях объединения Скандинавских стран. В декабре 1810 г. в беседе с русским резидентом Бернадот заявил, что “ни в ближайшем будущем, ни в перспективе она не собирается отвоевывать Финляндию”, но не против объединить свою страну с Норвегией. Получив принципиальное согласие на это объединение от Александра I, осенью 1811 г. Бернадот начинает вести в глубокой тайне переговоры об этом с Англией¹³³.

О тайных сношениях Швеции и Англии узнал Наполеон. В наказание за нарушение континентальной блокады 27 января 1812 г. французские войска вторглись в шведскую Померанию и оккупировали ее. Шведское имущество было конфисковано, солдаты и офицеры взяты в плен. Оккупация явилась официальным предлогом для переориентации шведской внешней политики. «Актеры» сбросили маски, союз Швеции и Франции распался де-факто. Официальная миссия во главе с Карлом Левенхельмом едет в Петербург в начале февраля 1812 г. и сообщает русскому правительству об отказе Швеции от континентальной блокады и установлении нейтральной позиции в отношении как Англии, так и Франции. Одновременно Левенхельм решал более важную задачу - он добивался от России помощи в присоединении к Швеции Норвегии. В письменной инструкции Левенхельму был изложен план совместных военных операций против Наполеона и давались советы относительно действий русской армии в предстоящей войне с Францией. Шведские планы о видах на Норвегию Бернадот изложил еще в декабре 1810 г. во время пребывания А.И.Чернышева в Стокгольме с поручениями царя.

Письма Бернадота Александру I находятся в Российском государственном историческом архиве, в фонде графа И.Ф.Паскевича, генерал-фельдмаршала, члена Верховного уголовного суда над декабристами, наместника царства Польского. На русско-шведском союзе настаивал финский землевладелец, в прошлом шведский государственный деятель, перешедший на русскую службу, граф Армфельт, часто беседовавший с Александром I.

Миссия Левенхельма в Петербург в феврале 1812 г. сложилась успешно. Уже 24 февраля Левенхельм написал в депеше о том, что русское правительство готово заключить со Швецией союз на предложенных ею условиях. Александр I всеми силами старался сгладить результаты недавней русско-шведской войны. «Забудем прошлое. – писал он, - Я находился тогда в ужасных обстоятельствах, и, клянусь честью, никогда не желал бы зла Швеции»¹³⁴ Царь выражал готовность признать права шведов на более

богатую Норвегию (принадлежащую тогда захваченной Наполеоном Данией) в компенсацию за присоединение к России Финляндии.

В феврале 1812 г. в Петербурге было подписано тайное соглашение, по которому в обмен на признание прав Швеции на Норвегию сами шведы подтвердили права России на Финляндию и Аландские острова. Главнокомандующий армией в Финляндии П.К.Сухтелен направил 17(29) марта 1812 г. проект русско-шведского союзного договора, переданный ему из МИДа Швеции Л.Энгстремом. Согласно проекту, Россия должна гарантировать присоединение Норвегии к Швеции и предоставить ей две дивизии в 20 тыс. человек, которые объединятся со шведской армией в 30-35 тыс. человек, высадятся в Дании под общим командованием Бернадота. За потерю Норвегии предполагалось дать Дании в виде компенсации герцогство Ольденбургское земли между Голландией и Эльбой и предложить датскому правительству присоединиться к русско-шведскому союзу. После начала войны на континенте русские и шведские войска должны были высадиться в Германии. Россия и Швеция к тому же брали обязательство не складывать оружия без взаимного согласия. Проект предусматривал присоединение Англии к этому союзу и использование ее флота. Дополнительно Швеция предлагала свое посредничество в заключении мира с Турцией. Договор подписан П.К.Сухтеленом и Л.Энгстремом 28 марта (9 апреля) 1812 г. в Стокгольме.

В депеше от 24 марта (5 апреля) 1812 г. Н.П.Румянцев сообщил о подписании в тот же день в Петербурге им и шведским представителем Левенхельмом русско-шведского союзного договора. Договор от 28 марта(5 апреля) 1812 г., подписанный П.К.Сухтеленом в Стокгольме, терял силу¹³⁵.

Петербургский союзный договор между Россией и Швецией предусматривал обязательство обеих сторон высадить в Северной Германии экспедиционный корпус для ведения военных действий против Франции общей численностью 40-50 тыс.человек (из них 15-20 тыс. русских солдат). Русский император давал обязательство обеспечить присоединение Норвегии к Швеции или дипломатическим, или военным путем, включая использование сухопутных, и морских вооруженных сил. Договор был составлен

в двух экземплярах, оба на французском языке, копий не делалось. От России договор подписал государственный канцлер, министр иностранных дел, граф Н.П.Румянцев, от Швеции - королевский генерал-адъютант, полковник, посланник Швеции в Петербурге граф Карл Аксель Левенхельм¹³⁶. В России договор ратифицирован 30 марта 1812 г. в Петербурге, в Швеции - 17 мая 1812 г. в Эребру.

Так за спиной Наполеона был заключен союзный договор между Швецией и Россией, восстановлены дипломатические отношения между Россией и Англией (при посредничестве Бернадота). 18 июня 1812 г., еще до вторжения французских армий в Россию, был подписан англо-русский мирный договор. Россия отказалась от участия в континентальной блокаде, Англия пообещала оказать помощь России в войне с Наполеоном. Стороны провозгласили согласие и дружбу, принцип взаимного наибольшего благоприятствия в торговле. Так создалась шестая коалиция против Франции. Швеция, благодаря блестящей дипломатической политике Александра I и Бернадота, сохранила нейтралитет в 1812 г. и присоединилась к армии союзников, громивших Наполеона в 1813 г.

Проблема российско-финляндской границы на Карельском перешейке в XIX-начале XX вв.

В декабре 1917 г. Финляндия обрела государственную независимость, и административная граница между Россией и бывшим Великим княжеством Финляндским превратилась в государственную границу. Новая пограничная линия, которая на Карельском перешейке пролегла лишь в нескольких десятках километров от Петрограда, в течение последующих лет была постоянным источником головной боли для советского руководства. Решить пограничную проблему путем переговоров не удалось ни в 1918, ни в 1920, ни в 1939 годах, в результате Советский Союз стал решать ее силовыми методами.

Впервые вопрос о финляндской границе на Карельском перешейке был, однако, поднят гораздо раньше, чем в 1918 г. Первые сомнения в целесообразности передачи Выборгской губернии (так называемой Старой Финляндии) в состав Великого княжества¹³⁷ появились еще в 1820-е гг. В 1822 г. артиллерийский департамент обратился к Александру I с представлением об отделении от Великого княжества имения Линтула, занимавшего почти весь приход Кивинеб (Кивеннапа), и прихода Новая Кирха (Уусикиркко). Финляндский сенат 27 января 1823 г. высказался в пользу передачи России Кивинеба, но против передачи Новой Кирхи.¹³⁸ В 1826 г. статс-секретарь Великого княжества Финляндского барон Ребиндер представил новому императору Николаю I свои соображения относительно присоединения к российским коронным землям Кексгольмского и Сердобольского уездов и приходов Кивинеб, Муола и Валкъярви на Карельском перешейке. Финляндский сенат высказался против этого проекта, и больше этот вопрос не поднимался.¹³⁹

В первый и единственный раз, как известно, российско-финляндская административная граница на Карельском перешейке подверглась изменению в 1864 г.: в соответствии с императорским указом от 1 февраля указан-

ного года Сестрорецкий оружейный завод с прилегающей к нему территорией в 12 квадратных верст был отделен от Выборгской губернии и передан в состав Петербургской губернии, и линия границы, проходившая здесь в районе поселка Горская, была проведена по каналу, соединявшему р. Сестру с Финским заливом.¹⁴⁰ Одновременно к Сестрорецку были приписаны русские рабочие Райволовского чугунного завода.¹⁴¹ Жители Райволово оказались, однако, в двойственном положении: они несли налоговые и прочие повинности наряду с жителями сестрорецкого общества, в административном же и в полицейском отношении они подчинялись властям Великого княжества. В апреле 1903 г. русские жители Райволово подали прошение о присоединении села к Петербургской губернии. Генерал-губернатор предложил финляндскому сенату дать свое заключение по этому вопросу, которое оказалось отрицательным.¹⁴²

Новые предположения об изменении российско-финляндской границы на Карельском перешейке появились в 1910 г., причем на этот раз они имели не чисто административную, а политическую подоплеку. Международная обстановка медленно, но неуклонно обострялась, в Финляндии в то же время усиливались сепаратистские тенденции. В этих условиях близость границы с Финляндией к столице империи создавала весьма неприятную ситуацию. Еще в июне 1910 г. помощник военного министра генерал А. Поливанов предложил включить территорию Кивинебского и Новокирхского приходов в состав Петербургской губернии.¹⁴³

13 ноября того же года состоялось заседание Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского под председательством главы правительства П.А. Столыпина. Совещание пришло к выводу о том, что присоединение Выборгской губернии к Финляндии «не только не устранило затруднений, возникавших в этой местности вследствие порубежного положения ее между Финляндией и коронной Россией, но значительно усугубило их, превратив названную губернию в совершенно чуждую и неприятную нам область. Вместо мелких административных неурядков, существовавших при русском управлении Старой Финляндией, в рассмотренной местности создано положение, несовместимое с достоинством Рус-

ского государства и угрожающее его безопасности, ибо под боком столицы Выборгская губерния и Выборг... оказались под преобладающим финляндским влиянием, следы же русского властвования в Выборгской губернии почти стерты, а население ее усиленно распропагандируется во враждебном к всему русскому духе».¹⁴⁴ В результате, констатировало совещание, «названный край является уже не крепким щитом для отражения неприятельского нашествия, а удобнейшею для него базой, выгодные оборонительные средства которой могут быть обращены против русской армии...».¹⁴⁵ В числе других обстоятельств, диктовавших необходимость пересмотра границы, назывались потребности борьбы с революционными элементами, «могущими ныне находить себе... безопасное убежище а нескольких десятках верст от С.-Петербурга», и устранение неудобств для местных русских дачников, «вынужденных в настоящее время иметь дело с таможенными учреждениями при переездах из империи и обратно».¹⁴⁶ Совещание приняло решение «представить на всемилостивейшее Его Императорского Величества благоволение вопрос о том, не благородно ли будет Его Величеству высочайше соизволить на разработку... законопроекта о включении в состав С.-Петербургской губернии Кивинебского и Новокирхского приходов Выборгской губернии».¹⁴⁷ «Высочайшее повеление» императора о разработке законопроекта о присоединении к Петербургской губернии названных приходов последовало 4 августа 1911 г.¹⁴⁸

Для подготовки законопроекта была образована Особая межведомственная комиссия под председательством сенатора тайного советника С.Е. Крыжановского, в состав которого вошли представители от Военного министерства, министерств внутренних дел, финансов, юстиции, путей сообщения, государственной канцелярии и Финляндского генерал-губернаторства.¹⁴⁹ Одновременно был поднят вопрос о присоединении непосредственно к России (к Петербургской или Олонецкой губернии) островов Ладожского озера Валаам и Коневец с расположенными на них православными монастырями.¹⁵⁰

Комиссия работала обстоятельно, собирая подробные данные об административном, экономическом, демографическом положении в указан-

ных приходах. В ходе работы между членами комиссии неоднократно возникали дискуссии и разногласия, в частности, относительно того, вводить ли в присоединяемых приходах сразу общероссийские административные порядки или временно сохранить существующие порядки, как провести новую административную границу и каким образом ее обустроить, как все же поступить с Райволово: оставить его в Кивинебском приходе или присоединить к Сестрорецкой волости и т.д. Законопроект, первый вариант которого был представлен в середине 1912 г., несколько раз пересматривался. Работа комиссии была полностью завершена лишь к концу 1913 г. Результаты ее деятельности рассматривались на заседании Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского 21 апреля 1914 г. Совещание пришло к заключению о том, что «важнейшие интересы государственной обороны требуют присоединения к империи не только Кивинебского и Новокирхского приходов..., но и всех центральных и северо-западных районов губернии, включая и принадлежащие к ней морские острова».¹⁵¹

Имелись и еще более радикальные предложения решения пограничной проблемы: великий князь Николай Николаевич, командующий войсками Петербургского военного округа, в рескрипте от 28 марта 1913 г. предлагал присоединить к Петербургской губернии территорию всей Выборгской губернии вплоть до р. Кюммене¹⁵² (то есть, до линии прежней русско-шведской границы, каковой она была в период 1743–1808 гг.). Начало мировой войны помешало, однако, завершить начатое дело. Проблема так и не была решена, и решать ее пришлось уже новому российскому руководству при совершенно иных обстоятельствах.¹⁵³

К обстоятельствам поездки норвежских бизнесменов в СССР осенью 1932 г.

До осени 1931 г. со стороны норвежского правительства не чинилось никаких препятствий экспортной работе СССР в этой стране.¹⁵⁴ Во многом это происходило потому, что у власти до 12 мая 1931 г. стоял второй кабинет Ю.Л.Мувинкеля, представлявшего либерально-буржуазную партию венстре. А с этой партией у Советской России еще с 1921 г. сложились вполне нормальные деловые связи. Но 12 мая в результате очередного правительственного кризиса, вызванного экономическими неурядицами, к власти впервые пришла Крестьянская партия «Буннепарти». Она находилась в политическом спектре Норвегии несколько правее центра и использовала накапливавшееся годами недовольство сельских жителей в своих политических интересах. При этом её руководители продолжали постоянно смещаться вправо. Показательно, что среди её лидеров оказался Видкун Квислинг - будущий создатель и руководитель пронацистской партии «Нашунал самлинг» (1933 год). В мае 1931 г. он получил кресло министра обороны.

С конца лета 1931 г. новое правительство приступило к настоящей **торговой войне** с СССР. Причем экономическая часть норвежских требований призвана была лишь завуалировать их истинную идеологическую мотивацию. Сначала было организовано наступление на советский лесной экспорт, а затем в 1931-1932 гг. была проведена массированная атака на весь спектр товаров из СССР. Особо показательна «масляная война» В ней лидировала газета «Нашуен», близкая к министру В.Квислингу.¹⁵⁵ Надо отметить, что подключились к спекуляциям на эту тему и другие более солидные издания, например, газета «Моргенбладет».¹⁵⁶ Сибирское и украинское масло пытались представить низкокачественным.¹⁵⁷

Предпринимались попытки дискредитировать и многие другие российские товары. В номере «Афтенпостен» за 17 сентября появилась большая публикация «Советский нефтяной демпинг». Статья была инспирирована англичанами, чьи позиции СССР только-только начал теснить. Редакция не скрывала этой связи с нефтяными монополиями Запада, прямо ссылаясь на данные «The Petroleum Times».¹⁵⁸ 2 октября правая «Нашуен» выступила против т.н. «советского спичечного демпинга»¹⁵⁹, а 24 того же месяца «напала» на советские галоши.¹⁶⁰ 22 октября уже в официальном органе министерства торговли «Норгес Хандель ог Шефартетиден» была помещена резкая статья против якобы проведенной торгпредством продажи с аукциона партии картофельной муки.¹⁶¹ Двумя днями раньше - 20 октября того же года - «Афтенпостен» резко выступила с дезинформацией о будто бы «незаконном импорте винограда» из СССР.

Определенная часть прессы систематически распространяла ложный тезис о том, что СССР ввозит в Норвегию больше товаров, нежели вывозит из неё. Материалы такого рода появились в «Нашуен» за 4 ноября, в редакционной и еще одной статье «Афтенпостен» от 19 ноября.¹⁶² Между тем применительно к началу 1930-х гг. такое утверждение прямо противоречило действительному положению вещей.¹⁶³ Импортируя товаров на много большую сумму, советская сторона как раз настаивала на своем праве увеличения экспорта, исходя из популярного тогда лозунга «покупай у тех, кто сам много покупает в Норвегии».¹⁶⁴

Заслуживает быть отмеченной и обобщающая статья против отечественного экспорта в таком солидном консервативном издании, как «Газета торговли и мореходства», опубликованная 20 октября 1931 г. Именно она одной из первых известила читателя об использовании «рабского труда» заключенных в СССР, который, с точки зрения авторов, и являлся залогом успешной конкуренции с местными норвежскими предприятиями.¹⁶⁵

Совершенно унижительным для советского полпредства и абсолютно уникальным по мелочности и нелепости был разговор одного из директоров Департамента торговли Фоса с Мещеряковым. Фос допытывался, *не продает ли наше посольство папирсы*, которые получает из СССР для

личного использования его работниками.¹⁶⁶ Конец 1931 г. ознаменовался еще одной конфликтной ситуацией на переговорах об условиях открытия Кремлю очередного гарантированного государством кредита на 1932 г.

В целом норвежское правительство пыталось доказать, что **вся внешнеторговая деятельность советского торгпредства в целом незаконна.**

В напряженной обстановке экономического кризиса участились столкновения не только в сфере импортно-экспортной политики, но и на концессионных делах. Первая волна нарушений была зафиксирована в мае 1931 г. Суда Олезундской зверобойной компании опустили южнее оговоренной концессионным договором границы в горле Белого моря, заходили они и в другие прибрежные воды российского Севера.¹⁶⁷ Концессионный убой тюленей весны следующего 1932 г. принес, пожалуй, самые массовые случаи злостного нарушения установленных границ норвежской зоны охоты.¹⁶⁸

Инициатором большинства торговых и политических конфликтов продолжало быть правительство Крестьянской партии Норвегии. Москва же старалась держаться исключительно в рамках экономического характера дискуссий.

***

Осенью 1932 г. правительство СССР попыталось переломить негативные настроения в норвежском обществе, сложившиеся в результате пропагандистской кампании Буннепарти. Сначала представительство и торгпредство Кремля в Осло старались сделать это через своих политических адептов (норвежских коммунистов). Однако влияние последних на пролетарские массы, а тем более на правящие круги Норвегии к началу 1930-х гг. было уже незначительно. Так, на парламентских выборах 1930 г. компартия получила только 1,7% голосов избирателей и впервые не смогла провести ни одного депутата в высший законодательный орган страны. Для сравнения скажем, что Норвежская рабочая партия (НРП) добилась в тот раз поддержки 31,4% электората и приобрела 47 мандатов в стортинге. По этой причине большей результативности советские дипломаты могли до-

стичь, действуя через заинтересованных в торговле с Советской Россией промышленников, а не через товарищей по общей идеологии. Этим путем и пошли.

Наиболее влиятельной фирмой, с которой СССР имел крупные контракты, являлась «Норшк Аллюминиум компани». На её поддержку в правительственных, парламентских, деловых кругах и была сделана ставка. Фирма стала инициатором поездки в Союз большой торговой делегации бизнесменов. Делегация насчитывала 17-18 человек. В её состав вошли директора металлургических предприятий Клауман (алюминиевая промышленность) и Хольта (ферросилициевая промышленность), Симонсон (Союз судовладельцев), Грин (химическая промышленность), Федерсен (фабрика рыболовных снастей), Лундхейм, Орэ, Иогансон и другие (представители хлебной монополии, импортеры пушнины, капитаны судов), словом, все те, кто реально был заинтересован в коммерции с Москвой, а не в разрушительном нагнетании дальнейшей напряженности во взаимных отношениях. В поездку привлекли и редакторов нескольких норвежских газет. Среди представителей средств информации особенно выделялся Офтедаль от ставангерской газеты. Не лишним будет упомянуть, что это сын бывшего министра торговли в правительстве венстре. А тот, в свою очередь, друг и соратник премьера этого правительства Людвиг Мувинкеля.¹⁶⁹ Кстати, среди советских дипломатов стало хорошим тоном характеризовать так некоторых норвежских деятелей. Это звучало в устах советских чиновников как высшая положительная рекомендация того или иного человека и знак дружественного расположения к России.¹⁷⁰

Делегация гостила в Советском Союзе довольно долго - с 26 октября по 10 ноября 1932 г. График её работы был составлен очень плотно. 27 октября для норвежцев был организован прием у наркома внешней торговли Аркадия Павловича Розенгольца.¹⁷¹ В тот же вечер от имени наркома был дан банкет в честь делегатов. Кроме деловых встреч им предстояла большая культурная программа: поездки в несколько городов, включая Ленинград, осмотр Московского Кремля, музеев, посещение театров столицы. Но главным, конечно, были деловые визиты на крупнейшие предприятия и

совещания с отечественными производителями и торговцами. Так, 27 октября с утра делегатам показали московский шарикоподшипниковый завод, 28-го - научно-исследовательские институты ЦАГИ и ВЭИ, в тот же день состоялась встреча в Торговой Палате с хозяйственниками России. На пятый день, 30 октября вечером выехали в Александровск для осмотра ДнепрогЭС и промкомбината. 2 октября утром их уже встречали в Харькове. Там норвежцы совершили экскурсию на ХТЗ (тракторный завод) и Турбострой, вели переговоры с Торговой Палатой Украины, потом отбыли в Киев. Гостили в образцовом совхозе недалеко от украинской столицы. К 5 ноября возвратились в Москву и осмотрели АМО (автомобильный завод). В тот же день слушали доклады в Торговой палате. В канун Октябрьской революции 6 ноября даже нанесли визит в показательный дом малолетних преступников, расположенный в самой Москве. А 7 ноября в качестве почетных гостей были приглашены на трибуны Красной Площади.

К вечеру 8 ноября их встречали уже в Ленинграде, и на следующий день делегаты-бизнесмены по достоинству оценили новые сооружения морского порта и масштабы разросшегося Дубровского комбината. На «Дубровке» побывали не случайно. До революции она принадлежала норвежским собственникам, позже стала одним из главных объектов спора судьбе о норвежской собственности в Советской России, а затем несколько лет была концессионным предприятием. Вечером 9 ноября опять были встреча и банкет на этот раз с питерскими хозяйственными руководителями. 10 ноября в самый день отъезда домой норвежцы успели-таки посетить в Ленинграде трикотажную фабрику «Красное Знамя» и телефонный завод «Красная Заря».¹⁷²

Мы уделили столько внимания графику гостевых и бизнес-мероприятий, чтобы подчеркнуть желание Кремля оставить у делегатов стойкое впечатление о явных перспективах роста экономической мощи Советского Союза. Это была образцово-показательная пропагандистская акция для иностранцев. Она была призвана убедить представителей деловых кругов Норвегии и ее прессы в том, что результаты первой советской пятилетки грандиозны. В данном конкретном случае норвежским капиталистам пока-

зали прежде всего быстро растущие производства, которые требовали большого количества специальных металлов и сплавов. Тем самым у них укреплялись надежды на дальнейшие советские заказы этих металлов в Норвегии.

Можно сказать, что расчеты НКВТ на этот вояж оправдались. Вернувшись из Ленинграда в Норвегию, члены делегации выступили с серией интервью и статей весьма благожелательного для России характера. Главный директор «Норшк Алюминиум К^о» Сигурд Клауман выступил с несколькими докладами о результатах поездки, в которых твердо высказывался за укрепление экономических связей двух стран.¹⁷³ А член правления этой фирмы директор Ханс Фасмер (тоже близкий друг лидера венстре Мувинкеля) все свои выступления в парламенте и печати направил против тех, кто пытался нарушить нормальные деловые отношения с СССР.¹⁷⁴ Х.Б.Ф.-Фасмер был человеком последовательным. Поэтому в своих интервью еще с конца 1931 г. информировал прессу, что промышленные круги, в отличие от правительства Буннепарти, «склонны к удовлетворению» русских претензий по вопросу о масле и статусе торгпредства.¹⁷⁵ 17 ноября 1932 г. г. «Арбейдербладет» опубликовала полный отчет торговой делегации об этом турне по Союзу.¹⁷⁶ В нем отмечалась интенсивная и полезная строительная деятельность в СССР. В заключение публикации также делался вывод о том, что Россия и Украина являются обширным рынком, в котором Норвегия очень заинтересована. Социальное положение в СССР делегаты освещать не стали «как вопрос, находящийся вне пределов компетенции делегации».¹⁷⁷

Несколько месяцев спустя - 3 марта 1933 г. правительство Буннепарти пало и к власти вернулось правительство Ю.Л.Мувинкеля, которое постаралось нормализовать отношения с СССР. Важную роль в этом сыграли промышленные круги Норвегии, которые совместно с советскими дипломатами организовали деловой вояж конца 1932 г.

Организация медицинской помощи раненым и больным в Ленинграде во время советско-финляндской войны

Общая численность раненых и больных, доставленных в Ленинград с ноября 1939 г. по апрель 1940 г., составила 167 915 человек¹⁷⁸, большая часть из них была размещена в лечебных учреждениях города, другая, после оказания им необходимой медицинской помощи была отправлена в тыл страны. Частично раненые и больные эвакуировались в тыловые госпитали "транзитом". Основным критерием при распределении являлись медицинские показания пострадавших: в городе оставались, как правило, тяжелобольные и раненые, которым требовалась специализированная медицинская помощь. Раненые и больные проходили лечение в более чем 50 медицинских учреждениях города, имевших различную ведомственную подчиненность.

Ленинград, являвшийся центром округа, наряду с административным руководством сосредоточил в своих руках не только функции лечебного обеспечения гарнизона, но и оказания специализированной медицинской помощи войскам, принимавшим участие в советско-финляндской войне. В городе располагались крупнейшие военно-медицинские учреждения, накопившие опыт практической работы в период боевых действий. В этот разряд входили как постоянные военные госпитали, так и научно-практические центры, обладавшие высококвалифицированным личным составом и необходимой материально-технической базой. Однако ход советско-финляндской войны показал неспособность данных учреждений самостоятельно организовать медицинское обслуживание доставленных в город. Главными причинами, осложнившими положение, стали: высокая концентрация войск на Карельском перешейке, большое число санитарных потерь, недостаточный уровень организации лечебно-эвакуационной работы в армейском и войсковом районах. Все это предопределило увеличение показа-

телей доставленных в город, в десятки раз превышавшие планируемые, вследствие чего, гражданские учреждения вынужденно стали привлекаться в более широких масштабах.

Формирования военного ведомства, в том числе фронтовой эвакуационный пункт (ФЭП) 50, сосредоточили в своих руках организацию работы медицинской службы не только в Ленинграде и пригородах, но и прилегающих областях. ФЭП являлся центральным лечебно-эвакуационным органом фронтовой санитарной службы¹⁷⁹, главными задачами которого были: определение величины и структуры санитарных потерь на основе медико-статистических данных; организация приема, сортировки, квалифицированного и специализированного лечения, размещения пострадавших; управление эвакуационной работой; организация снабжения лечебно-эвакуационных учреждений; проведение санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий.

Начальником ФЭП 50 был И.М.Черняк, занимавший до февраля 1940 г. также пост начальника Ленинградского Красноармейского военного госпиталя имени З.П.Соловьева¹⁸⁰.

Организация лечебно-эвакуационной работы в Ленинграде сводилась к следующему. После прибытия в город раненые и больные поступали в сортировочно-эвакуационный госпиталь (СЭГ). До января 1940 г. в Ленинграде существовал только один госпиталь подобного рода - СЭГ 1170, который размещался на территории Александро-Невской лавры в специально отведенных помещениях. В связи с объективной необходимостью приема и сортировки поступающих с Карельского перешейка в гораздо большем объеме, был развернут второй сортировочный госпиталь на базе больницы имени Мечникова (СЭГ 2307). Определенная часть пострадавших поступала непосредственно на лечебные койки города, минуя сортировочные госпитали, однако их число было незначительным. После проведения медицинской сортировки, оказания неотложной помощи и оформления документов, раненые и больные, в соответствии с показаниями, готовились для эвакуации в тыл, либо доставлялись в медицинские учреждения, развернутые в городе.

В отношении госпиталей, входивших в состав коечной сети Ленинграда, следует выделить следующие категории: госпитали Народного комиссариата обороны мирного времени (постоянные госпитали Красной Армии); госпитали, сформированные органами НКО в военное время (эвакуационные и сортировочные, подчиненные непосредственно эвакуационному пункту во всех отношениях); эвакуационные госпитали, сформированные органами Народного комиссариата здравоохранения и переданные для использования ФЭПу; оперативные койки в лечебных учреждениях гражданских органов здравоохранения (больницы, институты и т.п.), где выделялось определенное количество коек по различным специальностям.

В число последней категории входили не только лечебные учреждения НКЗ, но и других ведомств.

В 1940 г. в Ленинграде действовало 126 гражданских лечебных учреждений, в которых насчитывалось 33 800 коек¹⁸¹. Наравне с больницами, имевшими наибольший вес, в это число входили также клиники медицинских институтов, где оказывалась специализированная медицинская помощь. Согласно предвоенным мобилизационным планам, в них Ленгорздравотделом предусматривалось развертывание оперативных коек в военное время медицинская помощь поступавшим раненым и больным в больницах и институтах оказывалась наравне с гражданским населением, в отдельных случаях не существовало даже разделения лечебного учреждения по данному признаку. Командование ФЭПа и руководство Ленгорздравотдела стремились сохранить объем оказываемой медицинской помощи и не снижать эффективность проводимой работы, акцентируя внимание на размещении максимального числа пострадавших бойцов. Определенные изменения в процессе лечения горожан произошли незадолго до начала боевых действий, когда с целью освобождения больничных коек, находящиеся на них пациенты были выписаны, либо направлены для окончания курса лечения в другие учреждения здравоохранения¹⁸². В данное время мероприятия по реорганизации своей работы проводили только те больницы и медицинские институты, которые значились в мобилизационном

плане, позже в этот процесс были вовлечены также новые формирования, объем деятельности, которых определялся уже во время войны.

На Ленгорздравотдел возлагалась также функция формирования эвакуационных госпиталей, осуществлявших временную госпитализацию, необходимую для оказания раненым и больным квалифицированной лечебной помощи и подготовки их к дальнейшей эвакуации в тыл страны. Они развертывались в военное время, личный состав госпиталя призывался из запаса, а материально-техническое обеспечение осуществлялось по линии НКО, иногда, городских служб. Размещались эвакуационные госпитали в предоставляемых городскими органами власти помещениях, специально для этих целей не предназначенных. Как правило, это были школы старого фонда (т.е. построенные до 1936 г.), они располагали большой площадью и находились в центральной части города, что облегчало доставку раненых и больных в эти учреждения и организацию их дальнейшей эвакуации в тыл. Школьные здания новой постройки (1937-1939 гг.) имели ряд существенных недостатков, ставших серьезным препятствием для развертывания в них эвакуационных госпиталей: малоемкость, отсутствие складских помещений, плохое водоснабжение.

В связи с увеличением числа пострадавших и дефицитом лечебных коек, НКО счел целесообразным развертывание эвакогоспиталей в помещениях, которые не предусматривалось использовать для этих целей (казармы, учебные заведения и т.п.), но обладавших большим объемом свободной площади. Для развертывания госпиталей были подготовлены также помещения музеев, клубов и домов крестьян¹⁸³, однако они оказались трудно приспособляемыми объектами, не удовлетворяющими госпитальным требованиям. В большей степени этим запросам отвечали здания санаториев и курортов, находившихся в городе и близлежащих районах.

Серьезные трудности при формировании эвакогоспиталей возникали и с личным составом. Вследствие отсутствия возможности использовать собственные кадры, в январе 1940 г. состоялась передача Ленгорздравотделу 11 госпиталей от Мосгорздравотдела, которые были реформированы в 8 эвакогоспиталей со специализацией лечебных коек¹⁸⁴. Для этих целей

Ленсоветом специально отводились помещения в Ленинграде и пригородах.

С началом боевых действий все отчетливее стала проявляться негативная тенденция, наметившаяся еще в довоенное время. Вполне очевидным становится тот факт, что ведомственная разобщенность явилась серьезным препятствием для оформления организационной структуры медицинской службы города. В документах, регламентировавших деятельность лечебных учреждений, не предусматривалось четкого разграничения полномочий и обязанностей между отдельными составляющими ФЭП. Как гражданские, так и военные формирования подвергались неоднократным проверкам со стороны комиссий, представлявших различные ведомства. Со временем эти отношения нормализовались и вошли в деловое русло - проводились двусторонние консультации, совместно решались проблемы административного плана и обсуждались коллегиально вопросы чисто медицинского характера.

Указанные сложности, обусловленные недостаточным уровнем предварительной работы в довоенный период, а также особенностями боевых действий, стали причиной длительного по времени организационного оформления и становления в городе лечебно-эвакуационной деятельности, которая отвечала бы возросшим требованиям. Через лечебные учреждения Ленинграда прошло большое число раненых и больных, им была оказана квалифицированная и специализированная медицинская помощь, уровень которой был достаточно высоким. Об этом свидетельствует большое число проведенных операций, немаловажным является и такой показатель как количество умерших на лечебных койках. Смертность в больницах и институтах, где были развернуты оперативные койки, составляла в среднем 1,5 %, что отражало общую картину по городу¹⁸⁵.

На основании изученных документов можно констатировать, что во время боевых действий 1939-1940 гг. в Ленинграде была создана единая система работы военного и гражданского здравоохранения, которая сыграла важную роль в быстрейшем возвращении раненых и больных в строй, а также к общественно-полезному труду.

П.А.Петров

Война в Заполярье 1939-1940 гг. (К вопросу об оперативном планировании на Северном флоте)

Боевые действия между СССР и Финляндией на Крайнем Севере в период советско-финляндской войны 1939/40 гг., и в частности, действия Северного флота, практически не освещались в отечественной военной историографии, оставаясь как бы «за кадром». Объяснялось это тем, что основное внимание историков всегда было приковано к Балтийскому театру военных действий. Морская война на Балтике зимой 1939-1940 гг. была важнее по следующим причинам: 1) СССР располагал здесь куда более мощным флотом (Краснознамённым Балтийским); 2) У Финляндии в Балтийском море имелись Военно-Морские силы; 3) На Балтике проходили куда более масштабные морские операции, к тому же, почти всех видов. В сравнении с действиями КБФ, боевая деятельность Северного флота в войне с Финляндией могла показаться довольно скоротечной (активные боевые действия велись всего 2 дня – 30.11-1.12.1939 г.) и достаточно однообразной (в основном, проводились только дозорные операции и воинские перевозки). В итоге, боевая деятельность Северного флота зимой 1939-1940 гг. осталась до настоящего времени малоизученной темой. Естественно, что ещё меньше внимания обращалось на изучение такой важной темы, как оперативное планирование на Северном Флоте накануне советско-финляндской войны. Для рассмотрения этого вопроса, автором были привлечены документы, хранящиеся в Российском Государственном Архиве Военно-Морского флота (РГА ВМФ) в г. Санкт-Петербурге.

Оперативные разработки, на случай военных действий, на Северном флоте были предприняты ещё весной 1939 г. Причиной для составления оперативного плана СФ стала директива заместителя наркома ВМФ СССР № 9364 сс/ов от 22 марта 1939 г. В директиве говорилось, что будущими вероятными противниками СССР на западном и северном направлениях являются Германия и Польша, но не исключалась также возможность

того, что Финляндия и Норвегия, при определённой политической обстановке, могут оказаться среди противников Советского Союза. В связи с этим, перед Северным флотом были поставлены следующие задачи: «а) Активными действиями всех сил флота уничтожить флот противника, в случае его появления в Баренцевом и Белом морях; б) В случае выступления Финляндии в германо-польском блоке, овладеть районом Печенги, западной частью полуострова Рыбачий и полуостровом Средний и закрыть для Финляндии выход к морю, во взаимодействии со 104-й стрелковой дивизией; в) Прочно удерживать район Мурманска и побережье Кольского полуострова, не допуская высадки десанта противника, базирования на побережье Кольского п-ова и проход неприятельских сил в Белое море; г) Быть готовыми к действиям подводными лодками на коммуникациях противника; д) Охранять рыбные промыслы в Баренцевом море и западный выход Северного Морского пути.¹⁸⁶

Исходя из указанных положений, Военный Совет Северного флота 13 апреля 1939 г. представил наркому ВМФ своё решение. Склоняясь ко второму варианту действий (неприятельский блок Германии, Польши и Финляндии), Командующий СФ В. П. Дрозд изложил последовательность боевых задач флота. Первоочередной задачей флота, по его мнению, должно было стать уничтожение флота противника, «в случае, его появления в Баренцевом и Белом море».¹⁸⁷ Эту операцию следовало проводить в несколько этапов: «1) Взаимодействием ПЛ (подводных лодок – *ред.*) и ВВС на подходах к нашему побережью в предварительном ударе ослабить флот противника; 2) Взаимодействием береговых батарей с маневренными силами флота и ВВС уничтожить флот противника при его попытках форсировать оборону укрепрайонов; 3) Атаками авиации в базах и атаками подлодок при выходе из баз уничтожить флот противника в случае базирования его кораблей на театре на базы Финляндии и Норвегии (даже при формальном соблюдении последней нейтралитета)».¹⁸⁸

Вторая задача включала в себя захват района Печенги (Петсамо), западной части п-ова Средний и п-ова Рыбачий, во взаимодействии со 104-й стрелковой дивизией», что перекрывало Финляндии выход к морю. Эта

операция должна была включать в себя: 1) перевозки 162-го мотострелкового полка¹⁸⁹ в губу Титовка и питание высадившихся частей через Мотовский залив; 2) прикрытия от возможного противодействия флота противника путём развёртывания 4-х подлодок на путях подхода противника в р-не Вардэ; 3) огневого содействия эсминцами, сторожевыми кораблями и самолётами «МБР-2» сухопутным силам РККА.¹⁹⁰

Третьей задачей было поставлено удержание района Мурманска и побережья Кольского полуострова, «не допуская высадки десанта противника, базирования на побережье Кольского полуострова и проход неприятельских сил в Белое море». Оборона Кольского залива возлагалась на средства Мурманского укрепрайона, маневренные силы и Военно-Воздушные Силы СФ, оборона Териберки – на маневренные силы и ВВС. Что касается обороны новой базы Иоканьга, то её защита должна была осуществляться созданием в ней одной 4-х орудийной 130-мм стационарной береговой батареи и одной 76-мм 4-х орудийной зенитной батареи. Кроме того, Северный Флот должен был быть готовым к действиям подводных лодок на коммуникациях противника и охране рыбных промыслов в Баренцевом море и западного выхода Северного Морского пути.¹⁹¹

Говоря о «полноценном решении всех поставленных задач», Военный Совет СФ ходатайствовал перед Наркомом ВМФ о срочном усилении флота бомбардировочной и дальнеразведывательной авиацией, крейсерами или вспомогательными крейсерами, вооружёнными рыболовными траулерами, 130-мм и 152-мм батареями береговой артиллерии, а также ледоколами, транспортами и плавбазой ПЛ. Кроме того, требовалось оборудовать Иоканьгу, как маневренную базу для подлодок, эсминцев и тральщиков.¹⁹²

В окончательном виде, план боевых действий СФ был сформулирован двумя месяцами позже. 14 июня 1939 г. Военный Совет флота утвердил «Общий план действий Северного флота». Как и в предшествующих директивах, основные задачи Северного флота остались почти без изменений. Всего, командованием флота было намечено 5 задач: «1) Активными действиями всех сил флота прочно удерживать Мурманск, обеспечивая выходы из Кольского залива; 2) Содействовать войскам РККА в захвате и удержании западного побережья полуострова Рыбачий, полуострова Средний и базе Петсамо; 3) Действиями подводных лодок и береговых батарей не допустить захвата противника Иоканьги и проникновения его флота в Белое море; 4) Действовать подводными лодками на коммуникациях противника; 5) Быть готовым к эпизодическим операциям по защите нашего судоходства в районе западного выхода Северного Морского пути.¹⁹³ Нельзя не заметить, что в новом плане исчезла задача по уничтожению флота возможной коалиции противника. Это произошло вовсе не случайно, а скорее, осознанно. Командование СФ отлично понимало пределы своих возможностей и осознавало откровенную слабость советских военно-морских сил на Севере¹⁹⁴, в случае возможной борьбы с флотом Германии или другой страны.

В плане указывались способы решения и последовательность выполнения боевых задач. К примеру, оборону Кольского залива следовало осуществлять путём взаимодействия береговых батарей с лёгкими силами, подводными лодками и военно-воздушными силами, уничтожающих корабли противника при его попытках прорваться в Кольский залив или в Мотовский залив. При этом, система обороны Кольского залива должна была усиливаться выставлением минного заграждения на Кильдинском плёсе.¹⁹⁵ Оборону Белого моря было поручено организовать путём взаимодействия 2 подводных лодок, дозорных сторожевых кораблей и береговых батарей. Поскольку новая база в Иоканьге не имела обороны со стороны моря (до установки в ней 130-мм береговой батареи на временном основании), её оборону осуществляли подразделения погранохраны.¹⁹⁶

Что же касается операции по содействию 104-й горнострелковой дивизии в захвате и удержании западного побережья п-овов Рыбачий и Средний и р-на Петсамо, то она излагалась следующим образом. Силы Флота делились на две части – непосредственную ударную группу кораблей и силы прикрытия. Эсминцы и сторожевые корабли СФ, специально выделенные для ведения артиллерийского огня по берегу, должны были обстрелять с моря сухопутные части противника в указанных районах. Часть эсминцев, подводные лодки и военно-воздушные силы СФ должны были действовать против боевых кораблей и войсковых перевозок противника на подходах к Вардэ, Варангер-фиорду и п-ову Рыбачий. 122-мм береговая батарея должна была преградить выход финнам из Петсамо и препятствовать его действиям против западного побережья полуостровов Средний и Рыбачий.¹⁹⁷

Действия подлодок на коммуникациях противника следовало организовать путём крейсерства на возможных путях движения его кораблей в районах Нарвик – Нордкап, а также позиционной службой в р-не порта Вардэ – Варангер-фиорда.¹⁹⁸

В соответствии с указаниями штаба Ленинградского военного округа, совместные действия с РККА по захвату и удержанию западного побережья полуостровов Рыбачий и Средний должны были выполняться по плану прикрытия М-1, а против района Петсамо, после развёртывания 104-й горнострелковой дивизии, по плану М-10.¹⁹⁹

Согласно боевому приказу № 4/оп от 28.11.39 г., перед соединениями Северного флота были поставлены боевые задачи, которые, по сути дела, полностью соответствовали задачам из «Общего плана действий Северного флота» от 14 июня 1939 г. Командир бригады эсминцев должен был содействовать захвату частями гарнизона полуострова Рыбачий пунктов Вайтолахти и Керванто, расположенных в западной части того же п-ова, после чего следовало блокировать выход из Петсамо. От командира Бригады подводных лодок требовалось выслать в 14 часов 28 ноября в Баренцево море 2 подлодки с целью не допустить проникновения иностранных военных кораблей в Варангер-фиорд и прикрыть действия эсминцев и тральщиков в Варангер-фиорде. По особому приказанию, следовало вы-

слать в скрытый дозор на подходах к Кольскому заливу 2 подлодки типа «М» для воспрепятствования проникновению всех иностранных кораблей в Кольский и Мотовский заливы, а к Белому морю – одну ПЛ типа «Щ», дабы не допустить проникновения иностранных военных кораблей в Белое море.²⁰⁰

Командиру Охраны водного района СФ было поручено, во взаимодействии с береговыми батареями Мурманского УР'а и подводными лодками, не допустить входа иностранных кораблей и транспортов в Кольский и Мотовский заливы и их плавания в запретной зоне. Для этого, командиру ОВР'а придавался дивизион пограничных сторожевых кораблей.²⁰¹

От военно-воздушных сил СФ требовалось с 29 ноября начать вести воздушную разведку моря, в светлое время, до Тана-фиорда на запад и до о-ва Харлов на восток, с целью обнаружить появление на театре иностранных кораблей, а также быть готовым к ночному поиску кораблей противника. По особому приказанию, следовало нести непрерывный воздушный дозор в Варангер-фиорде и вести наблюдение за Петсамо. Кроме того, ВВС должны были быть готовы к: 1) Бомбардировке Пумманки, по сигналу командующего СФ; 2) Действиям по кораблям противника, по приказанию командующего СФ; 3) Недопущению воздушных налётов противника на корабли и базы флота в Кольском заливе.²⁰²

Перед Мурманским укрепрайоном была поставлена задача, во взаимодействии с ОВР'ом и дозорными подводными лодками, не допустить входа иностранных боевых кораблей и торговых судов в Кольский и Мотовский заливы, а также, во взаимодействии с частями 14-й стрелковой дивизии и ВВС, не допустить высадки десантов противника на побережье от госграницы с Финляндией до Териберки.²⁰³

В отличие от Краснознамённого Балтийского флота, не справившегося с большинством своих задач, Северному флоту удалось решить все задачи, поставленные перед ним командованием.²⁰⁴ Во-первых, была оказана значительная помощь частям 14-й армии в захвате порта Петсамо и полуостровов Рыбачий и Средний. Во-вторых, было не допущено нападение ВМС противника на собственные военно-морские базы и коммуникации. И,

наконец, в-третьих, проводились активные действия на коммуникациях противника. Таким образом, Северный флот полностью справился с возложенной на него миссией. Правда, при оценке действий СФ, нельзя забывать следующие важные моменты. Во-первых, у финнов на Севере не было Военно-Морских сил (ни флота, ни береговой обороны, ни морской авиации), что очень сильно упрощало задачу СФ. То есть, по сути дела, можно было не опасаться действий противника с морского направления. И во-вторых, к счастью, так и не сбылись опасения командования СФ относительно вступления в войну флота третьей державы (или нескольких держав). В данном случае, речь идёт о военно-морских флотах Англии и Франции, которые зимой 1939-1940 гг. были близки к вступлению в войну на стороне Финляндии. Если бы это событие произошло, то картина войны на Севере могла бы резко измениться, причём не в пользу Советского Союза.

Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского военного планирования 1932-1941 гг.

Традиционно в финской исторической литературе, а сейчас и в российской существует устойчивое утверждение о том, что Советский Союз постоянно представлял для Финляндии военную угрозу, готовя ее оккупацию, а в Москве на протяжении многих лет только и мечтали о присоединении Финляндии к СССР. Все это в конечном результате и вылилось в советско-финляндскую войну 1939-1940 гг. При этом стратегическое положение Финляндии на северо-западных рубежах Советского Союза в этой литературе либо демонстративно игнорируется, либо просто не учитывается.²⁰⁵ В то время как в действительности одна только граница рядом с Ленинградом и возможность полного контроля над советскими морскими коммуникациями на Финском заливе создавала в 1930-е гг. для военного руководства СССР несомненно весьма крупную проблему.

В данном случае проявляющееся иногда стремление отрицать существующий вопрос, связанный с безопасностью Ленинграда с севера для Советского Союза в 1930-е гг., представляется абсолютно не научным подходом. К тому же документы финского генерального штаба за 1930-е годы, которые в последнее время вводятся в научный оборот, подтверждают, что проблема обеспечения безопасности Ленинграда и главной базы Балтийского флота СССР в Кронштадте являлась все-таки весьма существенной, с учетом опасности, которая могла исходить с территории Финляндии.²⁰⁶

Тем не менее, поскольку все же утверждение о «советской военной угрозе» существует, следует, очевидно, также коснуться и этого вопроса. Причем, безусловно, многое уже может раскрыть анализ советских военных планов на этом направлении. Он будет прежде всего ясно продемонстрирует, как относились в Москве к решению проблемы обеспечения безопасности Ленинграда с севера и одновременно покажет, когда в дей-

ствительности для Финляндии приобрела опасность «военной угрозы с востока».

В этом отношении в итоговых обобщающих документах советского командования относительно подготовки войск к началу войны против Финляндии есть четкий перечень тех задач, которые стояли перед командованием Ленинградского военного округа в 1930-е гг. В них прослеживается вся динамика развития советского военного планирования на северо-западном направлении в это время. Конкретно в документе приводятся следующие данные:

«План 1932 г. /мобрасп. № 11 (мобилизационное распределение – В. Б.)/; задача – обеспечить прочное удержание района Ленинград. Всего назначить на Северо-Западный фронт – 20 стрелковых дивизий (на Карельский перешеек – 3, в Карелию – 1 и 1 стрелковая бригада), на эстонско-латвийский участок – 16 стрелковых дивизий.

План 1933 г. (мобрасп. № 15); задача – оборонять Ленинградский промышленный район и территорию АК ССР, прикрывая северные границы СССР. Всего назначить на Северо-Западный фронт 21 стрелковую дивизию (Карельский перешеек – 4, Карелия – 2 стрелковых бригады, на эстонско-латвийский участок – 17 стрелковых дивизий).

План 1934 г. (уточнить мобрасп. № 15); те же задачи и силы.

План 1935 г. (мобрасп. № 6); задача – прочно удерживать Карельский укрепленный район, территорию АК ССР и Мурманского края. Из 10 стрелковых дивизий выделить на Карельском перешейке – 5; в Карелии – 1 стрелковая дивизия и 1 стрелковая бригада; на эстонско-латвийском участке – 4 стрелковых дивизии».²⁰⁷

Из этого видно, что на протяжении отрезка времени с 1932 по 1936 гг. советское военное командование, несмотря на стратегическую важность района Ленинграда и необходимость обеспечения его максимальной безопасности, не планировало активных наступательных действий на северо-западном направлении. Финляндия считалась второстепенным театром военных действий и даже эстонско-латвийский участок границы, определялся более опасным для жизненно важных районов СССР, чем финский.

Иными словами в это время, очевидно, военной угрозы для Финляндии реально не существовало.

Что же касается последующего военного планирования, то оно стало несколько меняться. В дальнейшем на финском направлении советским войскам начали уже ставится активные задачи, предусматривающие активные боевые действия. Подтверждают это также соответствующие военные планы:

«План 1936 г.»; ставится активная задача по разгрому противника на Карельском перешейке и по овладению Укрепрайоном. Всего на Северо-Западный фронт назначить 15 стрелковых дивизий. Для выполнения военных задач против Финляндии на Карельском перешейке – 5 стрелковых дивизий и 2 танковые бригады, в Карелию – 2 стрелковые дивизии. На эстонско-латвийский участок – 8 стрелковых дивизий.

План 1937 г.; ставится активная задача на Карельском перешейке по решительному поражению финской армии, в Мурманском районе и АК ССР. Ставятся задачи по овладению районами Печенга, Каяни, Нурмес, Сердоболь. Из 16 стрелковых дивизий: на Карельском перешейке – 8 стрелковых дивизий, 2 танковые бригады, 3 артиллерийских полка РГК; в Карелии – 2 стрелковых дивизии и 1 горно-стрелковая дивизия, на эстонско-латвийский участок – 5 стрелковых дивизий».²⁰⁸

Причина произошедших перемен была связана, как представляется, с двумя обстоятельствами. Во-первых, возросла мощь Красной Армии, что позволяло уже переходить к выполнению более активных задач. Во-вторых, в Москве нарастала вместе с тем подозрительность к политике Финляндии, что требовало учитывать вероятность использования ее территории главным потенциальным противником СССР в это время – Германией. Об этом, по крайней мере, тогда сообщалось в донесениях советской военной разведки.²⁰⁹

В целом же, анализ советских планов за 1932-1937 гг. показывает, что в тот период высшее военное командование рассматривало возможность боевых действий против Финляндии, но только в условиях большой коалиционной войны в Европе и северо-западное стратегическое направле-

ние было тогда далеко не основным.²¹⁰ К тому же перемены, произошедшие в советском военном планировании в 1936-1937 гг., не представлялись тогда определяющими, поскольку в 1938 г.—начале 1939 г. произошло соответствующее их уточнение и оборонительные, а не наступательные действия Красной Армии на финляндском направлении оставались все же центральными.

Это проявились в общем плане т.н. «стратегического развертывания», составленного в 1938 г. В нем указывалось, что «армии прибалтийских стран и Финляндии могут быть использованы Германией для концентрического удара на Ленинград и для того, чтобы отрезать Ленинградскую область от остальной территории страны».²¹¹ Однако развертывание войск северо-западного направления должно было лишь «обеспечить в первую очередь прочную оборону Ленинграда и господство нашего флота в Финском заливе».²¹² Как прокомментировал в данном случае суть этого плана бывший начальник штаба Ленинградского военного округа, а тогда помощник начальника Генштаба (будущий маршал) М. В. Захаров, «в плане хотя и не предусматривалось количество фронтовых объединений, однако четко вырисовывались три стратегических направления на Западном театре войны: Северо-Западное, Западное и Юго-Западное». Уточняя это, Захаров пишет: «Главное из них считалось Западное».²¹³ Таким образом Финляндией в широком плане советское военное руководство пока еще глубоко не занималось и этот возможный театр боевых действий находился на «периферии» военного планирования. Кроме того, в 1938 г. можно определенно видеть отказ от планирования активных действий на финском направлении.

Как представляется, это было тогда во многом связано тоже с двумя обстоятельствами. *Во-первых*, в то время начались негласные переговоры с Финляндией о возможности заключения военно-политического союза между двумя странами и ставился вопрос о достижении «гарантий» на советско-финляндской границе. И, *во-вторых*, все советские военные планы были полностью привязаны и ориентированы на ситуацию, вызывавшуюся нарастающей в Восточной Европе угрозой со стороны Германии. В данном

случае военное столкновение казалось весьма возможным, судя по советскому военному планированию, именно на западных границах СССР.

Однако все изменилось после срыва советско-финляндских весенних переговоров 1939 г. в Хельсинки.²¹⁴ В Москве было возобновлено военное планирование на северо-западном направлении. При этом руководство СССР опять в данном случае почувствовало усиливающуюся здесь угрозу для безопасности страны. Как известно, окончательно наступательный план войны против Финляндии был утвержден 29 октября 1939 г.²¹⁵ Он качественно отличался от всех других разработок в том смысле, что в нем предусматривалось не перспектива боевых действий в условиях большой коалиционной войны, а наоборот, речь шла о возможности войны только против Финляндии. Такой план мог появиться исключительно в условиях уже начавшейся второй мировой войны и при наличии при этом пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Сама же война с Финляндией возникла вследствие, прежде всего нерешённости проблем безопасности Ленинграда с севера и обеспокоенности в Москве за перспективу политики Финляндии. В руководстве СССР при этом, конечно, проявлялось желание занять и более выгодные стратегические позиции на случай военного столкновения с Германией.

С окончанием же «зимней войны» 1939-1940 гг. объективно ее итоги создали предпосылки для более надежной военной безопасности Ленинграда с севера. Однако Московский мирный договор 1940 г. параллельно создал и условия для утверждения в Финляндии идей реванша за проигрыш в недавней войне, а также определенную предрасположенность финского руководства к возможному тесному военному сотрудничеству с Германией, как наиболее вероятного партнера в возможной новой войне против СССР. Таким образом результаты советско-финляндской войны не разрешили в целом ситуацию на северо-западных рубежах СССР и проблема безопасности Ленинграда с севера в широком ее плане сохранилась.

В этом отношении период с марта 1940 г. по июнь 1941 г. представляет собой весьма важный отрезок времени, который до сих пор еще до конца не исследован.

Объективно тогда в Советском Союзе продолжился процесс военного планирования в отношении Финляндии. Он шел уже в условиях, когда Германия начала форсировать подготовку к «восточному походу».

В этом плане, в начале, учитывая рост реваншизма в Финляндии, советское военное руководство предполагала лишь пассивную форму сдерживания наступления войск противника с финской территории. В июле 1940 г. Генеральный штаб Красной Армии приступил к составлению нового общего оперативного плана для вооруженных сил Советского Союза, который к середине августа был уже готов. В нем указывалось, что «стратегическое развертывание на северо-западе наших границ подчинено в первую очередь обороне Ленинграда, прикрытию Мурманской железной дороги и удержанию за нами полного господства в Финском заливе». Одновременно четко указывалось, что «наши действия на северо-западе должны свестись к активной обороне наших границ».²¹⁶

Эта позиция затем была подтверждена 18 сентября 1940 г., когда были еще подготовлены и новые соображения «об основах стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940-1941 годы».²¹⁷ Сравнивая этот новый план с предшествующим видно, что в отношении перспектив развития военных действий на северо-западном направлении он мало чем изменился. И этот план 5 октября был доложен непосредственно И.В.Сталину, а 15 октября главный военный оперативный документ был утвержден.²¹⁸

Тем не менее пассивная позиция советских войск на границе с Финляндии в последствии начала меняться. Во многом произошедшее было связано с тем, что в сентябре 1940 г. немецкие войска уже появились на территории Финляндии.²¹⁹ Это создавало совершенно новую ситуацию на северо-западных границах СССР. Именно в тот момент началось в Москве рассмотрение перспективы возможных новых активных военных действий на территории Финляндии. Поэтом наряду с общим планом «стратегического развертывания» составленным в этот период, параллельно за подписями наркома обороны и начальника Генерального штаба в сентябре 1940 г. была подготовлена Сталину и Молотову записка «О соображениях по

развертыванию вооруженных сил на случай войны с Финляндией». В ней указывалось на существование на финской территории крупной группировки войск, что позволит, как отмечалось в документе, финским войскам в первые дни войны начать активные боевые действия, которые могут непосредственно «создать угрозу Ленинграду».²²⁰ Поэтому советское военное командование внесло предложение о необходимости на северо-западе перейти к активным наступательным действиям и самим вторгнуться на территорию Финляндии. Для проведения этой операции предполагалось сконцентрировать весьма значительное количество войск на границе с Финляндией, общей численностью до 46 стрелковых дивизий и создать из них сразу два фронта.²²¹ Однако это были только предложения, которые лишь отражали обеспокоенность светского военного командования негативно складывающейся общей обстановкой на севере Европы.

Тем не менее продолжающееся ухудшение военно-политической ситуации на севере Европы и закрепление немецких войск на севере Финляндии, в Лапландии, привело к тому, что высказанные предложения получили свое развитие. В первой половине октября советское военное командование поставило перед Сталиным вопрос о необходимости «утвердить представленные соображения по разработке частных планов развертывания для боевых действий против Финляндии».²²² Затем же уже 25 ноября 1940 г. высшее советское военное руководство направило директиву командующему войсками Ленинградского военного округа относительно действий частей округа «в условиях войны СССР только против Финляндии».²²³ Иными словами, в Советском Союзе в новой обстановке вносили коррективы в военное планирование возможных боевых действий против вооруженных сил Финляндии.

Что же касалось самой операции, то ее общие положения не во всем пока являются ясными. Так, в рассматриваемом документе говорится, что военные действия на территории Финляндии будут осуществляться силами двух фронтов. Однако в нем все указания почему-то относились исключительно только к Северо-Западному фронту, относительно же действий Северного фронта здесь ничего конкретного не было сказано.

Какой вывод из этого можно было сделать? Очевидно, что Северный фронт должен был вести боевые операции против немецких войск, которые уже частично разместились в финской Лапландии. При таком ходе развития событий, несомненно, советское командование не могло еще четко определить, какое количество войск следовало для этой операции выделить. Таким образом, существо директивы от 25 ноября показывает, что план ведения боевых действий распространялся не на всю финскую территорию.

Если же рассматривать вопрос о дальнейшем планировании активных действий против Финляндии в 1940-1941 гг., то конкретизация их замысла не получала своего развития. Это видно из уточнений к плану «стратегического развертывания», составленных к 11 марта 1941 г. В отношении Финляндии в них повторялись прежние основные положения осеннего варианта, но задачи советских войск в случае начала войны на этом направлении не раскрывались, хотя указывалось на возможность сосредоточить там до 135 стрелковых дивизий.²²⁴ Такое колоссальное количество войск на северо-западе указывало, что тогда советское военное руководство, возможно, полагало, что один из первых ударов будет нанесен Германией именно «через Финляндию» и готовились решительно его отразить.

Однако перспектива активных наступательных действий на северном и северо-западном направлениях не получила своего окончательного развития. К 15 мая был составлен окончательный вариант плана «стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». В него Генеральным штабом были внесены все необходимые поправки с учетом имевшихся реальных возможностей вооруженных сил.

Этот документ оказался последним вариантом плана советского командования перед началом войны и он скорее напоминал те разработки, которые были составлены в отношении финляндского театра военных действий еще летом 1940 г. В задачи войск, прикрывавших север и северо-запад страны, по этому плану входило лишь осуществление «обороны г. Ле-

нинграда, порта Мурманска, Кировской железной дороги и совместно с Балтийским военно-морским флотом обеспечить за нами полное господство в водах Финского залива». Для этого выделялась в общей сложности 21 дивизия.²²⁵ Тем самым было очевидно, что теперь опять отказывались от проведения наступательных операций против войск, находившихся в Финляндии.

В большей степени это было связано с реальными возможностями вооруженных сил СССР в то время. Учитывалась, конечно, серьезная опасность возможного наступления с территории Финляндии на жизненно важные районы северо-запада и севера Советского Союза финских и немецких войск, однако, фактически, в СССР не были в состоянии на этом направлении осуществлять наступательные действия.

Подводя итог всему выше сказанному, следует отметить, что проблема безопасности Ленинграда с севера в советском военном планировании существовала весь десятилетний период, который предшествовал началу Великой Отечественной войны. При этом она на различных этапах решалась по-разному. Наблюдаются отрезки времени, когда защита Ленинграда виделась командованию лишь в форме сугубо оборонительных действий (1932-1936 гг., 1938 - нач.1939 гг. и март – август 1940 гг., май-июнь 1941 гг.), но наряду с этим, также были варианты отработки и наступательных операций. Причем в конечном смысле оба этих варианта были использованы советскими войсками в период «зимней войны» 1939-1940 гг. и Великой Отечественной войны. В обоих случаях очевидным является то, что части Красной Армии оказались готовы все же больше к ведению оборонительных действий, что указывает на то какой элемент подготовки советских войск являлся определяющим в тот период.

Военно-морская база Порккала-Удд в контексте международных отношений в Северной Европе

На советско-финляндских переговорах о перемирии осенью 1944 г. советская сторона потребовала передать Советскому Союзу на правах аренды территорию полуострова. Порккала-Удд для создания военно-морской базы (далее ВМБ ПУ), что и было зафиксировано в Соглашении о перемирии, подписанном 19 сентября 1944.²²⁶

В основе данного требования лежали расчеты как стратегического, так и политического характера. Расположение полуострова в северной наиболее узкой части Финского залива в сочетании с островом Неайссаар и южным побережьем залива позволяло оборудовать морскую минно-артиллерийскую позицию, надежно запирающую подступы к Ленинграду и тыловым районам побережья Эстонской республики. Учитывалась также его близость к столице Финляндии - г. Хельсинки, от которой полуостров удален по прямой всего на 18 км. Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что создание советской ВМБ придавало своеобразную окраску нейтралитету Финляндии. "Это неизбежно должно было затруднить нормализацию отношений Финляндии с Западными странами."²²⁷

Формирование ВМБ ПУ началось 20 сентября 1944 г. Перед ней были поставлены следующие оперативные задачи: осуществлять оборону центральной минной позиции чтобы не допустить прорыва морем надводных и подводных сил противника в Финский залив; как плацдарм, быть готовой к приему войск для развертывания активных действий на сухопутном направлении; во взаимодействии с находящейся в ее подчинении Военно-Морской Комендатурой Хельсинки обеспечивать временное базирование и оперативное развертывание кораблей КБФ, погрузку и разгрузку транспортов. Кроме того, под наблюдением ВМБ ПУ должно было осуществляться плавание транспортов и военных кораблей на шхерной коммуникации Стокгольм - Турку - Улькотамио - Таллинн.²²⁸ Таким образом, совет-

ская сторона получила доступ к контролю над мореходством и внешней морской торговлей Финляндии.

Однако на протяжении 1944 - 1946 гг. советское руководство не спешило со строительством базы.²²⁹ Объяснение этому следует искать в развитии общей ситуации в Скандинавии. Дело в том, что в первые послевоенные годы: Скандинавские страны: Дания, Норвегия и Швеция занимали дружественную по отношению к СССР позицию. Строя свою внешнюю политику на принципах неучастия в блоках, сотрудничества с Объединенными Нациями, поддержки системы коллективной безопасности, они взяли на себя задачу «наведения мостов» между Западом и Востоком. Поэтому в тот период советское руководство не видело для себя серьезной опасности в этом регионе. Кроме того, рассматривая скандинавские страны, как сферу англосаксонского влияния, оно видимо опасалось форсированным строительством ВМБ в Финляндии вызвать их настороженность и подтолкнуть к более тесному сближению с Великобританией и США.

10 февраля 1947г. был подписан мирный договор с Финляндией. Однако в условиях растущего противостояния с Западом он уже не казался советскому руководству достаточной гарантией безопасности на северо-западе. По мере усиления «холодной войны» возросло стратегическое значение Скандинавских стран, расположенных на важнейших морских и воздушных коммуникациях, связывающих Советский Союз с Европой и американским континентом. В сентябре 1947 г. на межамериканской конференции в Рио-де-Жанейро США и страны Латинской Америки заключили Договор об обороне Западного полушария, предусматривавший включение в «зону его безопасности» Северного Ледовитого океана и северной части Атлантического океана с прилегающими к ним территориями европейского Севера.²³⁰

В этих условиях опасения Москвы относительно внешнеполитической ориентации Финляндии приобрели особую остроту. Результатом стала идея крепче «привязать» Финляндию к СССР дополнительными обязательствами. 22 февраля 1948 г. президенту Финляндии Ю.К.Паасикиви было сделано официальное предложение, заключить Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, совпавшее по времени с коммунистическим

переворотом в Чехословакии. Это вызвало тревогу в Скандинавии, усугубляющуюся распространившимися в марте - апреле 1948 г. слухами о том, что «следом за Финляндией наступит очередь Норвегии и Дании», Правительства этих стран стали выяснять возможность военной помощи США и Великобритании, что заставило западные страны ускорить создание военного союза, который и был оформлен уже 17 марта 1948 г. Чтобы удержать Данию и Норвегию на позициях нейтралитета правительство Швеции, в конце апреля 1948 г., представило проект по созданию альтернативного Скандинавского оборонительного союза, призванного играть роль буферной зоны между Востоком и Западом.²³¹

Пока шли переговоры, в регионе усилились военные приготовления: весной 1948 г. американские военные корабли совершили визит «доброй воли» в Швецию и Норвегию; английский истребительный дивизион «Горнет» посетил Швецию; главнокомандующий оборонительными силами Швеции генерал Юнг поставил вопрос об усилении обороны. Была повышена боевая готовность финляндской армии, что по времени совпало с окончанием процесса по делу о тайных складах оружия, на котором большинство высших офицеров финляндской армии, обвиняемых в нелегальной подготовке вооруженной деятельности, были оправданы.²³²

Активность военных приготовлений в Скандинавии и осложнение советско-финляндских отношений отразились в разработанном для ВМБ ПУ задании по решению заочных оперативно-тактических задач в летний период 1948 г.²³³ Советское командование рассматривало следующий вариант; иностранные государства под предлогом «дружественного визита в Скандинавские страны» вводят в Балтийское море сильную группировку своего флота и, продолжая сосредотачивать на территории Скандинавского полуострова экспедиционные силы, без объявления войны, начинают военные действия против СССР. В итоге, возникает ситуация, предусмотренная советско-финляндским договором 1948 г. Рассматривая возможные в данных обстоятельствах действия финнов, советское командование исходило из предположения, что они, заявив о нейтралитете, вступят в переговоры с обеими сторонами и, будут выжидать дальнейшего развития событий, что-

бы выгодно предоставить той или другой стороне свою территорию. В связи с этим также предполагалось, что потребуются ультиматум, чтобы получить разрешение Финляндии на ввод советских войск.

Данный план допускал захват Таллинна, главной базы ВМС. После этого советское командование должно было развернуть вооруженные силы в направлении Ювяскюля, Тампере, Пори, Турку, Ханко, Хельсинки, Порво, Ловиз, чтобы подготовить фланговые удары по противнику с севера и организовать десант на эстонское побережье. В подобных обстоятельствах ВМБ ПУ становилась главной Базой Балтийского флота. Именно на нее ложилась основная задача по подготовке десантной операции, для выполнения которой она должна была собственными силами организовать военно-морские базы Ханко и Хельсинки. Таким образом, данный план выявил резко возросшее военно-стратегическое значение ВМБ ПУ. Это заставило советское руководство уже осенью 1948 г. пересмотреть темпы ее строительства, усилить боевую готовность и приступить к большим реконструктивным изменениям. В состав базы были введены дополнительные части и соединения с большим объемом новой техники и вооружении.²³⁴

Политический кризис, возникший в Скандинавии в 1948 г., разрешился вступлением Дании и Норвегии в апреле 1949 г. в НАТО.²³⁵ В январе 1950 г. они заключили с США соглашение о военной помощи, а в начале 1951 г. приняли участие в создании единого командования и общих вооруженных сил НАТО.¹⁰ Советско-финляндские отношения с 1950 г. напротив начали постепенно улучшаться. Это было связано с деятельностью нового премьер-министра Финляндии У.К.Кекконена. В 1952 г. он предложил вернуться к идее Скандинавского нейтрального союза, выдвинув Финляндию на роль посредника между СССР и Скандинавскими странами в мирном урегулировании.²³⁶ Однако, в условиях присутствия советских вооруженных сил на финляндской территории эта идея была практически неосуществима. В связи с чем, в начале 1950-х гг. ВМБ ПУ стала существенным препятствием в урегулировании отношений со скандинавскими странами. Кроме того, в условиях гонки ракетно-ядерных вооружений и создания сети натовских баз вблизи советских границ, она практически утратила прежнее

стратегическое значение, что нашло отражение в постепенном сокращении Военно-Морским Министерством СССР ассигнований и программы ее строительства. Если в 1952 г. на ее строительство было выделено 43,8 млн. руб., то в 1953 г. - 36,7 млн. руб., в 1954 г. - 29,5 млн. руб., а на 1955 г. всего около 25 млн. руб.²³⁷

В мае 1955 г. СССР выступил с широкой программой по смягчению международной напряженности, в которой особое значение придавалось ликвидации иностранных военных баз.²³⁸ Вслед за этим, в июле 1955 г. состоялось Женевское совещание глав правительств четырех держав: США, Великобритании, Франции и Советского союза, ознаменовавшее начало периода разрядки в международных отношениях. В данных обстоятельствах советское руководство приняло решение о ликвидации ВМБ ПУ, что должно было способствовать решению нескольких задач. Во-первых, открыть новую фазу в процессе переговоров по разоружению ввиду намеченной на ноябрь 1955 г. встречи министров иностранных дел четырех держав. Во-вторых, устранить последние сомнения в правильности внешнеполитической линии Ю.К.Паасикиви, сохранив, в то же время, зависимость Финляндии от Советского Союза в пределах договора 1948 г. В-третьих, укрепив политические течения, выступавшие против сотрудничества с НАТО, подтолкнуть Данию и Норвегию к восстановлению нейтралитета.

В ходе советско-финляндских переговоров, проходивших в Москве с 16 по 20 сентября 1955 в обмен на соглашение о ликвидации ВМБ ПУ, советское руководство добилось продления на 20-летний срок Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.²³⁹ Кроме того, советско-норвежские переговоры, состоявшиеся в Москве в ноябре 1955г. привели к официальному отказу Норвегии от размещения на ее территории иностранных баз и ядерного оружия.²⁴⁰ Общий результат данного шага состоял в улучшении отношений СССР со скандинавскими странами и снижение напряженности на Севере Европы.

К вопросу о перспективах исследования истории шведских общин в России в XIX веке в фондах РГИА

Шведские поселения на территории Российской империи располагались преимущественно в ее Северо-Западной части, в Лифляндии, Эстляндии и Великом княжестве Финляндском. Крупная шведская община существовала также и в Петербурге. Поэтому на сегодняшний день материалы о шведских поселениях бывшей империи находятся в архивах России, Эстонии, Латвии, Литвы, Швеции и Финляндии.

При этом центральное место занимает Российский государственный исторический архив (РГИА), в фондах которого содержатся общие сведения о шведах, проживающих на территории Российской империи во второй половине XIX - начале XX веков. В предшествующий период неоднократно делались попытки составить обзоры этих материалов.²⁴¹ Однако недостатком этих обзоров является то, что они охватывали лишь всю совокупность разнообразных российско-шведских связей, не выделяя в качестве специального аспекта шведские поселения на территориях Российской империи.

Сосредоточив внимание на документах, касающихся шведских общин в России (так называемых «российских шведах», или, как еще более правильно – «балтийских шведов»), можно прежде всего отметить, что основная часть материалов о шведах, проживавших в России, сосредоточена в документах Департамента Герольдии (ф.1343), в фондах Петроградской (ф.1480) и Генеральной (ф.828) евангелистическо-лютеранской консистории, а также в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ф.821).

Перечисленные фонды содержат исчерпывающую информацию о шведах, перешедших на русскую службу, о регистрации рождений, браков, смертей в евангелистическо-лютеранских приходах, бракоразводные дела,

дела о строительстве церквей, отчеты, сведения о священниках и т.д. Определенный интерес представляют сведения о деятельности молодежных организаций лютеран в предреволюционный период (начало XX века).

Кроме того особое место занимают документы фонда Департамента общих дел МВД (ф.1284), где содержатся сведения о принятых на русскую государственную службу иностранцах с 1801 по 1918 гг., в том числе и шведах. Также весьма полезные данные содержатся в фонде Комитета Министров (ф.1263) и в коллекции именных указов и высочайших повелений Сенату (ф.1329). Информация о шведах, находящихся на службе в Российской империи, содержатся также в фонде 37 - Горного департамента (1733-1919 гг.) и фонде 44 - документах Корпуса горных инженеров (1826-1864 гг.). Далее в фонде Петербургского телеграфного агентства находятся материалы о российско-шведском информационном сотрудничестве в начале XX века, в частности, о попытке издания в Швеции (1914 г.) «Скандинавского листка», рассказывающего шведам о событиях на русском театре военных действий Первой мировой войны (ф.1358).

Отдельно следует выделить еще фонд Министерства юстиции (ф.1405), где содержатся сведения о порядке въезда-выезда иностранцев, в том числе и шведов, на территорию империи, режим их пребывания в стране, а также вопросы, связанные с приобретением ими собственности в России, о привлечении их к гражданской, административной и уголовной ответственности.

В целом вся статистика шведах, проживающих в России с 1834 по 1917 гг. храниться в фонде Центрального статистического комитета МВД (ф.1290). Но одновременно в каталоге РГИА в отдельную подборку выделены документы о шведских крестьянах на территории Российской империи, особенностях их поселений и правового статуса в Эстляндии, Лифляндии и Ингерманландии (Петербургской губернии). Здесь представлены материалы об их поселениях в Новороссийской, Херсонской и Симбирской областях. Из имеющихся документов можно определить условия жизни в этих поселениях. Они раскрываются на основе жалоб поселян, налоговых и иных льгот, которые были установлены для шведов и т.д. Кроме того в

этих материалах существуют статистические данные, а также отчеты евангелистическо-лютеранских приходов. В этом отношении прежде всего следует выделить материалы фонда Первого департамента Министерства земледелия (ф.383), посвященного шведским колонистам. Особый интерес представляют также документы, хранящиеся в фонде Департамента Законов Государственного совета (ф.1149), где содержится обзор исторических сведений, для составления местных законов остзейских губерний 1158-1838 г.; проекты положений о крестьянах прибалтийских губерний и проекты других законодательных актов, касающихся Прибалтийских земель.

Отдельно существует большое количество материалов о шведах, проживающих на территории Финляндии. Они представлены в фондах Совета Министров (1295), Второго отделения собственной е.и.в. Канцелярии (ф.1261), Третьего (апелляционного) департамента Сената (ф.1347), а также в коллекции документов «Именные указы и высочайшие повеления Сенату» (ф.1329) и т.д. Причем материалы по шведам в Финляндии столь обширны, что могут быть предметом специального архивного обзора. В этом смысле, следует лишь заметить, что в коллекции «Именные указы и высочайшие повеления Сенату» содержатся также материалы секретных дел Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел (1704-1802 гг.). В этом отношении определенный интерес представляют и «Секретные дела» о переходе крестьян северо-западных губерний в православие, а также другие документы, хранящиеся в Канцелярии /1836-1917 гг./ обер-прокурора Синода (ф.797).

Но несомненно, что основная часть подобных материалов также еще хранится в фонде Статс-секретариата Великого Княжества Финляндского (1826-1917 гг.) (ф.1361), в котором сосредоточены документы за период с 1682 по 1917 год, в том числе материалы Комиссии государственных дел. Информацию о данном фонде можно получить в новом Путеводителе по Российскому Государственному историческому архиву.²⁴² Полное же описание этого фонда было составлено в 1907 г. и опубликовано в «Алфавит-

ном указателе к постановлениям, относящимся до Великого княжества Финляндского» в 1909 г.²⁴³

Среди фондов личного происхождения, где также содержатся сведения о шведах, проживавших в Финляндии, заслуживает внимания документы фондов Ивана Михайловича Оболенского (ф.1538), который некоторое время являлся генерал-губернатором Великого Княжества Финляндского и Александра Юльевича фон Минквица (ф.677), который был управляющим Канцелярии е.и.в. В целом можно отметить, что материалы, хранящиеся в РГИА, еще недостаточно глубоко исследованы.

Что же касается материалов, которые относятся к шведам, проживавшим в Петербурге, то к сожалению, наиболее интересные документы, посвященные жизни шведской общины Петербурга, находятся в Шведском государственном архиве, куда они были переправлены в 1938 г. из Ленинграда (Архив прихода Св.Екатерины - старейшего и основного евангелистско-лютеранского прихода нашего города)).

В данном случае в РГИА содержатся лишь общие материалы, посвященные этому вопросу. В частности сведения, относящиеся к шведской общине в Санкт-Петербурге, находятся в фондах 821 (Департамента духовных дел иностранных исповеданий), 1480 /периоды 1773-1861 гг. и 1894-1918 гг./ (Петербургская евангелистско-лютеранская консистория), 828 /период 1841-1885 гг./ (Генеральная евангелистско-лютеранская консистория). Это общие преимущественно отчеты, предоставленные центральным органам власти и управления церковью. Исключение составляет метрикация и бракоразводные дела, которые для указанных периодов достаточно полные.

В результате, эти сведения дают лишь определенное представление о жизни шведской общины в России и в Петербурге. Поэтому они могут быть более полно проиллюстрированы только другими источниками (в частности, газетными материалами, а также материалами Государственного архива мэрии Санкт-Петербурга).

Кроме того, следует отметить, что по проблемам, связанным с шведской общиной в Петербурге уже написано ряд интересных работ. В частности, над этими проблемами работали исследователи Н. Юхнева и С. Семен-

цов. Ими обобщены статистические материалы, сделаны выводы по динамике общины и выделены ее основные направления деятельности. При этом работы этих авторов представляют статистико-фактологический характер. Одновременно, однако исследователи обратили еще особое внимание и на отдельные стороны деятельности шведов или касались наиболее известных представителей этой общины в Петербурге. Тем не менее, по имеющимся сведениям, в целом работ, полностью посвященных историко-социологическому анализу шведской общины Петербурга или шведских общин других областей, пока еще не создано.

Однако, наряду с выше перечисленными фондами, относящимися к шведскому населению России или первым крупными исследователям, которые этими проблемами занимались, используя эти фонды, следует отметить, что несомненный интерес также представляют материалы, которые собственно хранятся в библиотеке Государственного Совета. Прежде всего необходимо отметить подборку работ полковника (в последствии генерал-лейтенанта) Генерального штаба Александра Федоровича Риттиха (1831-1900гг.) - автора первой этнографической карты Европейской России. В 1870-х годах XIX века им были подготовлены материалы по этнографии России, в частности, собран статистический материал о Прибалтийском крае, составлены соответствующие обзоры и карты. Взаимоотношениям русских, шведов и других племен, проживавших на Балтике, посвящена его работа «Русская торговля и мореходство на Балтийском море» (СПб., 1896 г.). Данные работы служат своеобразным дополнением к классическим работам Форстена, посвященных этой проблеме.²⁴⁴

В 1895 г., после выхода в отставку, А.Ф. Риттих опубликовал работу «Четыре лекции по русской этнографии», в которой изложил свои взгляды на этническую историю России, влиянию этносов, населяющих империю, друг на друга. Часть материалов посвящена и шведам, населяющим северо-западные губернии, часть которых автор считает коренным населением этих земель (прежде всего это относится к шведам островов Балтийского моря Рухну /Руно/, Вормсе, Одисгольм, на которых в середине XIX века

жили по старошведским обычаям, там также сохранялся древнешведский язык).

Данные материалы могут быть дополнены сведениями, собранными генерал-майором артиллерии Николаем Ефимовичем Бранденбургом, являвшимся в конце XIX века начальником Исторического артиллерийского музея. Он в окрестностях Старой Ладogi открыл «нижнее погребение» знаменитой «сопки» №140, с деталями «неволинского поясного набора», относящиеся к середине VII- началу VIII веков.

Находки Н.Е. Бранденбурга, а также раскопки, которые проводились в XX веке в Верхнем Прикамье, Эстонии, Финляндии и Швеции, позволили уже в наши дни сделать предположение о «непрерывной жизни с VII века этносоциальной организации Русь/Рос в Поволхвье».²⁴⁵

В библиотеке находятся так же работы (на русском и немецком языках) директора императорского Эрмитажа А. А. Куника. Эти работы относятся к 1844-45 гг. и в них автор доказывает происхождение название «Русь» от финского названия шведов «Ruotsi» и связывает его с названием шведской области «Рослаген», расположенной к северу от Стокгольма. Интересной с точки зрения статистического и фактического материала является редкая книга «История крестьянского сословия в присоединенных к России прибалтийских губерниях», вышедшая в Риге в 1860 году, а также материалы по истории Прибалтийского края, изданные в 1876, 1879, 1880, 1882 гг. В библиотеке можно найти и другую литературу по данной проблеме.

В целом обзор материалов хранящихся в РГИА, позволяют взглянуть на проблему шире. Положение шведов на Северо-Западе Российской империи было достаточно специфично. В частности, эта особенность была связана с тем, что территории неоднократно переходили из юрисдикции одной страны к юрисдикции другой. Менялись законы, менялись землевладельцы, кто-то уходил вслед за властью, кто-то оставался, кто-то через некоторое время возвращался, не сумев прижиться на своей «исторической родине». Интересно, что шведское (также как и местное) дворянство, ушедшее с земли вместе со шведской властью, зачастую возвращалось, поступало на

службу в аппарат Российской империи, и в конце концов оседало, в частности, в Прибалтике (примером могут быть Горны, Икскюли, Гильденбанты, Буксгевдены и другие).

Сложилось положение, когда, с одной стороны, шведы на южном берегу Балтийского моря - пришлая этническая группа, причем заселение шведами происходило волнообразно, с другой стороны - часть из них прожила на этих землях более 500 лет (а может быть и больше, если брать за точку отсчета VII-VIII вв.). Причем эта категория населения так и не ассимилировалась, сохранила свои особенности (компактное проживание), и не представляло свое существование вне данной территории. Показательно, что когда в 1944 г. практически все шведы, проживавшие в Прибалтике, выехали на «историческую родину» в Швецию, они не смогли закрепиться там - большинство эмигрировало дальше в Канаду, часть стала жить также обособленно на территории Швеции (на островах), а единицы вернулись назад.

Интересно проанализировать и последствия другого опыта - попытку «добровольно депортировать» шведов в глубь Российской империи, предпринятая российским правительством в конце XVIII века (август 1781 г.). Причем, шведов «перемещали» в те места, где согласно «Хеймскрингле» находилось «Жилище богов» (Godheim), родина Одина. Результат этого эксперимента плачевен - через 150 лет (1929 г.) после длительных проволочек остаткам колонистов удалось, наконец, выехать на родину, но и там они оказались «лишними людьми» - опять эмиграция, поломанные судьбы людей.

Думается, что в свете последних событий, происходящих и в Прибалтике, откуда сейчас пытаются вытеснить русское население и на Юге России, где в настоящее время наблюдаются значительные перемещения населения, и в Югославии, где отмечается аналогичные процессы, связанные с вытеснением одних этнических групп другими, данное исследование становится весьма актуальным.

Исследовательские периоды в изучении русско-шведской («финляндской») войны 1808-1809 гг. в отечественной историографии

Русско-шведская война 1808 – 1809 гг. или как часто ее называют – «финляндская», несмотря на относительную непродолжительность, сыграла важную роль в истории трех стран – России, Швеции и Финляндии. По сравнению с грандиозными наполеоновскими войнами XIX столетия она остается до сих пор крайне мало изученной. Хотя по своим результатам она не уступает в значимости войн в Центральной, Южной и Западной Европе того времени и справедливо занимает достойное место в ряду великих событий российской истории. К тому же необходимо отметить, что важнейшим итогом русско-шведской войны 1808 - 1809 гг. стало присоединение Финляндии и исполнение, таким образом, петровских планов по достижению безопасности северо-западных границ России.

Однако сравнительно малая изученность различных аспектов этой войны не свидетельствует о том, что за почти два столетия с момента окончания этой войной никто в исследовательском отношении в российском государстве ей не занимался. Уже сейчас можно четко выделить соответствующие этапы в изучении русско-шведской войны 18008-1809 гг. Причем эти этапы очевидно связаны, главным образом, с постепенным вводом в научный оборот новых источников, что создает еще большую конкретность в определении их реальных очертаниях. Более того в настоящее время представляется возможным также ясно выделить серьезные отличия во взглядах российских историков, от представлений на эту войну у шведских и финских исследователей. При этом данные расхождения проходят по основным проблемам войны, а также конкретно касаются причин начала войны 1808-1809 гг. и Боргосского сейма, вопросов национальной обособленности финского народа и послевоенного развития Финляндии в составе России.

Определяя же исследовательские периоды в изучении «финляндской» войны следует заметить, что на первом этапе в распоряжении историков была, главным образом, мемуарная литература. Поколение участников этой войны, дожившее до середины XIX столетия, оставив ряд мемуарных свидетельств, порой весьма скудных. Здесь, видимо, сказалось то, что им пришлось воевать в 1812 – 1814 гг., и эти грандиозные события засломили в их памяти военные эпизоды 1808 – 1809 гг.

Первым наиболее полным описанием этих событий стала книга генерала П. К. Сухтелена, изданная в 1832 г. под названием: «Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 гг.».²⁴⁶ Во время русско-шведской войны Сухтелен являлся начальником штаба и заместителем главнокомандующего русской армии, в силу чего его описание войны 1808–1809 гг. – это взгляд стратега, теоретика, знающего весь ход боевых действий с позиции генерала столь высокого ранга.

Прежде всего, автор книги ставил перед собой задачу отразить крупные успехи русской армии, талант и умение генералов в проведении крупных военных операций, храбрость и стойкость солдат в годы войны. При этом чувствуется, что он явно пристрастен и у него не проявляется должного критического взгляда на военные события описываемой войны. Хотя работа Сухтелена не носила исследовательского характера, тем не менее ему удалось как очевидцу войны показать ее действительные события.

Значительным шагом стала в это время также книга генерала А. И. Михайловского–Данилевского, изданная в 1841 г. под названием «Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг.». Будучи военным писателем и приближенным Александра I, он выполнил его просьбу «описать русско-шведскую войну 1808–1809 гг. для памяти потомков, стараясь при этом представить ее во всех подробностях как в отношении военном, так и в дипломатическом».²⁴⁷ Значимость его работы состоит в том, что в качестве ее источников автор использовал не только воспоминания очевидцев этой войны, но и официальные документы, прежде всего донесения политических и военных деятелей.

Считая русско-шведскую войну 1808–1809 гг. итогом внешнеполитической борьбы в начале XIX века ведущих Европы Михайловский–Данилевский акцентирует свое внимание на том, что главной задачей России накануне войны было решить проблему сохранения своих позиций на Балтийском море. Исходя из этого Александр I, подчеркивает автор, был вынужден занять Финляндию, чтобы обезопасить границы своего государства.

К сожалению, Михайловский–Данилевский в своей работе, отдавая предпочтение воссозданию и анализу военных действий 1808–1809 гг., практически не исследует причины, побудившие Россию начать войну со Швецией, а ограничивается лишь кратким обзором ее хода.

Рассмотрение причин начала войны восполняется работой во второй половине 1860-х гг. К. К. Злобина «Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России».²⁴⁸

Возглавляя Архив министерства иностранных дел, он, имея доступ к важным документам, постарался объективно отразить характер взаимоотношений европейских стран и исследовал причины, побудившие Россию начать войну против Швеции. По мнению автора, одной из главных причин начала войны послужила негибкая политика шведского короля Густава IV в отношении своих союзников и соседей, прежде всего России. В этом отношении Злобин приводит, в частности, историю с Аборфорским мостом (по приказу короля Густав IV его перекрасили в шведские национальные цвета, нанеся тем самым оскорбление российскому императору), и ситуацию с наследником Густава - Карлом, которому был присужден титул князя Финляндии, часть, которая принадлежала России.

Среди историков утверждалось мнение, что политика Александра I в отношении Финляндии носила завоевательский характер, но, по мнению Злобина, российской император был прежде всего вынужден занять ее, поскольку через финскую территорию исходила для России угроза со стороны Англии и Швеции.

Новым этапом в исследовании событий русско-шведской войны 1808–1809 гг. в отечественной историографии следует считать работу кон-

ца 1880-х гг. К. Ф. Ордина, «Покорение Финляндии. Опыт описания по неизвестным источникам».²⁴⁹ Именно Ордин являлся первым исследователем, который наиболее полно изложил историю русско-шведских отношений, начиная с древнейших времен и заканчивая 1809 г. Значимость его работы состоит в том, Ордин использовал при ее создании не только архивные документы Архива министерства иностранных дел России, но и привлек другие источники, в частности, исследования шведских и финских авторов.

Следует отметить, что К. Ф. Ордин в своей работе большое внимание уделяет вопросу статуса Финляндии, который в дальнейшем вызвал горячие споры среди историков. Ордин придерживается той позиции, что вхождение Финляндии в состав России способствовало ее прогрессивному развитию, но Финляндия не могла получить самостоятельности, так как ей уготовлялась роль охраны северо-западных границ России. Произведение Ордина стало основой для исследований в дальнейшем российских историков,²⁵⁰ а его книга была удостоена Императорской Академией премии митрополита Макария.

Отдавая дань этому труду, газета «Московские ведомости» в конце XIX-го века писал: «В нем К. Ф. Ордин, на основании отысканных им, большей частью нигде раньше не напечатанных источников, обстоятельно, живым и увлекательным языком, изложил историю покорения Финляндии русским оружием и утверждения в ней русской власти». Далее же газета особо подчеркнула: «Он документально опровергнул при этом вздорную теорию финляндских политиканов об особом Финляндском государстве».²⁵¹ При этом однако тогда ряд шведских и финских историков данные выводы Ордина в отношении политического статуса Финляндии пытались полностью отрицать.

Серьезные разногласия в трактовках событий и явлений периода русско-шведской войны 1808-1809 гг. и их последствий особо проявилось после того, как на русском языке появилась коллективная работа шведских историков военно-исторического отдела шведского генерального штаба. Ее перевод в России был сделан в 1909 г. группой офицеров Финляндского

военного округа под руководством полковника А. М. Алексева. Причем из произведений шведских историков по русско-шведской войне 1808–1809 гг. эту работу следует до сих пор считать наиболее полной. Из нее видно, что шведские историки выдвигают совсем иную оценку этой войны. Расхождения проходят по основным ее этапам. Утверждение же российских исследователей (Михайловского–Данилевского, Ордина), что Швеция является виновницей начала войны в 1808 г., считают ошибочным, так как убеждены, что Густав IV сделал все возможное для ее предотвращения, и только «предательская политика и необдуманые поступки» Александра I привели к войне. Обвиняя Россию в захватнической политике в отношении Финляндии, шведские историки все же оправдывают действия Александра I, так как полагают, что он не согласился на мирное урегулирование конфликта со Швецией только потому, что «был объят страхом перед французами и что ничего не решался предпринимать против их желаний».²⁵² Что же касается ультиматума, предъявленного Швеции со стороны России, то шведские историки считают, что русские напали на Финляндию внезапно и без объявления войны, а о существовании ультиматума Густав IV узнал только тогда, когда арестовали русского курьера Алопеуса. Необходимо отметить, что на протяжении всего этого труда проходит такая мысль: во всем виновата Россия, а Швеция же стала жертвой дипломатических интриг между европейскими странами.

Но в изучении финляндской войны был и длительный перерыв с 1909 г. по 1940 г. В это время в нашей стране не было опубликовано ни одной обстоятельной исторической работы. Связано же произошедшее было, очевидно, с политическими переменами в России, а так же с тем, что в 1917 г. Финляндия стала уже независимым государством. В дальнейшем же в период с 1940 г. по 1960 г. интерес к этой войне в СССР, однако возрос снова.²⁵³ Однако в основном появившиеся исследования касались лишь описания и анализа отдельных эпизодов военных действий 1808–1809 гг.

Только с появлением труда петрозаводского ученого И. И. Кяйвярайнена во второй половине прошлого столетия «Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к

России в 1809 году»²⁵⁴ начался новый этап в отечественной историографии по рассматриваемому вопросу. Проведя тщательное исследование русских, финских и шведских работ, касавшихся событий 1808-1809 гг., автор ввел в научный оборот документы различных архивов и дал иную оценку как внешней политики России с европейскими странами в начале XIX века, так различных аспектов хода войны.

По мнению И.И.Кяйвяряйна, во-первых, ошибочно полагать, что Александр I во внешней политике следовал желаниям Наполеона и тем более испытывал страх перед французами.

Доказательством правоты своего утверждения он считает ситуацию, возникшую с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом накануне войны. Когда Наполеон настаивал на том, чтобы Александр I присоединил к своему государству польские владения Пруссии, российский император не только не принял этого дара, но и добился сохранения их за ней. К тому же, Александр I думал, прежде всего, об интересах России и сделал все возможное для ее безопасности.

Во-вторых, в отношении Тильзитского мира, которому историки уделяли довольно много внимания, автор справедливо отмечает, что одной из важнейших задач политики Наполеона было достижение полной политической изоляции России и обеспечение собственного тыла для дальнейших завоеваний, а затруднения Александра I в принятии решений Кяйвяряйн оценивает не как слабость и страх перед Наполеоном (об этом утверждали шведские историки), а как обдуманную и выжидательную политику.

Российский император надеялся на исполнение обещаний, данных Наполеоном в Тильзите в отношении Молдавии и Валахии, а Швецию использовал как средство давления на французского императора. О завоевании Финляндии российский император задумался только тогда, когда убедился в тщетности осуществления своих замыслов на турецком направлении. Присоединение же Финляндии к России стало рассматриваться как компенсация за свои поражения на юге.

В-третьих, утверждение шведских историков, будто бы Россия напала без объявления войны, И.И.Кяйвярайнен считает просто не обоснованным, т.к., исходя из содержания дипломатической переписки между Петербургским и Стокгольмом накануне войны, прослеживались явные намеки российского императора о возможности вторжения в Финляндию.

В заключении необходимо отметить, что в последнее время русско-шведская война 1808–1809 гг. не приковывала к себе интереса у историков.²⁵⁵ Вместе с тем назрела необходимость создания в современных условиях комплексной, объективной работы с участием российских, финских и шведских историков. Данная работа тем более необходима, поскольку в истории «финляндской» войны осталось еще до сих пор очень много таких аспектов, которые требуют тщательного исследования. Это касается, в частности, действительных причин сдачи Свеаборга, политики Александра I накануне войны, да и самих военных действий 1808–1809 гг., о которых мы все еще имеем недостаточные сведения.

Особое государство или провинция империи: российские юристы о государственно-правовом статусе Финляндии

В российских политических дискуссиях проблемы государственного строительства на федеративных началах имеют особую актуальность. Стремясь к постижению принципов построения современного федеративного государства, некоторые ученые обращаются не только к зарубежному опыту, но и к опыту Российской империи, в частности, к опыту российско-финляндских отношений, которые одни характеризуют как федеративные²⁵⁶, другие – как конфедеративные²⁵⁷. На протяжении более чем столетнего пребывания Финляндии в составе Российской империи проблемы юридического статуса княжества, вопросы разграничения полномочий между центральной и местной властью с различной степенью интенсивности будоражили юридическую и общественно-политическую мысль Петербурга и Гельсингфорса.

В момент вхождения Финляндии в состав Российского государства не было издано документа, четко определявшего положение Великого княжества в составе империи. В марте 1809 г. Александр I в своей речи в Борго (Порвоо) перед собранием представителей четырех сословий Финляндии дал лишь торжественное обещание не нарушать религии, коренных законов, прав и преимуществ, которыми пользовались подданные княжества «по конституциям».²⁵⁸ Под «конституциями» понимались действовавшие в Финляндии до русского завоевания шведские законы «Форма правления» от 21 августа 1772 г. и «Акт соединения и безопасности» от 21 февраля и 3 апреля 1789 г.²⁵⁹ Однако, практические шаги российской власти в Финляндии осуществлялись в русле автономного статуса. Поэтому правящая элита княжества, несмотря на отсутствие у финляндской автономии юридических гарантий, была довольна де-факто сложившимся в княжестве положением дел.²⁶⁰ Предоставление Финляндии широкого самоуправления, кооперация с местной элитой, толерантность в вопросах веры обеспечили

на протяжении практически столетия верноподданность финляндцев по отношению к российскому самодержавию.

Вопрос о государственно-правовом статусе Финляндии внутри империи, как показывают работы финского историка О.Юссила, не был значимым для финляндского общества вплоть до 1880-х гг. XIX в. Представления о понятии «государство» в княжестве являлись довольно расплывчатыми. Термины «государство» и «провинция» не являлись взаимоисключающими.²⁶¹ Еще в 1882 г. историк Роберт Кастрен отмечал, что между княжеством как особым государством или княжеством как провинцией империи не делали различий.²⁶² Гораздо важнее вопроса - государство ли Финляндия или провинция империи? - правящая элита считала заботу о сохранении автономии княжества в том объеме, который оно имело.²⁶³

Ситуация изменилась во второй половине 1880-х гг. Вслед за Польшей, политика русификации начала осуществляться в Прибалтике. Финляндия, оставаясь последним островком внутренней самостоятельности, все больше выпадала из общей картины стремившегося к гомогенности Российского государства. Финляндцы ощущали приближение суровых перемен и стремились защитить автономное положение княжества, юридически обосновав его государственно-правовой статус.

В 1886 г. вышла в свет работа «Краткий очерк государственного права Великого княжества Финляндского».²⁶⁴ Ее автором являлся профессор права и политический деятель Финляндии Лео Мехелин, который предпринял попытку с помощью юридических категорий доказать, что Финляндия является особым государством, а не провинцией Российской империи. В понятии «государство» он акцентировал внимание на таком ключевом его признаке, как суверенитет. Суверенитет, по Мехелину, есть «право организовать без иностранного вмешательства свою внутреннюю жизнь, учредить форму правления, иметь собственные законы». Так как у Великого княжества налицо имелись все перечисленные признаки то, согласно автору, Финляндия являлась государством, а не провинцией Российской империи.²⁶⁵ Вместе с тем Мехелин считал Финляндию *особым государством*. Суверенитет, с точки зрения автора, бывает двух видов: «государственно-

правовой» или «внутренний» и «международно-правовой» или «внешний». Финляндия имела только «внутренний» или «государственно-правовой суверенитет». Финляндский юрист советовал правящей элите княжества приложить все усилия для сохранения этого положения.²⁶⁶

Представление о Финляндском государстве родилось у Мехелина во многом априорно, и доказательства его теории были далеко не безупречными, вероятно, даже излишне надуманными. Значение работы Л.Мехелина заключалось в том, что это было первое опубликованное изложение конституционных прав Финляндии в том виде, в каком они представлялись финляндской элите в конце XIX в. Труд финляндского юриста был издан на французском языке и в основном нацелен на общественное мнение Европы для того, чтобы создать благоприятный для Финляндии имидж «островка с европейскими политическими традициями в море российского абсолютизма». Это произведение не являлось чем-то необычным для того времени. К примеру, в Венгрии юристы и ученые также развивали учение о Венгерском государстве. Произведение Л.Мехелина было действительно замечено в Европе, где впервые заговорили о финляндской государственности и открыли для себя эту маленькую страну.²⁶⁷

Однако наибольший резонанс работа Л.Мехелина получила в России. Она стимулировала полемику не только в российской печати, но и в юридической науке. По вопросу о государственно-правовом статусе Финляндии в российской юридической мысли оформились два направления: первое считало Финляндию особым государством, находящимся в реальной унии (союзе) с Россией, персонифицированной фигурой императора и Великого князя Финляндии. Представители второго направления считали Финляндию инкорпорированной провинцией Российской империи. Первой точки зрения придерживались известный российский правовед Б.Н.Чичерин, профессор Санкт-Петербургского университета В.И.Сергеевич, профессор Казанского университета В.В.Ивановский и др.²⁶⁸ Они, в основном, следовали аргументации финляндских юристов²⁶⁹, например, ссылались на статью четвертую Основных законов Российской империи, где говорилось, что «с Императорским Всероссийским престолом нераздельны суть престо-

лы Царства Польского и Великого княжества Финляндского”²⁷⁰ Раз существует особый, хотя и нераздельный престол, значит, существует и особое государство. К примеру, в труде «О народном представительстве» Б.Н. Чичерин утверждал, что Финляндия – есть «отдельное государство, неразрывно связанное с Россией, но не входящее в ее состав. Она, как и Польша до 1863 г. не инкорпорирована в Россию, а только соединена с нею под одним скипетром».²⁷¹ Сохранение национальной самостоятельности, по Б.Н. Чичерину, являлось залогом верноподданности финляндского народа российским монархам. Выдающийся русский юрист не раз приводил пример Финляндии в качестве иллюстрации благоразумной политики российских императоров. Так, в своем «Курсе государственной науки» Б.Н. Чичерин писал: «Пример благотворного действия реального соединения представляет Финляндия... Довольная своей судьбой, она (Финляндия – И.Н.) процветает под скипетром русских монархов. Россия же находит в этом ту выгоду, что она обладает военной позицией, необходимой для ее обороны».²⁷² При этом Б.Н. Чичерин вообще не предполагал возможности отделения Финляндии от России и создания независимого государства.

В пользу своей точки зрения сторонники теории особого государства выдвигали, в частности, аргумент наличия в Финляндии собственного законодательного органа – сейма и своего законодательства. Финляндия не входила в число административных районов империи. Поскольку многие приверженцы теории особого государства, включая Б.Н.Чичерина, были неогегельянцами, то наличие собственного законодательного органа и самостоятельного административного аппарата уже являлось достаточным, чтобы считать Финляндию государством. Так, профессор В.В. Ивановский полагал, что «каждая страна, имеющая свое особое законодательство, особые законодательные учреждения, особый порядок издания законов, является и особым государством».²⁷³ Большое значение сторонниками этой теории придавалось также фактору независимости финского бюджета от имперского, наличию в Финляндии собственной денежной, налоговой, таможенной, судебной системы, национальной армии.²⁷⁴

Представители второго направления являлись в основном сторонниками принципа «единой и неделимой России». Поэтому они рассматривали Финляндию как нераздельную часть Российской империи, инкорпорированную в состав империи провинцию.²⁷⁵ Подобного взгляда придерживались не менее известные правоведы А.С. Алексеев, Н. С. Таганцев, Ф. Ф. Мартенс, Н. М. Коркунов, Э. Берендтс и др.²⁷⁶ К примеру, выдающийся русский криминалист Н.С. Таганцев в одной из своих статей отмечал, что «в 1809 г. совершилось не соединение двух самостоятельных государств, а присоединение завоеванной русским оружием Финляндии... Само подтверждение прежних законов русскими государями не имеет абсолютного значения, это не исключает возможности их отмены, когда изменившиеся исторические условия сделают их неприложимыми или крайне вредными».²⁷⁷ В целом, основные аргументы сторонников теории инкорпорированной провинции сводились к следующему: во-первых, Финляндия до завоевания не была самостоятельным государством и не пользовалась автономией.²⁷⁸ Как замечал по этому поводу А.С. Алексеев, «Финляндия стала провинцией России, как была до того времени провинцией Швеции. Она никогда не была самостоятельным государством».²⁷⁹ Во-вторых, обещание Александра I сохранить в княжестве местные законы и учреждения не носило характер договорного соглашения двух государств об установлении унии между ними, это одностороннее волеизъявление монарха, которое его потомки в силах отменить. Если бы реальная уния имела место, то и Российская империя, с сарказмом замечали некоторые авторы, была бы переименована в «Русско-финляндскую империю» или в «Финно-Россию»²⁸⁰; в-третьих, у финляндцев не было собственной финляндской конституции, т.к. до вхождения в состав Российской империи они являлись подданными Швеции. В «шведской конституции ни разу не встречалось наименование «финляндец», о финляндцах как таковых не упоминалось, потому, что шведское правительство смотрело на них, как на шведов»²⁸¹. Наконец, противники теории особого государства ссылались на опыт Канады и Исландии, имевших широкую внутреннюю автономию, но не считавших себя государствами.²⁸² Сторонники теории инкорпорированной провинции так-

же не жаловали императора Александра I, обвиняя его в политической близорукости и неосторожности сделанных им заявлений в период присоединения Финляндии к России. Утверждая, что Финляндия является провинцией Российской империи, они, тем не менее, не отрицали наличие у княжества автономных прав, однако считали, что автономия княжества больше не отвечает интересам России и поставили на повестку дня вопрос о распространении на Финляндию общегосударственного законодательства.

В полемике между сторонниками и противниками теории особого государства победу одержали приверженцы теории инкорпорированной провинции. К 1910 г. из 25 ученых-правоведов, высказавших свое отношение по проблеме юридического статуса Финляндии, только трое придерживались теории особого государства.²⁸³ Победа сторонников теории инкорпорированной провинции объяснялась не только тем, что они имели в запасе более сильные аргументы в пользу своей позиции. Их точка зрения совпала с мнением имперской государственной власти, которая использовала услуги юристов, чтобы придать своему наступлению на автономные привилегии Финляндии «законную силу». Представителей теории инкорпорированной провинции охотно приглашали на работу в специальные комиссии, занимавшиеся проблемами унификации законов Великого княжества и империи. Так, например, Н.С. Таганцев возглавил в 1904 г. специальную комиссию, целью которой было разграничение областей финляндского и имперского законодательств. С другой стороны, полемика вокруг юридического статуса Финляндии обратила внимание российской юридической науки на необходимость более серьезного и глубокого изучения финляндского права. Дискуссия также стимулировала развитие российской и финляндской юридической науки, в частности, такой их отрасли, как государственное право.

Российская общественность о расторжении шведско-норвежской унии

1905 г. явился переломным моментом в истории норвежского государства. 7 июня 1905 г. на пленарном заседании стортинга единогласно была принята резолюция о расторжении шведско-норвежской унии. Этому событию предшествовала долгая борьба. Вторая половина XIX века – время глубоких перемен в норвежском обществе: экономических, политических, социальных. Российские современники отмечали: «Шведы и норвежцы принадлежат к одному и тому же племени, исповедуют одну и ту же религию...уровень их духовной культуры один и тот же, нравы в общих чертах те же. Но отсутствовали два важных условия их политического единства: общее историческое прошлое и сходство в тенденциях социально-экономического развития».²⁸⁴ К концу XIX века разница в развитии государств стала все более и более ощутима, разрыв был неминуем.

Бесспорно, события конца XIX века, а тем более начала XX века, обострение противоречий между союзными королевствами привлекли внимание мировой общественности, в том числе и русской. При этом, стоит отметить, что Россия была первой державой, признавшей независимость Норвегии « во всей ее территориальной целостности».²⁸⁵ Возникает вопрос, как же российская общественность реагировала на события на Скандинавском полуострове, чью сторону, Швеции или Норвегии, занимала в ходе борьбы между соседними странами?

Данная работа построена на основе анализа работ современников и ряда публикаций о шведско-норвежском противостоянии. Несмотря на, несомненно, субъективные оценки авторов, в их работах мы можем почерпнуть много интересной информации о разрыве унии. Например, о внутриполитической борьбе в Норвегии в последние десятилетия XIX века, о сложных переговорах между Швецией и Норвегией о предоставлении последней отдельной консульской службы, о встречах между представителя-

ми соседних государств в Карлстаде и избрании нового норвежского короля - Хокона VII. В работе были рассмотрены лишь некоторые моменты из истории шведско-норвежского противостояния, вокруг которых и происходила наиболее оживленная полемика в российской публицистике.

Большой резонанс российской общественности вызвало создание и работа в 1895 г., а затем в 1900-х гг. специальных комиссий по вопросу о предоставлении Норвегии отдельных консульских представительств. Прежде всего, возникли вопросы о правомочности действий норвежского стортинга, а во-вторых, о причинах требований Норвегии. Пытаясь рассмотреть шведско-норвежский конфликт с правовой точки зрения, исследователи обращались к событиям 1814 г.: подписанию Кильского договора и положениям Московской конференции. Основным вопросом, который поднимался исследователями, был: «Следует ли считать присоединение Норвегии совершившимся в силу Кильского трактата, когда датский король передал Швеции Норвегию, как часть своих владений..., или же считать его совершившимся в силу ... Московской конвенции, то есть актом добровольного согласия на присоединение со стороны Норвегии, как самостоятельного государства...».²⁸⁶ Так, например, Берендс Э. в своей работе, анализируя положения Кильского трактата, считал, что Норвегия является составной частью Шведского королевства, а не самостоятельным государством, и что уния не может быть расторгнута по усмотрению только Норвегии²⁸⁷. К Московской же конвенции автор относился как к большой уступке со стороны Швеции. Предоставление же норвежскому королевству широких экономических прав рассматривал, как крайне неосмотрительный шаг²⁸⁸. Права Швеции на присоединение Норвегии автор объяснял тем, что на 1814 г. Норвегия являлась составной частью Датского королевства, ее провинцией. Примером этого является закон 1763 г., по которому упразднялась самостоятельность корпуса норвежской артиллерии.⁶ В целом, можно сказать, что Берендс был противником расторжения унии, защищая законную, на его взгляд, королевскую власть. Доказывая преобладание статей Кильского трактата над положениями Московской конвенции, Берендс обращал внимание читателей на тот факт, что гарантами Кильского трактата являются великие

державы. Поднимая вопрос о европейском значении унии он считал, «... что все державы ... заявят, что Кильский трактат 1814 г. остается основой политического устройства Скандинавии».⁷ В ответ, в 1895 г. в журнале «Северный вестник» была опубликована анонимная статья, в которой автор подверг критике точку зрения Берндса Э. По его мнению, именно Европа виновата в разжигании конфликта между Швецией и Норвегией. «Европа ... решила отторгнуть Норвегию от Дании и подарить Швеции в уплату за ее услуги в войнах против Наполеона».⁸ Автор утверждает, что лишь статьи Московской конвенции являются единственно обоснованными с правовой точки зрения, а по ним Норвегия вступает в унию со Швецией как самостоятельное и равноправное государство. Соответственно, Европа должна исправить ошибку «... одним простым признанием того..., что Швеция и Норвегия в унии жить не могут дружно и мирно и что для блага той и другой стороны необходимо расторжение унии».⁹ Сходной точки зрения придерживался и В. Теплов¹⁰, считая действия великих держав, распорядившихся судьбой Норвегии без ее ведома, несправедливой. Так, Рудченко в своей статье пишет: «Норвегия показала всему образованному миру железную энергию в борьбе за свою свободу и независимость».¹¹

Что касается причин, побудивших норвежские власти поднять вопрос о собственных консульствах, то основным объяснением были различия в экономическом развитии Соединенных королевств. В Норвегии мощными темпами шло строительство торгового флота, по количеству судов страна находилась на четвертом месте в мире¹². Получая основной доход из внешнеторговых операций, норвежское правительство было заинтересовано в фритредерской политике, сохраняя низкие таможенные пошлины. Между тем, Швеция оставалась страной крупного помещичьего землевладения и для охраны собственного производства ввела протекционистские пошлины. К тому же, сказывалось и разная внешнеполитическая ориентация соседних государств: Норвегии на Англию, Швеции на Германию. Вот почему, Норвегия так остро нуждалась в отдельных консульских представительствах. Большинство авторов учитывали этот аспект в своих работах.¹³ Впрочем, уже в 1905 г. Теплов высказал точку зрения, что « в

действительности, консульский вопрос скорее был поводом или во всяком случае одной из причин того обостренного положения, которое накопило постепенно в течение ряда лет»¹⁴.

Примечательно, что русская общественность воспринимала Норвегию как образец демократии, прогресса, патриотизма. Так, например, С. Орловский в своей статье в «Вестнике Европы»¹⁵ описывая, как проходил плебисцит по вопросу отделения Норвегии от Швеции отмечал всеобщее оживление на улицах городов, торжественность обстановки. На его взгляд, благодаря, во многом, патриотизму норвежцев, Норвегия смогла получить независимость¹⁶. Нередко те публицисты, которые поддерживали разрыв унии сравнивали политическое устройство Норвегии и Швеции, противопоставляя демократическую Норвегии аристократической, консервативной Швеции. В публицистических изданиях того времени можно обнаружить и крайне радикальные точки зрения. Примером служит работа С. Ф. Русовой «В стране вольного крестьянства»¹⁷, в которой автор проводит параллель между развитием Норвегии и развитием России. «Нет, Россия не крестьянское царство, а царство насилия и произвола. А вот рядом с нами, у северных наших границ лежит такая страна, где...вся страна управляется крестьянами...»¹⁸. Относительно разрыва шведско-норвежской унии Русова полностью поддерживала норвежцев в своем стремлении к независимости, считая шведов угнетателями и поработителями.

Наравне с радикальными взглядами существовала и консервативная концепция. Наиболее ярко она раскрывается в работе А. Коптева¹⁹. Автор считает, что только вместе, соединенные унией, Швеция и Норвегия могут сопротивляться возможному нападению другой державы, бороться за свое мирное существование. Разрыв унии лишь ослабит норвежское государство, сделает его уязвимым. Будучи сторонником монархического правления, Коптев заявлял: «Пока на шведском престоле царствует настоящий мирный государь Оскар II, спокойствию Швеции и Норвегии никто не угрожает».²⁰

Вопрос о безопасности Норвегии был поднят не случайно. После расторжения одностороннем порядке унии стортингом, казалось, что отноше-

ния между соседними государствами могут обостриться вплоть до военного столкновения. Российская общественность внимательно следила за событиями на Скандинавском полуострове. Впрочем, читателю предоставлялась самая разнообразная информация, нередко весьма противоречивая. Так, например, О. Рудченко в своей работе сообщал, что, с одной стороны, шведская пресса на разрыв унии реагирует совершенно спокойно, с другой, что в Норвегии замечены приготовления к обороне, закупаются съестные припасы, поставляется оружие из Англии. « Дело очень серьезно, и да минует нас чаша сия кровавая ...»²¹. Говоря о возможности начала войны между Швецией и Норвегией, многие авторы ссылались на сообщения зарубежной прессы. При этом, возможность военного столкновения между соседними государствами считалась весьма вероятной. Возникал вопрос, кто же нападет первым: Швеция или Норвегия. Лишь благоприятный исход переговоров в Карлстаде, на которых был окончательно решен вопрос о судьбе унии, окончательно убедил российское общественное мнение в невозможности войны.

Среди публицистических изданий того времени можно обнаружить и ряд сведений об отношении великих держав к расторжению унии. Большинство авторов, которые касались внешней политики, были обеспокоены возможным влиянием Англии на новое государство и понижением роли России. Их опасения были вызваны возобновившимися слухами о русской угрозе Северной Норвегии.²² По сообщению Д. Альбионова «Нансен объяснил, что...Норвегии нужно дружеское соглашение... на случай возможного нападения со стороны России»²³. С другой стороны, английская пресса заявила, что не оставит без внимания вопрос о расторжении шведско-норвежской унии²⁴. Однако данный вопрос требует отдельного рассмотрения и не является целью данного исследования.

Таким образом, расторжение шведско-норвежской унии воспринималось российской общественностью в большинстве случаев положительно. На страницах журналов развернулась целая полемика о причинах тех или иных действий норвежских властей, при этом предпринимались попытки обосновать разрыв унии не только с экономической точки зрения, но и с

юридической. Преобладают статьи и работы либеральных авторов, для которых Норвегия была, прежде всего, развитым демократическим государством и расторжение унии для них закономерный этап исторического процесса.

О геополитических аспектах в исследовании Европейского Севера историка В.В.Похлебкина (1923-2000)

Исполнился год со времени трагической гибели Вильяма Васильевича Похлебкина. Это произошло на 76-м году его жизни в г. Подольске, где в своем доме он был зверски убит при неизвестных обстоятельствах.

Случившееся - большая утрата для исторической науки. В.В.Похлебкин был крупным ученым, заложившим основы творческого объединения в нашей стране исследователей, занимающихся в области истории, археологии, этнографии, экономики, права, культуры, искусства, литературы и языков государств Северной Европы. Именно с момента создания им в 1955 г. «Скандинавского сборника» в г. Тарту начался процесс сплочения всех тех, кто посвятил себя изучению Скандинавских стран и Финляндии. К этому времени относится именно начало взаимного общения и сотрудничества разобщенных ранее исследователей Европейского Севера в различных областях гуманитарных наук. Проходящая ныне конференция является конкретным воплощением в жизнь идеи В.В.Похлебкина создать широкий научный фронт всех тех, кто посвящает себя глубокому изучению в указанных направлениях наших северных соседей и тех процессов, которые связывают их с Санкт-Петербургом.

В предисловии к первому тому «Скандинавского сборника» подчеркивалось, что «задача состоит в том, чтобы направить работу наших скандинавистов на исследование «белых пятен» и наиболее неясных или спорных вопросов...».²⁸⁹ Сам В.В.Похлебкин своими работами подтвердил именно стремление проанализировать и раскрыть мало изученное. При этом проявил себя и не только в качестве историка. А.С.Кан в одной из своих статей характеризовал его разносторонность как «историка, географа, публициста, международного и кулинара».²⁹⁰ Действительно, читателям

широко известны его книги, относящиеся к области кулинарии. Эта литература пользуется большим вниманием в стране.

Но остановимся на одной лишь стороне исследований В.В.Похлебкина, касающейся геополитических аспектов истории Европейского Севера. В наиболее обобщенном виде они получили отражение в его книге, посвященной истории взаимоотношений нашей страны с Финляндией за время более двух с половиной столетий, начиная с 1713 г. Она была издана первоначально в Хельсинки под названием «Финляндия как враг и как друг», а затем, спустя несколько лет, в Москве под новым названием: «СССР – Финляндия. 260 лет отношений 1713-1973».²⁹¹

Характерно, что эта работа удостоилась особого внимания и доброжелательного отношения со стороны президента Финляндии У.К.Кекконена. Такой чести ни разу не удостоивался ни один историк в Советском Союзе. В произнесенной Кекконеном речи на ежегодном собрании общества Ю.К.Паасикиви 27 ноября 1969 г. книга В.В.Похлебкина была названа «замечательной работой» и «весьма полезной». Свою оценку У.К.Кекконен объяснил так: «Эта работа освещает отношения между Финляндией и Россией и затем между Финляндией и Советским Союзом с точки зрения советского исследователя, которую нам финнам, необходимо знать, хотя мы, возможно, и не согласны с ней полностью».²⁹² Говоря это У.К.Кекконен имел в виду, очевидно, ту дискуссию, которая развернулась в Финляндии вокруг книги.

Какой же подход в геополитическом отношении привлек и продолжает вызывать к себе особое внимание в изложении В.В.Похлебкина?

Прежде всего, им доказывается несостоятельность укоренившегося в зарубежной литературе и, в частности в северных странах, утверждения относительно существования «русской опасности», «угрозы России» Северной Европе. Он пишет, что «миф о «русской опасности» стал для Скандинавии в целом, а позднее все более и более для Финляндии своеобразным фактором общественной жизни, наложившим глубокий отпечаток на всю современную историю». По его словам этот миф «импортировали в Финляндию из Швеции и впоследствии был отчасти немного модернизи-

ван и приспособлен для финских условий». Им указывалось при этом, что «одним из главных обвинений против России были якобы русские планы захвата Северной Норвегии с целью получения доступа к незамерзающим портам Ледовитого океана».²⁹³

Для аргументированного опровержения указанных утверждений, В.В.Похлебкин провел анализ конкретных фактов и исторических событий на протяжении продолжительного времени, начиная с 1617 г. На этой основе им делается вывод о прослеживавшейся тенденции территориального роста России на северо-западе. Вообще, пишет он, «продвижение границы России в северо-западном направлении полностью прекратилось к началу XIX в. с вхождением в состав Российской империи Финляндии». К тому же подчеркивается тот факт, что «Выборгская губерния (789 кв. мили) была с 1811 г. отделена от России и присоединена к Финляндии», в результате чего «собственно русская территория на северо-западе, находившаяся под непосредственной юрисдикцией российского правительства, сократилась».²⁹⁴

Говоря о не заинтересованности России в дальнейшем расширении своей территории на северо-запад и север, автор указывает на факт добровольной передачи ею вопреки своим военно-стратегическим и экономическим интересам большой территории Русской Лапландии в 1826 г. в состав Норвегии, входившей в шведское государство.

Что касалось железнодорожного строительства в Финляндии в конце XIX - начале XX вв., отмечает В.В.Похлебкин, то оно отнюдь не было сопряжено с «завоевательными планами» России в отношении Скандинавии. Оно велось в Восточной Финляндии и отражало стремление прекратить его в северо-западном направлении, вблизи шведской границы. Это свидетельствовало об оборонительных, а не наступательных планах России, подчеркивает автор.²⁹⁵

Рассматривая советский период истории, В.В.Похлебкин показывает, что геополитическая проблема заключалась в решении вопроса обеспечения безопасности Петрограда-Ленинграда. Это было видно с самого начала после признания советским правительством независимости Финляндии, по-

следовавшего потом заключения с нею мирного договора в Тарту в 1920 г. и переговоров, которые велись затем поэтапно. Речь шла о том, чтобы, как отмечает автор, отстоять как минимум на 50-60 км к западу от Петрограда и целиком оставлять в руках Советской России систему ближней береговой обороны столицы...». Понимание с финской стороны этой позиции могло бы «привести к иному, более благоприятному развитию советско-финляндских отношений 20-30-х гг.».²⁹⁶ В интересах решения указанного вопроса правительство СССР выражало готовность произвести обмен с Финляндией некоторых территорий.

Советский Союз не пошел на оккупацию Финляндии в ходе двух войн с нею в 1939-1940 гг. и в 1941-1944 гг. «После поражения, понесенного Финляндией во второй мировой войне,-пишет В.В.Похлебкин, -как на Западе, так и в самой Финляндии многие считали, что Советский Союз воспользуется своими законными правами и преимуществами победителя и продиктует Финляндии тяжелые условия мира. Однако этого не произошло, да и не могло произойти, ибо это противоречило всем нормам и принципам советской внешней политики».²⁹⁷

В геополитическом плане характерным являлось то, что Советский Союз не проявлял каких либо намерений выдвигать свои стратегические позиции на запад. В 1944 г. было объявлено об отказе СССР от аренды у Финляндии района Ханко, а через четыре года и о досрочном возвращении полученной вместо него в аренду территории Порккала-Удд. Происходило это в атмосфере развивавшихся добрососедских отношений между СССР и Финляндией на базе заключенного в 1948 г. договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

У.К.Кекконен, касаясь взглядов В.В.Похлебкина на характер развития советско-финляндских отношений после второй мировой войны и, в частности, в 1960-е годы, сказал, что «оценка советского исследователя является весьма примечательной...».²⁹⁸ Но в кругах финских столичных историков суждения В.В.Похлебкина попали под обстрел сильной критики. Наиболее резкие выступления в печати были со стороны профессора Хельсинкского университета Осмо Юссила. Он осуждал В.В.Похлебкина преж-

де всего за изложенные им взгляды по периоду вхождения Финляндии в состав России, характеризуя их как «царистские», опиравшиеся на работы консервативных российских историков К.Ордина и М.Бородкина.²⁹⁹ В конечном же счете утверждалось, что «с одной стороны исследователь придерживался марксизма-ленинизма, а с другой – потребностей современной политики, прежде всего советского патриотизма и политики мирного сосуществования...».³⁰⁰

Критическому разбору в Советском Союзе взглядов, содержащихся в книге В.В.Похлебкина, подверг также профессор А.С.Кан. И все же, касаясь геополитического аспекта, он заключил: «...В.В.Похлебкин прав, считая русскую угрозу для Скандинавии, по крайней мере после 1809 г., мифом (с.11). Но он напрасно упрощает знакомое ему истинное положение, не показывая читателю вполне реальные основы этого мифа. Это мешает развенчать убедительно и самый миф».³⁰¹

Для российских исследователей было бы, очевидно, полезно основательно проанализировать творчество В.В.Похлебкина. в полном объеме. Ведь только избранные его произведения, изданные в 1996-1999 гг., составляют шесть томов. Не малый интерес представляют написанные им в 90-е годы обстоятельные, оригинальные по своему замыслу и построению справочники: Внешняя политика Руси; Россия и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах (М.,1992, 1995); Великая война и не состоявшийся мир (М.1997).

В.В.Похлебкин был увлеченным исследователем с огромной работоспособностью. Его труды характерны ясностью мысли, простотой изложения, своеобразием языка и манерой общения со своим читателем. Один из его биографов Ю.Васильев так озаглавил свою статью о нем: «Этот удивительный Похлебкин».³⁰²

Саамское общество и проблема социальной трансформации

Важнейшими темами современных дискуссий, касающихся процессов развития, трансформации и дифференциации саамского общества начиная с XV в., а также перехода от традиционного общества охотников к более специализированным формам экономики, являются: Как соотносятся внутренние и внешние факторы социальной трансформации саамского общества, являющегося в рассматриваемый период маргинальным и “инкапсулированным” (Р.Пэйн) в общество большинства? Можно ли оперировать концептом “традиционная социальная организация” применительно к саамскому обществу XV – XIX вв.? Какое влияние процессы трансформации и модернизации оказали на этничность как “форму социальной организации культурных различий” (Ф.Барт).

Следует отметить, что в настоящее время концепт гомогенного, недифференцированного общества охотников не является релевантным в обще-саамском контексте (Л.И.Хансен). Традиционное саамское общество демонстрирует большое разнообразие вариаций, например, в характере системы «siida» и путях её формирования. Наиболее дискуссионный характер имеет вопрос, является ли эта форма социальной организации общесаамской или даже единственной в саамском социальном континууме. В современном научном дискурсе также не является релевантным представление об общих фундаментальных признаках системы siida, так как её локальные вариации в Лапландии как в синхронном, так и диахронном планах весьма значительны. Следует особо подчеркнуть, что концепт «siida» в настоящее время активно используется для обоснования и легитимизации прав саамов на присвоение ресурсов определенных территорий.

Представление о традиционном саамском обществе как о вариации достаточно однородной и распространенной «культуры охотников», сформировалось в рамках системной или структурно-функциональной парадигмы. Центральными для нее являются идеи рациональности саамского общества как экологически и социально адаптированной и сбалансированной си-

стемы, варианты которой обуславливаются региональными (локальными) экологическими различиями. В рамках данного подхода, испытавшего сильное влияние экологического детерминизма, наблюдается тенденция переоценивать контраст между коренным населением Северной Фенноскандии и их соседями, а также недооценивать вариации социальных форм внутри саамского общества. Саамское общество описывается в самых общих понятиях (институт общины – *siida*, совет старейшин – *poqtag*), при этом особо акцентируются такие фундаментальные принципы, как коллективность и групповая солидарность (Э.Воррен, Г.Гьессинг).

Как известно, одной из наиболее важных тем современных дискуссий в социальных науках является проблема социального изменения. Однако сторонники структурно-системного подхода фокусируют внимание, скорее, на проблемах относительной стабильности, сохранения социальных форм, или – позднее – концепции устойчивого развития. Процессы перехода, дифференциации и специализации традиционного саамского общества объясняются действием, главным образом, внешних факторов (колонизации территории, системы административного управления и налогообложения, торговли, христианизации, влияния соседних народов).

Второй подход к изучению саамского общества связан с развитием теории действия, которая в настоящее время «начинает осознаваться как центральная проблема социологического теоретизирования» (П.Штомпка), а также с процессуальным транзакционализмом Ф.Барта. Сдвиг от статичного понимания социальных феноменов в пользу признания их процессуального характера в целом рассматривается как важнейшая тенденция современной науки. Постмодернистский взгляд на культуру, понимаемую не в терминах общности, а в терминах организации различий, предполагает переосмысление понятий «этническая идентичность» и «общество». Если в рамках системного подхода общество рассматривается как морфологическая креатура, основные компоненты которой и их соединения в единое целое исследуются с функциональной точки зрения, то во втором случае социальная форма рассматривается как процессуальный эпифеномен. Ф.Барт определяет социальные формы как обобщенный паттерн социального пове-

дения или паттерн распределения ресурсов и времени, продуцируемый процессом социальной жизни, когда экологическое, техническое и стратегическое давление (или ограничение) канализирует, защищает и поощряет деятельность индивидов и их объединений. Таким образом, социальная форма – это паттерн распределения поведения различными индивидами в различных ситуациях, являющийся результатом комбинации множества процессов.

Так как деятельность людей имеет целенаправленный характер, то и социальное изменение возникает в результате изменения поведения людей при формулировании новых целей, т.е. имеет внутреннее происхождение и принимает форму самотрансформации. Новые формы распределения ресурсов и времени представляют собой конкретные события, которые могут генерировать существенные изменения. Присутствие других агентов, в том числе и интерпренеров, также вызывает инновации и побуждает конструировать новые стратегии.

В этой связи решающее значение для Ф.Барта имеет дефиниция ситуации (Э.Гоффман), которая описывает, как агенты трансформируют различные культурные факторы в ограничения, управляющие процессом взаимодействия и образующие определенные паттерны социальной организации. В этом случае референтными являются такие категории как стратегия, управление ресурсами, территориальное поведение, выбор, возможность, контроль. Поэтому внимание фокусируется не на обществах как абстрактных сущностях, а на способах конституирования социальной организации, а также на формах различения социальных ситуаций и манипулирования ими. Таким образом, общества различаются, прежде всего, формой организации социального взаимодействия. Именно в такой парадигме обнаруживаются корреляты микроуровня отдельного социального взаимодействия и существенных морфологических характеристик макро-уровня социетальных форм.

Измерение социальной организации в терминах взаимодействия обнаруживает структуры, с одной стороны, устанавливающие границы для внутренней социальной деятельности, а с другой – обеспечивающие сохра-

нение внешних границ, и позволяет определить характер границ («прерывностей»), которые разграничивают включающие и инкапсулированные системы в терминах социальных процессов, сохраняющих и изменяющих институциональные макросистемы. Локальные общности объединяются в сложное глобальное плюральное общество, в котором не существует оснований для выделения изолированных объединений или дихотомизации современных и традиционных институциональных комплексов: социальная жизнь в каждом конкретном месте включает в себе элементы очень разного происхождения, базирующиеся на различных санкциях.

В целом данный «гуманистический» (или *emic*) подход к изучению саамского общества обнаруживает фундаментальный разрыв с традиционным взглядом на социальные структуры. Так, например, рассматривая социальные и культурные формы как обобщенный результат индивидуального принятия решений, К.Однер в качестве определяющего начала социальной жизни саамов Варангер-фьорда называет индивидуализм и автономию домохозяйства. По мнению норвежского исследователя, концепт территориальности северных саамов, в соответствии с которым *siida* имела общее поселение (зимнее или летнее) и коллективно осваивала определенную территорию, не является «метафорой национальных территорий», а обуславливается рациональным поведением и традиционной практикой использования ресурсов. Поэтому некоторые уголья соседних *siida*, например, нейденских и пазрецких саамов, традиционно эксплуатировавшиеся саамами Варангер-фьорда, могли рассматриваться как территория Варангер-*siida*. Следует также обратить внимание на то, что саамы не концептуализировали процесс «дезинтеграции» *siida* (Г.Гьессинг), объективно способствовавший расширению пространства для деятельности домохозяйств, а также возможностей для проявления личностных качеств, в негативных терминах.

Эмпирические данные свидетельствуют, что различные социальные формы в саамском обществе практиковались одновременно, воплощая различные типы социальной логики или рациональности на разных уровнях и в разных общинах. Несколько типов социальной рациональности существовали бок о бок, также как и разнообразие форм жизнеобеспечения (олене-

водство, морское и озерное рыболовство, охота, сельское хозяйство) было характерным явлением в саамской среде. При этом саамы демонстрируют имеющую очень глубокие корни способность действовать альтернативно в различных культурных и социальных контекстах, например в «русском» («норвежском», «финском») и «саамском» обществах, языческой и христианской среде, профанной и сакральной сферах, мобилизуя при этом различные идентичности и реализуя различные степени индивидуализма и коллективизма.

Наука Санкт-Петербурга и Северных стран: интеграция на рубеже веков

Демократизация российского общества привела к ликвидации многих барьеров, мешавших международным контактам отечественных ученых. Таким образом, они получили возможность не только обмениваться научной информацией, но и активно проводить совместные исследования. Нам представляется, что изучение научного взаимодействия ученых Северных стран и прилегающих к ним регионов России имеет не только историко-культурное, но и практическое значение. Знание особенностей таких взаимосвязей позволяет увеличить эффективность проводимых исследований за счет комплексирования научного потенциала.

Среди прилегающих к Северным странам регионов России наибольшим научным потенциалом обладает Санкт-Петербург. По данным БД Science Citation Index (SCI), используемой сегодня для оценки вклада стран и регионов в развитие мировой науки, вклад Санкт-Петербурга в 1999 г. составил 3777 публикаций, отраженных в SCI, что оказывается вполне сравнимым с вкладом Украины (3347 отраженных в SCI работ), Австрии (6986), Польши (7728), Израиля (9241)

Международное исследовательское сотрудничество, как правило, приводит к появлению документов, авторы которых – ученые разных стран и организаций, проводивших совместные работы. Поэтому изучение соавторства легло в основу исследования международной научной кооперации.

Изучение сведений о месте работы авторов (соавторов) публикаций позволяет охарактеризовать уровень межрегиональной кооперации, степень интеграции научных сообществ разных регионов. Нам представляется, что указанным образом мы можем охарактеризовать и уровень научных исследований, как в Санкт-Петербурге, так и в Северных странах. Ведь, чем выше уровень исследований в той или иной области науки, тем больше будет желания у партнеров вести совместную исследовательскую работу.

Изучение международного научного сотрудничества на основе соавторства стало возможным после появления БД SCI, в которой в каждой библиографической записи приводится наименование организации-места работы авторов публикаций. В БД SCI сканируются статьи из небольшого числа лучших научных журналов мира. Поэтому принято считать, что попадание публикаций в БД SCI свидетельствует о высоком научном цензе, как самой статьи, так и о высоком научном уровне ее авторов.

Проведенный анализ международного научного сотрудничества Санкт-Петербурга и Северных стран показал, что уровень кооперации в области научного сотрудничества Санкт-Петербурга и Северных стран значительно возрос. Это касается как всего региона в целом, так и каждой из Северных стран в отдельности. В приведенной ниже таблице указано количество совместных публикаций в динамике.

Страна	Количество соавторских публикаций по годам			
	1995	1996	1999	1996/1999
Дания	12	15	33	220%
Норвегия	16	24	35	150%
Швеция	63	46	69	150%
Финляндия	62	59	71	120%

Отраслевой анализ совместных публикаций позволяет получить более точную картину научного сотрудничества и изменений, происходящих в нем в последние годы. Данные, характеризующие изменение картины соавторства в разных областях науки приведены ниже:

Области науки		Количество соавторских публикаций по областям наук			
		Дания	Норвегия	Швеция	Финляндия
Математика	1995-1996			10	9
	1999			1	
Астрономия	1995-1996	2			4
	1999				4
Физика	1995-1996	13(12) ³⁰³	20	69(56)	64(34)
	1999	15	16 (15)	44 (39)	30 (24)
Химия	1995-1996	1	6	6	9
	1999	4			11

Науки о земле	1995-1996	4	12	7	10
	1999	5	13	3	6
Биология	1995-1996	5 (3)	2 (1)	13 (11)	18 (16)
	1999	9	4	11	11
Техника	1995-1996			1	2
	1999	1	1	6	2
Медицина	1995-1996	2(1)	1	3(2)	5(4)
	1999		1	4	5

Наиболее высокий уровень сотрудничества наблюдается в области физики. Это, по-видимому, связано с тем, что Санкт-Петербург является одним из крупнейших мировых исследовательских центров в области физической науки. В общем потоке публикаций Санкт-петербургских авторов за 1999 г. по естественным и техническим наукам (отраженном в SCI) публикации по различным направлениям физики составляют более 60%. При этом доля физических работ от общего числа совместных публикаций ученых Санкт-Петербурга и Северных стран составляет более 50%. Наиболее интенсивны связи физиков Санкт-Петербурга с учеными из Швеции и Финляндии. Однако за последние 5 лет количество совместных публикаций по физике увеличилось для всех стран. Наибольшее количество совместных работ относится к физике твердого тела (10); ядерной физике (7); физике атома и молекул (5); оптике (3). Заметное число работ в области физики выполнено при одновременном участии в исследовании ученых из Санкт-Петербурга и нескольких Северных стран. Например, Норвегии и Швеции (6); Швеции и Финляндии (6), Финляндии и Дании (1).

Заметными представляются также научные связи биологов Санкт-Петербурга и Северных стран. В 1999 г. ими была совместно опубликована 31 работа. При этом наблюдается значительный рост совместных исследований во всех странах. При том, что число Санкт-петербургских публикаций по биологии от общего числа опубликованных работ составляет около 12%, количество совместных работ по биологии составляет 17% от всего массива выявленных совместных публикаций. Особенно заметно увеличение интенсивности сотрудничества биологов Санкт-Петербурга с учеными Дании и Швеции. Круг биологических дисциплин, изучаемых совместно, достаточно широк. Наибольшее число совместных публикаций в 1999 г. выполнено

в области физиологии (8), ботаники (4), экологии (3), а также биофизики, генетики, биохимии, зоологии, микробиологии и др. Характерным для экологических исследований является участие в конкретных исследованиях одновременно представителей всех Северных стран. Нужно также особо отметить 5 совместных публикаций в области гидробиологии, что связано с наличием совместного водного пространства. Исследования в этой области ведутся Санкт-Петербургскими учеными со всеми Северными странами.

В области химических наук, доля которых в Санкт-Петербургских исследованиях составляет около 20%, сотрудничество осуществляется лишь Финляндией и Данией. При этом можно отметить значительное усиление интенсивности исследований с этими странами. Всего по химии опубликовано 15 совместных работ, что составляет 8% от общего числа совместных публикаций. Таким образом, химические исследования с Северными странами ведутся недостаточно интенсивно. В основном это работы по физической химии (8) и химии высокомолекулярных соединений (5).

Несмотря на то, что в Санкт-Петербурге лишь незначительная доля исследовательских работ (3,7%) посвящена наукам о Земле, в общем массиве совместных публикаций Санкт-Петербургских ученых и ученых Северных стран им принадлежит 12% работ. Причем, интенсивность совместных исследований по сравнению с 1996 годом увеличилась для всех Северных стран. Наибольшее число совместных работ выполнено в области геологии (12). Причем, в основном это совместные публикации с учеными Норвегии (9). Велико здесь и число работ с участием ученых других северных регионов России (Карелия, Республика Коми и др.). Имеются также совместные работы в области геофизики, географии и океанологии.

Значительно увеличилось за последние 5 лет и количество совместных публикаций в области технических наук. Наиболее интенсивно сотрудничество в этой области осуществляется со Швецией (6 публикаций). В основном это сотрудничество в таких областях технических наук как электроника, телемеханика, энергетика, металлургия.

В структуре научных исследований Санкт-Петербургских ученых исследования в медицине занимают только 4%. Соответственно, и в общем мас-

сиве выявленных совместных публикаций их доля составляет 2%. Медицинские исследования ведутся совместно с Норвегией, Швецией и Финляндией.

Совместные исследования с Северными странами осуществляются во всех секторах Санкт-Петербургской науки. В основном это публикации, выполненные совместно с ведущими организациями Российской академии наук (Физико-технический институт им. А.Ф.Иоффе; Петербургский институт ядерной физики им. Б.П.Константинова; Петербургское отделение Математического института им. В.А.Стеклова; Институт высокомолекулярных соединений). Среди вузов можно выделить Санкт-Петербургский государственный университет. Прикладные НИИ представлены Радиологическим институтом им. В.Г.Хлопина и Государственным научным центром «ГОИ».

Таким образом, можно говорить о том, что современная Санкт-Петербургская наука и наука Северных стран активно интегрируются, уделяя при этом внимание, с одной стороны, областям науки, наиболее развитым в Санкт-Петербурге (физика), а с другой - наиболее интенсивно развивающимся сегодня в мире областям науки (экология, биомедицина).

Для более точного и подробного изучения интеграции науки Санкт-Петербурга и Северных стран требуется осуществление мониторинга количества соавторских публикаций на уровне не только областей науки, но и на уровне отдельных научных дисциплин и исследовательских направлений.

«Балтийский регион»: попытка идентификации

В свете нынешних перспектив развития российского регионоведения представляется чрезвычайно важным уточнить дефиницию понятия «регион» и его трактовку с точки зрения современных международных отношений. Необходимо отметить, что термин «регион» проник в русский язык сравнительно давно, в конце XIX века. Так, в словаре иностранных слов И.Ф. Брудона и А.Д. Михельсона регион определяется как «страна, область, пространство воздуха».³⁰⁴ В дальнейшем это понятие перешло как бы в «резервный фонд» общественных наук. Его второе рождение связано с развитием интереса к территориальным проблемам в рамках географии и экономики. В 1960-е - 1970-е годы под влиянием идей У. Изарда в СССР появилась так называемая «региональная наука», связанная с именем такого видного экономиста, как академик Н.Н. Некрасов. Развитие общественных наук привело к возникновению целой системы понятий регионального плана. Большой юридический словарь 1998 г. издания определяет регион следующим образом: регион (от французского *region*) - это: 1) во Франции самая крупная административно-территориальная единица; 2) в Бельгии с 1993 года один из двух типов субъектов федерации.³⁰⁵ Такой «внешний» характер термина «регион» в еще большей степени утверждается в Большом толковом словаре иностранных слов: регион - это область, район, часть страны, мира, определяемая некоторой общностью - экономической, географической, культурной, национальной, политической (Тихоокеанский регион, Дальневосточный регион и т.д.).³⁰⁶ В этом определении обращает на себя внимание то обстоятельство, что понятие региона отнесено как к частям одного государства, так и к совокупности государств.

В современной географии и региональной экономике термин «регион» употребляется довольно многозначно, а именно: 1) как синоним термина «район»; 2) для обозначения сопоставляемых таксонов, принадле-

жащих к различным системам таксонирования или к различным порядкам одной и той же системы таксонирования; 3) для обозначения любых территорий, по своим признакам не «подходящих» к принятой системе территориального членения и не позволяющих обозначить их другими терминами.³⁰⁷ Очевидно, что при изучении системы международных отношений для нас важнейшим и наиболее приемлемым является последний (третий) подход.

Таким образом, в системе международных отношений «регион» - это геотория (территория, акватория или совокупность последних), отвечающая следующим признакам: 1) наличие внутренней целостности, единства или генетической взаимосвязи между ее частями; 2) наличие признаков, отсутствующих в других целостностях; 3) специфическая роль в структуре международных отношений и признание этой роли всеми (или почти всеми) основными участниками внешнеполитического процесса. Сегодня регион - это фактически признанный элемент системы международных отношений, которая складывается в крупных политико-географических зонах. Географические границы региона, как правило, не являются константой, они носят сугубо подчиненный характер. В результате свойства и контуры региона могут меняться в зависимости от динамики этих отношений или под влиянием иных факторов - к примеру, столкновения интересов нескольких стран. Внутри региона выделяются субрегионы - локальные группы государств с более тесными взаимоотношениями, имеющими свою специфику по отношению ко всему региону в целом. Для того чтобы совокупность государств, представляющая собой некую общность, стала «регионом» с точки зрения международных отношений, необходимо наличие всех или хотя бы части следующих признаков: 1) общность исторических судеб; 2) наличие свойственных только этой группе особенностей материальной и духовной культуры; 3) географическое единство территории; 4) сходный тип экономики; 5) совместная работа в региональных международных организациях. Именно такое понимание региона становится в последние годы все более употребимым.³⁰⁸

Можно заключить, что регион в системе международных отношений

становится важнейшей частью политико-территориальной организации общества, которая определяется, к примеру, В.С. Ягъей как совокупность территориальной дифференциации политических явлений и управления территориальной структурой политики.³⁰⁹ На сегодняшний день регион – это признанный элемент системы международных экономических отношений, являющийся компонентом более масштабной системы межгосударственного сотрудничества. Специфика современной ситуации конкретно в нашей стране заключается в том, что Россия переосмысливает свою внешнюю политику, меняя в том числе и территориальную структуру. Для большинства стран их национальные интересы сконцентрированы в рамках региона, к которому данная страна принадлежит или непосредственно примыкает. В результате внешняя политика этих стран оказывается «замкнутой» на региональном уровне. Для крупных государств (таких, как Россия), напротив, характерно наличие интересов не в одном, а в нескольких политических регионах. Совершенно очевидно, что одним из таких регионов является Прибалтийский.

Необходимо, однако, осветить вопрос о том, что принято подразумевать под «Прибалтийским регионом». Балтийское море («Варяжское море» у древних славян, «mare Balticum» на поздней латыни), как известно, омывает берега девяти государств: Дании, Швеции, Финляндии, России, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Германии. Таким образом, с географической точки зрения все указанные государства можно считать «прибалтийскими». Но исторически это сообщество государств и народов принято называть «Балтикой», а внутри него выделять такие географические группы, как «Прибалтика» и «Скандинавия». Имея в виду Эстонию, Латвию и Литву, англичане и американцы обычно использовали такие термины, как «the Baltic» (Прибалтика),³¹⁰ «the Baltic states» (прибалтийские государства),³¹¹ «the Baltic republics» (прибалтийские республики), «the Baltic countries» (прибалтийские страны) или «the Baltic region» (Прибалтийский регион). Когда же речь шла обо всех странах побережья, употребляли термин «the Balticum»,³¹² что переводится как «Балтика» или «Балтикум».

Тем не менее, некоторые авторы вносили разночтения в указанный порядок: к примеру, в книге английского историка Э. Полсона-Ньюмэна «Британия и Балтика», изданной в Лондоне в 1930 году,³¹³ под термином «the Baltic» понимается не Прибалтика как таковая, а вся совокупность прибрежных стран, то есть Балтика - Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва (на некоторых страницах автор присоединяет сюда также Швецию, Данию, Германию, а иногда и Норвегию, не омывающуюся непосредственно водами Балтийского моря). В начале XX века на Балтику имели выход лишь четыре государства - Россия, Германия, Швеция и Дания. Они заключали между собой различные соглашения по «балтийскому вопросу», где именовали прибалтийские территории «странами Балтийского моря».³¹⁴ Сами же Российская и Германская империи, а также Шведское и Датское королевства в текстах межгосударственных договоров того времени обозначались как «прибрежные государства Балтики».³¹⁵

На протяжении многих десятилетий имела место вопиющая разногласия по вопросу о том, какие страны входят в группу «прибалтийских» (относящихся к Восточной Европе), а какие - в группу «скандинавских» (относящихся к Северной Европе). Под «прибалтийскими» странами обычно подразумевали лишь Эстонию, Латвию и Литву, а под «скандинавскими» - Норвегию, Швецию и Данию, но непонятно было, к какой группе отнести Финляндию и Польшу, географически близких к Прибалтике и входивших в состав многонациональной Российской империи, но в советское время не являвшихся частью СССР. У историков, географов и политиков возникали разногласия по поводу того, является ли Литва таким же полноправным членом «прибалтийского сообщества», как Эстония и Латвия, или она больше тяготеет к Центральной Европе, можно ли называть Польшу «прибалтийским» государством, а также является ли Финляндия частью Прибалтики или ее следует отнести к Скандинавии.

Знаменитый британский политик Уинстон Черчилль называл «Прибалтийским регионом» только Эстонию, Латвию и Литву, говоря: «Финляндия и три прибалтийских государства».³¹⁶ Бывший премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд-Джордж соглашался с ним, полагая, что Прибал-

тика - это только три страны, в его выступлениях звучало: «прибалтийские государства, Финляндия и Польша».³¹⁷ Британская печать после окончания Первой мировой войны тоже писала о «прибалтийских провинциях, Польше и Финляндии»,³¹⁸ такая терминология сохранялась и в 30-е годы.³¹⁹ Однако ряд английских авторов первой половины XX века называли Финляндию частью Прибалтийского региона.³²⁰ Так же считали и многие советские авторы 20-х годов и даже 80-х годов.³²¹ Иногда частью Прибалтики называли и Польшу.³²²

В начале 20-х годов в Москве в Народном комиссариате иностранных дел имелся «отдел Прибалтики и Польши», из чего явствует, что официально Польша не включалась в состав Прибалтийского региона.³²³ При этом термин «балтийские государства» (Польша, Финляндия, Швеция) часто употреблялся в том же значении, что и «прибалтийские», обозначая Эстонию, Латвию и Литву.³²⁴ В ряде случаев Прибалтику характеризовали даже не как совокупность стран, а как отдельную «страну»³²⁵ (некоторые западные журналисты используют подобный термин и по сей день, хотя непонятно, как можно называть единой «страной» три разных государства, население которых говорит на разных языках). В основном в документах ЦК ВКП(б) межвоенного периода под «Прибалтикой» подразумевались лишь Эстония, Латвия и Литва: подобные документы подписывались всеми членами ЦК, включая И.В.Сталина.³²⁶ В новейшей российской исторической литературе и Польша, и Финляндия также не включаются в понятие Прибалтики.³²⁷ В советской литературе 70-х - 80-х годов в основном действовал тот же принцип.³²⁸ Как писал историк Я.Г. Райд в 1978 году, «под Прибалтикой, как правило, подразумевается территория Эстонии и Латвии, основу которой составляли бывшие губернии царской России - Эстляндия, Лифляндия и Курляндия»³²⁹ (это, кстати, пример исключения Литвы из числа прибалтийских стран).

Идентичность и система расселения на севере Европы: антропологический анализ корреляции

Идентичность, в частности, идентичность этническая или этничность довольно трудно поддается измерению. Технологии и процедуры исследования этнических и социокультурных идентификационных параметров групп населения, используемые в социологии, даже при тщательно сформированных выборках и выверенных методиках не в состоянии выявить глубинные установки, механизмы взаимной дифференциации этнических групп, установления и поддержания этнической границы или, напротив, стремление к выработке комплиментарных форм сосуществования. Одним из основных недостатков современных подходов к исследованию этничности, как представляется, является доминирование такого параметра как индивидуальная этническая самоидентификация. В рамках односторонне или тенденциозно понимаемой теории этничности индивидуальная и групповая идентичности соотносятся, как правило, с набором примордиальных этнических признаков: единым языком, представлением об общем происхождении, общностью культуры, этнической территорией, общей историей, которые, на наш взгляд, представляют собою идеал-типическую идентификационную конструкцию, не учитывающих качественных характеристик среды обитания изучаемых групп населения. Оппозиция «мы» – «они», априори удостоверяющая наличие особой этничности, этнической границы является основной так же и в рамках конструктивистского подхода. Однако, и в одном и в другом случаях этничность выступает как инструмент борьбы за ресурсы, в частности, ресурсы власти, что с неизбежностью превращает этничность в политический фактор, ведущий к межэтническому противостоянию. Именно по этой причине категория «этничность» стала доминирующей в современных политических исследованиях и массовых опросах общественного мнения. Как заметил немецкий социолог Ф.Хекманн, современные исследования этничности ставят больше вопросов, чем дают отве-

тов о сущности и основных тенденциях развития современных этносоциальных процессов. Это, в свою очередь, ставит под сомнение существующие подходы к исследованию этнической идентичности, этничности и требует поиска новых источников, повышающих достоверность этносоциальной информации.

Проблема верификации идентификационных параметров на индивидуальном и групповом уровнях является особенно актуальной при изучении населения полиэтнических социальных образований. Частично она снимается синхронным комбинированием статистико-социологических, анкетных, и качественных методов исследования. Между тем, только синхронные исследования не позволяют выявлять глубинные механизмы, принципы, установки межэтнического и межкультурного сосуществования, сформировавшиеся в полиэтнических, мультикультуральных регионах исторически. В связи с этим использование исторических данных о характере межэтнических контактов, качественных характеристиках сложных полиэтнических сред, формах локальной самоорганизации и самоуправления, этнографических особенностях экономической активности населения, миграционных процессах, бюджетах времени отдельных хозяйств и локальных поселенческих общностей, системах расселения представляется важным и многообещающим. Основная трудность использования исторической информации для анализа преобладающих тенденций этносоциального и культурного развития населения полиэтнического региона состоит в поиске адекватных методик отбора и анализа материалов, их верификации синхронными данными. Избирательное, тенденциозное использование исторических сведений ведет не только к зеркальной мифологизации прошлого, но также к искусственному конструированию политической проблемы. Примером этого являлась, в частности, так называемая «ингерманландская проблема». Трактовка современной территории Ленинградской области как этнической родины ингерманландских финнов, в чем с научной точки зрения нет сомнений, без учета исторической правды о том, что это одновременно и этническая территория ижоры, води, русских и других этнических групп нашла свое отражение, в частности, в граффити на стенах домов, в вагонах

метро, в которых доминирующим являлось написанное латиницей слово «ингрия», возбуждавшее общественное мнение. Или, например, сведения о крупных анклавах финского населения, компактности размещения ижоры, русских в Ленинградской области в 1920-е гг., интерпретируемые с точки зрения примордиальной теории этничности могут создавать иллюзию жесткости этнической границы, ее непроницаемости и, как следствие, резкой обособленности этнических групп друг от друга.

Между тем, подробный анализ разнообразных источников, содержащих сведения о пространственной локализации этнических групп области, дает совершенно иную, несравненно более сложную конфигурацию этнической границы, сопряженную с интенсивной межэтнической коммуникацией. В этой связи важно подчеркнуть, что концепции этничности при анализе этнических и этносоциальных процессов в полиэтнических регионах имеют границы своего использования. Задача концепции этничности является завершенной фактом констатации этнической границы, достижения группой определенного «статус кво» и ее дальнейшего существования как субъекта права.

Принципиально новые подходы к исследованию широкого спектра проблем социальной, культурной, политической и этнической жизни национальных групп населения позволяет предложить методология мультикультурализма. Ее сущность состоит в поисках неконфликтных форм сосуществования этнических групп, в реализации принципа недискриминации, использовании государства как действующего актора, с его правовой, политической системами, возможностями публичного обсуждения возникающих проблем и конфликтных ситуаций для выработки оптимальных решений и мультикультуральных политик, отражающих интересы конкретных этнокультурных сред на локальном, региональном и национальном уровнях. Важным является также то обстоятельство, что методология мультикультурализма предполагает детальное знание не только современного состояния этнических и культурных групп населения, но их историю, специфические установки, стратегии взаимоотношений с другими аналогичными образованиями, которые определялись не только соображениями этнично-

сти, но, скорее, иными факторами социального, экономического, культурного порядка, что действительно позволяет рассматривать этничность как социальный феномен, сопряженный, по мнению Ф.Барта, с определенными формами культурной жизни. С этой точки зрения северозападный регион в целом и, в частности, территорию Ленинградской области по характеру территориального размещения многонационального населения, сложности этнических сред первичных территориальных общностей следует рассматривать как весьма удачный пример мультикультурального сосуществования различных культур и этнических групп, нашедший отражение в системе расселения.

В социологии под системами расселения понимается не только совокупность населенных пунктов, локализованных на определенной территории, но также социальная инфраструктура их характеризующая, в частности этнический состав населения, сложные или простые этнические среды жизнедеятельности социальных групп. Для анализа особенностей территориальной локализации различных национальных групп населения на территории Ленинградской области нами использованы материалы переписей 1920 и 1926 гг., архивные материалы северозападного областного Земельного управления, содержащие данные об экономическом состоянии крестьянских хозяйств, о разверстаниях, переделах и отводах земель, о выходе крестьян на отруб и хутора, статистические данные и ежегодные отчеты РИКов, содержащие сведения об этническом составе населения отдельных населенных пунктов, волостей и районов, что позволило компенсировать некоторые пробелы, имеющиеся в официальных переписях, опубликованные статистические данные и социально-экономические обзоры сотрудников Ленинградского губернского отдела статистики, этнографические материалы. Анализ информации об особенностях размещения населения области осуществлен на уровне отдельных поселений, волостей, районов, уездов области. В целом по материалам 1920 г. проанализированы данные по 1756 населенным пунктам, по материалам 1926 – начала 1930-х гг. по 636 населенным пунктам, в которых проживало 86232 человека. Изучены особенности межэтнического взаимодействия, этноконтактное поведение ше-

сти наиболее крупных этнических групп населения: русских, финнов, эстонцев, ижоры, води и немцев. При этом они дифференцированы нами как коренное население: русские, финны, водь, ижора и мигранты: эстонцы и немцы.

Разработка указанных материалов осуществлялась на основе гипотезы о том, что высокая интенсивность этнической идентичности в зонах чересполосного расселения будет способствовать установлению этнической границы как на уровне этнической группы в целом, так и на уровне отдельных поселений. Прделанная работа позволила установить, что русская этническая среда являлась наиболее открытой для включения инонационального населения. Например, из 265 тыс. русского населения Гдовского, Детскосельского, Петергофского и Петроградского уездов совместно с другими национальностями расселялось 136 тыс. человек или 51,2%.

Для финского населения была характерна большая, чем для русских концентрация по однонациональным поселениям. Так, в Детскосельском уезде в этнически однородных деревнях проживало 49% финнов, в преимущественно финских поселениях со сложной этнической средой было сосредоточено 38% финского населения. Низкая миграционная подвижность финнов стала причиной того, что только 3% из них расселялись в инонациональных поселках.

Подобная тенденция находит подтверждение и в Петергофском уезде. Здесь 34% финского населения проживало в однонациональных поселениях, а в сложных этнических средах, по преимуществу финско-русско-эстонских – 44%.

В иноэтнических средах, совместно с другими национальностями финны проживали в 129 населенных пунктах, причем в 91 они были в этническом меньшинстве. Наибольшая поселенческая концентрация финнов имела место в Петроградском уезде. Здесь 27% из них размещались в однонациональных поселениях, а 68% в преимущественно финских поселках. Особенность этноконтактной ситуации в этом уезде состоит в том, что из 1,5 тыс. русских, проживавших совместно с финнами значительная часть была ассимилирована в языковом и культурном отношениях. Подобный ха-

рактик территориального размещения финнов свидетельствует о высокой интенсивности этнической идентичности, которая поддерживалась их конфессиональной принадлежностью, формами экономической деятельности, высоким процентом грамотного населения и высокой социальной значимостью образования. Последнее являлось одним из важных условий внедрения в хозяйственную деятельность прогрессивных животноводческих и агротехнических методов, повышавших продуктивность индивидуального хозяйства.

Аналогичные культурные установки и формы хозяйствования были характерны для эстонцев. Будучи мигрантами на территории области они обнаруживали два основных типа расселения: концентрацию в однонациональных поселениях и широкую дисперсию в иноэтнических средах. В целом по области 46,3% эстонцев проживало в этнически гомогенных или преимущественно эстонских этнических средах, тогда как 53,7% расселились в инонациональном окружении. Например, в Детскоскльском уезде в русско-эстонских поселениях проживало 42% эстонцев, в финско-эстонских средах – 14% , в смешанных, сложных русско-финско-эстонских – 44% от общей численности эстонцев избравших дисперсный тип расселения.

С развитием хуторского движения в 1920 –е гг. существенно повысилась миграционная подвижность населения, сопряженная с выходом на хутора. Изменение системы расселения в ситуации свободного выбора партнеров по среде обитания является наиболее показательной в плане значимости этнических параметров на индивидуальном уровне. Анализ данных позволяет констатировать, что поселения хуторского типа в 3-5 и более хозяйств в этническом отношении также были неоднородными. Особенно заметной этническая неоднородность новых поселений наблюдалась в тех случаях, когда они основывались выходцами из сложных этнических сред прежнего места жительства. В известном смысле этим подтверждается положение о том, что на локальном уровне, в границах первичных территориальных общностей этническая принадлежность, этничность как таковая не является социально значимой. Этническая граница в зонах исторически продолжительного контакта существенно отличающихся друг от друга эт-

нических групп является весьма подвижной и проницаемой для культурных и социальных коммуникаций.

Финны в Петербурге

У финнов и финских традиций на берегах Невы более глубокие корни, чем у города Петербурга. До основания города Петербурга торговым центром территории был расположенный в устье реки Охты город Ниен, который защищала крепость Ниеншанц. В XVII веке в устье Невы пришли тысячи переселенцев из Финляндии. В начале Северной войны войска Петра I захватили Ниеншанц, и началось строительство нового города. Его строили финские и шведские военнопленные и русские крепостные. Город расширялся, постепенно в его пределы вошли ингерманландские и ижорские деревни. Поражение шведского короля Карла XII под Полтавой в 1709 г. и морские победы России запечатлели Петербург, а вместе с ним и судьбу Швеции. На стене церкви Святого Пантелеймона, построенной в честь морских побед у мыса Гангут (Ханко) и при Гренгаме (Ледсунд), находится памятная доска сражений. Финляндия осталась в сфере интересов Петербурга.

Еще до того, как Финляндия стала Великим Княжеством, область влияния Петербурга распространилась на северо-запад, прежде всего после перемещения границы по Абоскому мирному договору в 1743 г. к Кюмийоки. Торговля с Петербургом начала расти, а связи упрочняться. Первым из шведско-финских переселенцев следует назвать похороненного на немецком кладбище Васильевского острова Ирё Мауну Спренгтпортена и Кустаа Маури Армфелта. Оба занимали ответственные посты при создании правительства Великого Княжества Финляндского.

В 1809 г. на парламентскую сессию в Борго в составе национальных групп прибыла и финляндская группа. Великое Княжество являло собой обособленный от России организм, в котором в конце XIX века были своё законодательство, свой парламент и деньги, установленная граница автономии и таможня, а также своя армия и почтовое управление. В конце 19 в. началось ограничение этих прав, что пробудило протест со стороны фин-

нов. В условиях, когда Финляндия обладала зачатком государственности, развивался в течение ста лет процесс обретения ею независимости.

Завершение строительства Сайменского канала в 1856 г. и строительство железной дороги Риихимяки-Петербург в 1870 г. крепче соединили Финляндию с имперским городом. В 1880-е годы Петербург являлся, образно говоря, вторым по величине «финским» городом, поскольку только в Хельсинки финнов было больше. По мнению исследователя Макса Энгмана, в городе в то время проживало более 24000 финнов, и только в Хельсинки их насчитывалось больше. Финские центры в Петербурге находились в окрестностях Финляндского железнодорожного вокзала и в районе расположения церкви Святой Марии на Большой Конюшенной улице. Статс-секретариат находился на Екатерингофском проспекте в доме 39. Многие из финнов Петербурга были таковыми лишь по национальности.

Список финнов Петербурга и петербуржцев, имевших контакты с Финляндией, длинный и впечатляющий. Первыми русскими дипломатами, сделавшими карьеру в конце XVIII века, были сыновья настоятеля Выборгского собора Максимилиан и Давид Алопеусы. Военные и политические петербургские связи существовали у президента Финляндии Карла Густава Эмиля Маннергейма, премьер-министра Антти Хакцеля, у министра иностранных дел Карла Энкеля и военного министра Рудолфа Вальдена. Влияние Петербурга распространялось далеко на независимую Финляндию. Все вышеупомянутые «петербуржцы» занимали видное положение во время мирных переговоров 1944 г., включая стипендиата русского языка из Новгорода, финляндского президента Юхо Кусти Паасикиви. Естественно, когда проходили мирные переговоры в Москве, по существу не требовался переводчик. Заметим также, что посол Советского Союза в Стокгольме Александра Коллонтай была внучкой финского лесоторговца Александра Масалина.

Многие военные сделали великолепную карьеру в российской армии. Примерно 400 из них стали в ней генералами или адмиралами. К.Г.Маннергейм был ее генерал-лейтенантом, а К.Энкель и Р.Вальден являлись офицерами Измайловского полка. В свиту Николая II на коронации входил фин-

ляндец адмирал Оскар фон Крэммер, уроженец местечка Хаухо. Воспитанник Кадетского корпуса, располагавшегося в Хамина, Александр Редигер являлся военным министром России в 1905-1909 гг. Кристиан Авеллан из Ловиисы руководил работой морского министерства во время русско-японской войны, хотя и не занимал пост министра. Последний военный комендант Кронштадта адмирал Вирен был родом из деревни Хаухуу местечка Виррат. Основателем артиллерии, как вида вооруженных сил независимой Финляндии являлся генерал Вилхо-Петтер Ненонен, закончивший в Петербурге Михайловское артиллерийское училище и Академию Генерального штаба. Такие известные лица, как Рэмси, Аминофф, Эрнруут, Штандершельд и фон Эттер были тесно связаны с финско-русской военной историей. У владевшего финским языком генералиссимуса Александра Суворова, по сведениям некоторых исследователей, тоже есть финские корни в его родословной.

Офицер Измайловского полка Рудольф Вальден работал агентом по продаже бумаги в дореволюционном Петербурге и основал предприятие Юхтюнеет Паперитехтаат. Его сын, последний собственник предприятия Валкеакоски, Юусо Вальден, родился в Петербурге и провел там школьные годы. Многие финские предприятия начали действовать в Петербурге ещё до революции. В их числе были акционерное общество Кюммене, поставлявшее молочные продукты Валио, производившая соки фирма Цимос, кожевенное предприятие Братья Острём и объединившее несколько камнедобывающих предприятий акционерное общество Гранит из Ханко. Основанное майором фон Гаартманом Финляндское речное пароходство, имевшее почти 100 судов, занимало ведущее положение в перевозках по Неве в конце XIX века. Предприятие ВЕГА инженера Роберта Рунеберга, сына финского национального поэта Йохана Рунеберга, занималось в Петербурге различного рода производством - от добычи камня до изделий типа соломенной подстилки. У механической и литейной мастерской Парвиаинена, поставлявшей боеприпасы, имелось по крайней мере три завода в Петербурге, куда в 1880 г. перевела своё производство из Хельсинки обойная фабрика Риекс. В этом же десятилетии Карл Фазер вопреки желанию своего

отца учился в Петербурге кондитерскому делу. У хлопчатобумажной фабрики Финлайсон, пивного завода Кофф, электрофирмы Штрэмберга, акционерного общества Конне & Силтаракеннус имелись свои контакты с дореволюционным Петербургом, где в устье реки Охты док Крайтон (из Турку) строил суда для российского флота.

Окрестности Финляндского железнодорожного вокзала принадлежали Финляндии, и железная дорога приносила Великому Княжеству доход. В окрестностях вокзала находилось множество финских магазинов и центров обслуживания, а также таможня и арендуемые квартиры для железнодорожников. Десятая часть жителей района были финны.

Финских ювелиров в Петербурге находилось больше, чем во всей Финляндии. Наставником Карла Фаберже был Хискиас Пёнтинен из Ристи-ина. Мастером фирмы Фаберже являлся поставивший свою подпись на многих императорских пасхальных яйцах Хенрик Вигстрём. Мастерская Фаберже и далее заполнялась финскими мастерами. Работавший на Большой Морской улице и на Невском проспекте Александр Тилландер был поставщиком императорского двора.

Из трубочистов Петербурга каждый третий был финном. В большинстве своем финны были известны как трудолюбивые и честные работники, хотя и проявляли склонность к употреблению спиртных напитков.

Столы петербуржцев были заполнены финской провизией, поскольку крестьяне с Карельского перешейка и более отдаленных районов Финляндии приезжали продавать продукты, дрова и рыбу, торгуя на площадях города и доставляя свои товары прямо домой его жителям. Заметно вспыльчивые по своему характеру финские служанки были популярны в качестве прислуги, поскольку отличались своей честностью и аккуратностью. По этим же причинам финны считались хорошими заводскими рабочими. До сих пор финны считаются в России честным, трудолюбивым народом и такая репутация сохранилась у нынешнего поколения о финских рабочих и служащих дореволюционного времени.

Центр культурной жизни петербургских финнов находился в расположении финской церкви Святой Марии, где 2 января 1870 г. вышла в свет

первая за пределами Финляндии газета на финском языке «Пиетарин Саномат» под редакцией Йохана Аугуста Хагмана. Самыми долговечными финскими газетами оказались «Нева» и «Инкери». Петербургской церковной школой в течение 10 лет руководил отец национальной школы Финляндии Уно Сигнеус. Он преподавал и финнам, учившимся в других учебных заведениях. Возможно, именно в Петербурге Сигнеус обдумывал исходные пункты всей системы народных школ Финляндии. В начале 1900-х годов на базе школы церкви Святой Марии в Петербурге была открыта семилетняя финская общеобразовательная школа. Последний подготовительный класс нужно было оканчивать в Финляндии (обычно в Терийоки или Хельсинки), поскольку сенат Финляндии не дал разрешения на основание последнего класса. Общество трезвости «Алку», просветительское общество «Сойхту», спортивное общество «Тармо» и другие организовывали различные мероприятия (от танцевальных вечеров и спортивных соревнований до спектаклей и концертов). Двукратный олимпийский чемпион по борьбе 1912 и 1920 гг. Эмиль Вярё вступил на арену борцовых поединков, представляя петербургское железнодорожное спортивное общество «Тармо». Финны получили в городе все основные центры обслуживания на родном языке, в том числе продовольственные и книжные магазины. Им пользовались врачи, юристы, извозчики.

Среди членов Российской Академии наук находились исследователь Сибири Эрик Лаксманн из Савонлинны, считавшийся последователем Леонарда Эйлера математик Андерс Лекселл из Турку, основатель финно-угрологии Андерс Шэгрэн и генерал артиллерии Аксел Гадолин. В их числе были и исследователь Ниеншанца Андерс Гиппинг, а также живший в Хельсинки Матиас Кастрен.

Первая финская граммофонная пластинка была создана в 1901 г. Моюзесом Путро, Петербургским финским певческим обществом и Граммофонной Компанией. К тому же ею были записаны весной этого же года в Петербурге Михаилом Александровичем Голтизоном песни на финском языке. Многие знаменитые финские профессиональные музыканты, начиная с Яна Сибелиуса, выступали в Петербурге. Алму Силвентойнен-Куула

иногда представляли в газетных анонсах петербургской певицей (отец ее был в Петербурге финским ювелиром). Самой знаменитой в Петербурге финской певицей была, безусловно, примадонна Московской императорской оперы и преподаватель вокала Петербургской императорской консерватории, родившаяся в Хельсинки Алма Фострём фон Роде. Известными музыкантами являлись Хьялмар Фрей и сочинявший в Финляндии под псевдонимами Джонни Локе и Лаури Илари Эрнст Пэнгу. Пиа Равенна училась в Петербурге у Алмы Фострём. Многогранный деятель музыкального мира композитор Джорж де Годзинский родился в этом городе в 1914 г.

Шведоязычная поэтесса Эдит Сёдергран родилась в Петербурге в 1892 г. и ходила в школу Петершуле. Писатель Майю Лассила жил с 1902 по 1904 гг. недалеко от Финляндского вокзала. Теща Фёдора Достоевского была уроженкой города Турку, Марией Анной Милтопеус.

Не следует забывать Альберта Эдельфельта и Вернера Холмстрёма, академиков Петербургской Академии искусств, а также организованные на рубеже XX в. Сергеем Дягилевым Обществом «Мир искусства» выставки финского искусства в техническом училище барона Штеглица. В это же время в городе жил известный художник, иллюстратор детских сказок и рождественских открыток Рудольф Койву. Интерес к живописи проявился у него, когда он познакомился с творчеством Ивана Билибина – рисунками, выставленными в петербургских витринах. Портретами представителей шведско-финского светского общества стал интересен в Петербурге также художник Хуго Бакманссон.

Шведоязычное финское население собиралось на Малой Конюшенной улице на мероприятия своего прихода Святой Екатерины, в то время как финны предпочитали церковь Святой Марии. Долгие годы во главе церкви Святой Екатерины стоял пастор из Хельсинки Роберт Кайанус. Последним пастором церкви Святой Екатерины перед революцией был отец архитектора Элиеля Сааринена - Юхо Сааринен. С конца 1930-х и до начала 1990-х гг. в церкви, поделённой на три этажа, располагался т.н. «Дом природы». В настоящее время, благодаря действующей церкви местных

финнов, район ее расположения стал одним из центров их сосредоточения в городе.

В книге «Финский Петербург» говорится о том, что когда вечером накануне начала революции стало смеркаться, автор книги «Утро в имперском городе» Мартти Меренмаа, сидя на гранитном парапете у Троицкого моста, ведущего с Марсова поля в сторону Финляндии, и, глядя в направлении Каменноостровского проспекта на строящуюся мечеть, думал, «что именно этот мост является той связью, которая соединяет восток с западом, т.е. является связующим звеном или цепью». И мгновение спустя, взглядываясь в людскую толпу, подумал: «Может быть, уже близок тот миг, когда ни одна белая лошадь не простучит копытами по гулкому покрытию Троицкого моста. Прощай тогда ты, имперский город!». ³³⁰

Финский парламент провозгласил Финляндию независимым государством 6 декабря 1917 г. Причем для признания независимости в Петроград была отправлена финская правительственная делегация. 31 декабря 1917 г. в Смольном, в Петрограде, в бывшем Институте благородных девиц Совет народных комиссаров признал независимость Финляндии.

Однако революция перевернула новую страницу в истории Петербурга (Петрограда). Чёрное стало белым, а белое чёрным. Мстислав Валерианович Добужинский считал, что «с революцией 1917 года Петербург закончил своё существование. Он стал Ленинградом, в котором жили уже совсем другие люди, и который жили совсем другой жизнью». ³³¹

Когда к власти пришли ранее скрывавшиеся на территории Великого Княжества большевики многие старые петербургские финны вернулись в Финляндию. С другой стороны, потерпевшие в освободительной войне в Финляндии поражение красные финны весной 1918 г. переехали в Петроград. Коммунистическая партия Финляндии, образованная в 1918 г. в Москве, готовилась в Петрограде к осуществлению революции в Финляндии. Доверенное лицо Ленина Эйно Рахья, а также ключевая фигура будущего Терийокского правительства Отто Вилле Куусинен, председатель Коммунистической партии Финляндии Куллерво Маннер и Эдвард Гюллинг были ведущими финскими представителями нового Петрограда.

Одним из эпизодов в истории того времени стало покушение здесь в так называемом «Клубе Куусинена» на лидеров КПФ. Тогда недовольные своим руководством рядовые финские коммунисты хотели убить своих руководителей. Однако в момент террористического акта, тех против кого совершалось покушение, не оказалось на месте. Погибли другие люди. Тем не менее в память об этом событии осталась дата 31.8.1920 г. и восемь имён убитых финнов на могильной плите Марсова поля. На плите сохранился искажающий истину текст: убиты белофиннами.

Процесс перемен в СССР начала 1930-х гг., связанный с всё увеличивавшимися репрессиями в стране, существенно коснулся и финнов-ингерманландцев. Часто раздававшийся по ночам стук в дверь означал не только выселение в отдаленные места Советского Союза, но и впоследствии гибель. Лишь немногие вернулись из ГУЛАГа.

Пётр I в своё время отчеканил памятную монету с надписью: «Finnia – esse tridentem» («Финляндия, смотри на трезубец»). Подразумевалось, что Финляндия должна смотреть на своего государя. Основание Петербурга привело Финляндию к включению ее сферы интересов России. В интересы СССР к Финляндии сохранились и в 1930-е гг.

Тем не менее в мирном процессе после окончания войны 1941-1944 гг. значительную роль стали играть старые петербургские финны. Ранее запрещенная в Финляндии компартия тогда также была легализована. В отношениях между Финляндией и СССР начался период 5-летних торговых договоров и ежегодных протоколов о взаимных экономических поставках. В ходе развития дружественного сотрудничества между обеими странами красной нитью проходил процесс начавшегося общения с русским населением. Петербург (Ленинград) стал в этом отношении связующим звеном и даже, точнее, цепью. Финляндия почти плавно «финляндизировалась».

Однако в 1960-1970-е гг. финский туризм отличался в Ленинграде такими представлениями его жителей, что в Финляндии существует сухой закон, запрещающий или серьезно ограничивающий употребление спиртных напитков в соседней стране. Параллельно, в это же время организованные группы советских туристов тоже начали прибывать в Финляндию. Ге-

неральное консульство Финляндии в Ленинграде, начиная с 1967 г., проводило активную работу, способствуя развитию добрососедских финляндско-российских отношений. Оно выросло в крупнейшее представительство Финляндии при ЕС. Перед второй мировой войной оно действовало некоторое время в здании Банка Финляндии на Невском 26, а затем, до 1938 г., в старом паспортном отделе Статс-секретариата.

По словам автора книги Катри Велтхейма «На дорогах Карельского перешейка», «где-то там вне времени, вне досягаемости находится место незапамятного Петербурга, центр о котором издавна знали, где так много о минувшем все рассказывает и с которым связаны такие бесконечные ностальгические воспоминания и вереницы иллюзий». ³³² Санкт-Петербург для финнов всегда был, есть и будет важным городом.

Русское население на Карельском перешейке (XVIII- пер. половина XX вв.)

Освоение русскими Финляндии началось уже в ходе Северной войны, когда отвоеванные у шведов земли монаршей милостью дарились приближенным главным образом за ратные заслуги перед Отечеством.³³³ Впоследствии на дарственных или так называемых донационных землях возникали помещичьи усадьбы, а бывшие шведские подданные постепенно попадали на положение российских крепостных. Оказавшись в этом качестве, финские крестьяне крайне неохотно подчинялись своим новым господам. Некоторые русские помещики предпочли тогда переселить более послушных русских крепостных крестьян из своих старых поместий на новые места в Финляндию. В 1770-х гг. в деревню Кююреля волости Муолаа были переселены из Центральной губернии русские крепостные крестьяне. Там возникает новое русское поселение Красное Село.

Согласно Описания Выборгской губернии, составленного на начало XIX века, на Карельском перешейке, кроме государственных владений, имелось 17 частных русских владений, принадлежавших инженеру-полковнику Оттерману, майору барону Штейнгюйлу, графине Шуваловой, тайному советнику графу Чернышеву, княгине Голицыной, графине Салтыковой, отставному Артиллерии майору барону Фридериксу, отставному бригадиру барону Фридериксу, коллежскому советнику Балясному, коллежской советнице Велциной, графу Девиеру и наследникам придворного аптекаря Брискорна. В состав их владений входило около 400 деревень с населением порядка 35 000 крестьян совершеннолетнего возраста.

Спустя три года по окончании последней русско-шведской войны 1808-1809 гг. Выборгская губерния воссоединяется с Великим княжеством Финляндским и в связи с этим безраздельному господству крепостнических порядков на Карельском перешейке приходит конец. Проблема привлечения финских крестьян к принудительному труду еще более обостряется. В

связи с этим возрастает и поток русских переселенцев в приграничные районы Великого княжества.

В 1800 г. граф Петр Салтыков получил привилегию на строительство железоделательного завода в Райвола. Завод размещался на берегу реки Линтулан-йоки на границе волостей Уусикиркко и Кивеннапа в 7 верстах от берега Финского залива. Его годовой продукт, добытый из озерной и болотной руды, а также из старого железного лома, достигал 30.000 пудов. Углежогов и рудовозов, работавших на заготовке сырья для завода, было почти три сотни. Наверняка на заводе также работало еще пара сотен крепостных. В 1802 г. графиня Дарья Петровна Салтыкова привезла из своего имения Воскресенска Орловской губернии полторы сотни крепостных. В 1820 г., когда Линтульские донационные земли перешли Сестрорецкому оружейному заводу, Райволовский железоделательный завод также вошел в подчинение этого предприятия. Администрация оружейного завода пригласила для работы на Райволовском заводе рабочих Олонецких рудников и литейных мастерских, которые, наряду с прежним рабочим людом завода, вышедших из крепостных, образовали колонию оружейников и мастеровых. Связи между Сестрорецким оружейным заводом и Райволовским железоделательным заводом прервались в 1843 г., когда оба предприятия получили собственное самостоятельное руководство. Еще более отдалился Райволовский железоделательный завод от своего бывшего патрона после того, как в 1864 г. последний был отделен от Финляндии.

В 1860 г. Артиллерийский департамент сдал Райволовский завод в аренду. Завод пытались расширить в 1865 г. и в 1866 г., а также особенно в 1870 г. Количество рабочих в доменном, пудлинговом и прокатном производстве к 1872 г. возросло до 368 человек. Валовое производство было столь велико, что превзошло все железоделательные заводы Финляндии. Для рабочих это период был золотым временем. Но затем наступил период заката. Конъюнктуры рынка изменились в худшую сторону. Среди держателей акций возникли разногласия. В апреле завод прекратил свою деятельность, что означало безработицу для рабочих, число которых на тот момент перевалило на вторую тысячу.

В Райвола в 1888 г. было 1.215 человек. Мужское население ездило на заработки в Кронштадт, Петербург, на Сестрорецкий оружейный завод и работало на Райволовской мельнице. Другая часть работала на дому, изготавливая кофейные мельницы, молотки, клещи и замки. Женская половина шила чулки, перчатки и головные платки, которые затем отвозили на продажу в Петербург.

Наплыв русских в Финляндию резко усиливается после ввода в эксплуатацию железной дороги Санкт-Петербург-Выборг-Риихимяки. Прилегающая к этой магистрали территория, особенно прибрежная ее часть, во второй половине XIX века начинает активно застраиваться виллами и дачами жителей столицы. Огромные дачные поселения буквально вырастают как грибы после дождя, местные жители в этих районах даже становятся национальным меньшинством, в лексических формах южно-карельского диалекта появляется все больше и больше заимствований из русского языка. Владельцы дач привозят с собой и русскую прислугу, которая подчас остается проживать там круглый год. Небольшие финские деревни Куоккала, Терийоки, Тюрисевя, Ваммелсуу становятся русскими курортами. Также появляются и новые чисто русские дачные поселения такие как Келломяки, Оллила, Леовилла. Появляется даже обиходный термин "Русская Финляндия". Среди владельцев дач можно упомянуть известного архитектора Барановского, профессоров Бехтерева, Боткина и Воейкова, хореографа Баланчивадзе, энциклопедиста Эфрона, ювелира Фаберже и др. К началу XX века на Карельском перешейке имеется несколько десятков тысяч русских дач.

Нельзя сказать, что отношения между финским и русским населением было безоблачным. Хотя местное финское население экономически выиграло от такого соседства, поскольку работы в сфере услуг приносила неизмеримо более крупные доходы, чем земледелие или рыболовство, тем не менее традиционные русские привычки входили в противоречие с образом жизни коренного населения. Прежде всего наибольшее опасение вызвала торговля алкоголем. В Финляндии действовал т.н. "сухой закон" и склонность к алкоголю не поощрялась. Злоупотребление спиртными напит-

ками нередко приводило к уличным потасовкам, в которые вовлекались и местные жители. На защите правопорядка стояли как финские, так и русские полицейские. Однако в период волнений 1905-1907 гг. их сил было явно недостаточно и тогда повсеместно в Финляндии стали возникать отряды национальной самозащиты, впоследствии получившие название щюцкор.

Кульминацией русской дачной жизни в Финляндии было лето 1914 г. В августе этого года началась мировая война и все дачи на побережье Финского залива вмиг опустели. В 1918 г. началась рабочая революция и в Финляндии, только что получившей независимость. Оставшиеся на Карельском перешейке немногочисленные русские вскоре оказались на положении эмигрантов. Их жизнь постепенно превратилась в борьбу за существование, из которой немногие вышли победителями. Некоторые закончили свой жизненный путь в домах престарелых на нищенском содержании. Иные, быстро сориентировавшись в новой обстановке, стали основывать мелкие предприятия.

В октябре 1939 г. политическая обстановка резко осложнилась и финское правительство предприняло меры по эвакуации населения в приграничных районах. Эти меры в одинаковой степени коснулись как финнов, так и русских. Начавшаяся вскоре война окончательно отрезала возможности возвращения к родным очагам. Потомки русских, живших на Карельском перешейке, составляют ныне часть русской диаспоры в Финляндии.

Основные черты иммиграция русских в Финляндию в 1917-1939 гг.

После революции 1917 г. из России отправились в изгнание почти полтора миллиона человек. В эмиграцию их вынуждали политические и экономические причины, а также гражданская война. Из русских переселенцев сформировалось одно из самых больших эмигрантских движений, которое длилось многие годы и было направлено в разные части света. Русские эмигранты со временем собрались, в основном, во Франции. В начале 1930-х гг., наряду с Францией, они проживали также в Германии, Китае, Польше, Югославии и Болгарии.

Начавшаяся эмиграция из России стала заметна в Финляндии очень рано. В Финляндии, в окрестностях Терийоки и на Карельском перешейке проводили летние отпуска в годы первой мировой войны почти 100 000 русских, в большинстве своем петроградцы. Кроме дач, русские приобретали в финской части Карельского перешейка имения. Летом 1917 г. русские остались на своих дачах и в поместьях в ожидании прояснения обстановки в России. Осенью, сразу после Октябрьской революции, в Финляндии появились первые переселенцы-беженцы.

В Финляндии прибытие русских эмигрантов пробуждало разнообразные чувства. Часть финнов понимала бедственное положение беженцев и была готова принять их. В только что получившей независимость Финляндии, однако, поднималось национальное самосознание, и одновременно раздувалась ненависть к большевикам, советскому государству и к русским вообще. Это было видно и по отношению к эмигрантам, их прибытие в страну попытались ограничить. Русских, проникавших в Финляндию тайно, время от времени переправляли через границу обратно. Законный въезд в страну разрешали лишь после тщательного процесса выяснения.

В марте 1921 г. в течение двух дней по льду Финского залива в Терийоки прибыло примерно 6500 человек, которые бежали из Кронштадта, восстание в котором было подавлено. Они образовали самую большую единую группу российских беженцев, когда-либо прибывавшую в Финляндию.

Весной 1921 г. в Финляндии находилось 15 300 - 19 000 русских эмигрантов. Разница в цифрах вызвана тем, что неясно, сколько проживавших до революции в

Финляндии русских можно считать эмигрантами. По оценкам, среди эмигрантов таких было 4000 -5000 человек.

Можно оценить, что в 1917-1939 гг. с востока в Финляндию прибыло 44 000 беженцев, которые оставались в стране некоторое время или постоянно. Кроме русских, среди эмигрантов было более 26 000 финнов-ингерманландцев и жителей российской Карелии. Общее количество российских беженцев возросло примерно до 16 500 человек. В 1923-1939 гг. в Финляндию прибыло более 350 человек.

По сравнению с балканскими государствами или со странами средней Европы, количество беженцев, оставшихся в Финляндии, было небольшим. Всё же в малонаселённой Финляндии группа беженцев была заметна. В 1922 г. беженцы составляли примерно один процент населения Финляндии.

Большая часть беженцев из Кронштадта к 1924 г. вернулась в Советский Союз - почти 5100 человек. Возвращение оставшихся российских эмигрантов в Советский Союз происходило намного медленнее, вернулось лишь несколько сот человек. Тысячи российских эмигрантов с течением времени вместо этого перебрались из Финляндии в среднюю и западную Европу. В Финляндии осталось мало высокопоставленных чиновников и интеллигенции из числа эмигрантов. Они продолжили свой путь из Финляндии в Париж или Прагу, в довольно крупные эмигрантские общины с более благоприятными условиями.

Среди прибывших в Финляндию российских эмигрантов было большое количество жителей Петрограда. В данном случае сказалась близость финской границы и хорошее сообщение. Большинство эмигрантов, которых в Финляндии относили к «русским», были действительно русскими, но среди них встречались и представители других национальностей. Особенно многонациональными были эмигранты из Петрограда. Среди них были обрусевшие прибалты, балтийские немцы, поляки, немцы и получившие российское гражданство финны.

В начале 1930-х гг. в Финляндии установили, что группа находящихся в стране эмигрантов частично смогла трансформироваться в средний класс. Значительная группа эмигрантов представляла в то время рабочих, торговцев и военных.

У эмигрантов, оставшихся в Финляндии на постоянное жительство, нередко сохранялась какая то связь со страной. Это выражалось в наличии летней дачи, имения или родственников в Финляндии. Для многих эмигрантов стали убежищем дача

или земельный участок на Карельском перешейке, с помощью которых они пытались свести концы с концами.

Предприятия, владельцами которых являлись переселившиеся из России в Финляндию люди и династии, обеспечивали эмигрантов работой. В Хельсинки много эмигрантов было среди рабочих карамельной и кондитерской фабрик Фазера, а также табачной фабрики Ф. Сергееффа.

Большая часть русских эмигрантов потерпела в Финляндии социальный и экономический крах. Многим из них пришлось приобретать новую профессию. Служащие стали рабочими, офицеры водителями. В особенности пожилые люди оставались за пределами трудовой жизни, без регулярного заработка, по мере утраты собственности и рассчитывали лишь на пособия и благотворительность. Может быть, лучше всех устроились те из эмигрантов, кто занялся предпринимательством. Большинство эмигрантов всё же вели скромный образ жизни даже в конце 1930-х гг.

Эмигранты концентрировались в Финляндии в тех местах, где проживало большинство русских ещё во времена ее автономии, прежде всего в Хельсинки, Выборге и на Карельском перешейке, в районе Терийоки. Ранее существовавшие в Финляндии русские общины стали важной опорой для эмигрантов. Ненависть к русским, которую открыто разжигали некоторые круги в Финляндии, и с которой многие русские сталкивались в повседневной жизни, вынуждала русских мириться с принижённым положением по сравнению с финнами. Русскоязычное население образовывало свои общины, «уголки России», которые в своей массе ещё в 1920-1930-х гг. были похожи на осколки царской России.

Культура и общественная жизнь русскоязычных общин Финляндии в 1920-1930-е гг. была оживленной и разнообразной. Культурные развлечения сохранялись на высоком уровне. Среди них были, например, театральные представления, оперетты, концерты, праздники, танцы и маскарады. В Финляндии того времени общественная жизнь была исключительно городской и обладала высокой культурой. Имелись тенденции поддержать «русский дух», собственную культуру и традиции, а также привить всё это подрастающему поколению.

Эмигранты и прочие русскоязычные лица оказывали большое влияние на культурную жизнь Финляндии. Это было заметно в балете и музыке, где язык не становился препятствием.

Финское государство направило в 1920-1930-е гг. деньги на содержание и обучение беженцев из Ингерманландии и Карелии. Однако русские эмигранты были проигнорированы. Тем не менее, они все же получали в начале 1920-х гг. еду и одежду от американского Красного Креста, помощь которого распределяло финское отделение русского Красного Креста. Взаимная благотворительная деятельность и помощь международной организации эмигрантов позднее стали важными для обеспечения русских в Финляндии. В Финляндии действовало полтора десятка русских социальных учреждений, которые содержались на средства русских общин. Последний дом престарелых для эмигрантов был закрыт только в 1974 г.

Больше всего русскоязычных школ действовало на Карельском перешейке. Часть из них сохранилась еще от числа русскоязычных школ со времён автономии, а часть была основана специально для эмигрантов. В начале 1920-х гг. действовало более 20 различных учебных заведений. Из-за нехватки денег в конце десятилетия количество школ уменьшилось, и молодёжь пошла в финно- и шведоязычные учебные заведения. Сотни эмигрантов отправились продолжать образование в другие страны Европы.

К эмигрантам принадлежало так много образованных и общественно активных людей, что это отразилось на их оживлённой политической и культурной деятельности. В середине 1920-х гг. у эмигрантов было более 30 различных организаций, союзов и объединений. Большое количество обществ, с другой стороны, отражало наличие в них взаимных неурядиц и разногласий.

Многочисленные политические движения российских эмигрантов, которые действовали с целью подрыва тем ли иным способом советского государства, были обильно представлены в Финляндии. В стране имелись сторонники как парижской, так и варшавской монархических организаций, а также харбинских фашистов. Активность политических эмигрантских организаций в Финляндии отражала близость с Россией и выгоды, которые она давала для практической деятельности. Эмигранты посылали из Финляндии в Советский Союз пропаганду, шпионов и даже саботажников.

Существенной чертой в судьбе российских эмигрантов было то, что, будучи родоначальниками, им пришлось в 1920-1930-е гг. испытать на себе ненависть к русским, как, например, происходило у эмигрантов во Франции и Чехословакии. Это от-

ражало изоляцию стареющего поколения эмигрантов. Они жили под сенью русской общины, не зная финского языка, вне финского общества. Не все, однако, могли и хотели изолироваться. Подрастающее поколение росло, представляя двух или даже трёхязычное. После второй мировой войны изоляция русских общин в Финляндии стала исчезать.

В Финляндии после второй мировой войны, утратили в памяти, по крайней мере *публично*, что в стране раньше все же были русскоязычные люди, проживавшие в тесном общении. Вопрос стал вновь актуален с начала 1990-х гг., когда в Финляндию начали переезжать русские и вообще русскоязычное население из России. В их переживаниях удивительно повторяются те же самые проявления и проблемы, что и у прежних эмигрантов.

К истории скандинавской группы государственных геральдических символов

Среди государственных геральдических эмблем и символов особое место занимает скандинавская группа государственных гербов. В ней ярко отражается многовековая история стран европейского Севера, общность судеб народов, населяющих страны этого региона.

Один из первых государственных геральдических символов скандинавской группы это три коронованных лазоревых леопардовых льва с красными языками (один под другим) в золотом поле, украшенном девятью красными сердцами. Он появился в Дании около 1190 г. при датском короле Кнуде VI Вальдемарсене.³³⁴ Это изображение сохранялось в государственном гербе Дании при всех правителях и дошло до наших дней в виде Малого государственного герба Дании и первой части геральдического щита Большого государственного герба Датского королевства. С датскими тремя леопардовыми львами связана история происхождения государственного герба Эстонии.³³⁵ После победы датского короля Вальдемара II Победителя над эстами 15 июня 1219 г. на месте разрушенной крепости Линданисе на Тоомпеа была построена новая крепость, получившая название Таллинн ("Датский город"). Введенный для Таллинна герб был идентичен гербу Датского королевства. Три лазоревых леопардовых льва на золотом поле перед ли 8 декабря 1856 г. и на герб Эстляндской губернии в составе Российской империи. Они же стали основой государственного герба независимой Эстонии, утвержденном 19 июня 1925 г. и современного государственного герба Эстонской Республики, введенном (а точнее восстановленном) в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Эстонской Республики от 7 августа 1990 г. Правда, в отличие от датского государственного герба на эстонском государственном гербе три леопардовых льва обращены

на зрителя и они даны на золотистом щите в виде картуша в стиле барокко, обрамленном снизу двумя скрещенными дубовыми ветками золотистого цвета.³³⁶ Три коронованных леопардовых льва с 1224 г. украшали и герб шведского короля Эрика Эриксона, ставшего до 70-х гг. XIII в. государственным гербом Швеции.

В течение XIII в. в Швеции и Норвегии формируются собственные государственные геральдические символы. В Швеции это три золотых короны на голубом (синем) фоне, а в Норвегии - золотой в красном поле коронованный лев св. Олафа с боевым топором в передних лапах.³³⁷ Однако, после учреждения в 1397 г. Кальмарской унии, объединившей в единый государственный союз Данию, Норвегию и Швецию, эти самостоятельные государственные символы вновь оказались под верховенством трех датских лазоревых леопардовых львов. На государственном гербе, печати и флаге короля Эрика Померанского - главы объединенного королевства,³³⁸ можно увидеть элементы государственных символов всех трех стран: трех датских лазоревых леопардовых львов на золотом поле, норвежского золотого коронованного льва св. Олафа с боевым топором в передних лапах на красном поле и трех шведских золотых корон на голубом поле (есть также там и изображение фамильного герба Померанского дома - черный грифон на красном поле).

После распада Кальмарской унии в 1523 г. подлинно аккумулирующее значение для скандинавской группы государственных символов стал играть Большой государственный герб Королевства Дания. К XVIII в. он принял вид, близкий к современному: щиток с династическим Ольденбургским гербом (две красные горизонтальные полосы (балки) на золотом поле), символизирующий династическую общность правителей Дании, Норвегии и Швеции,³³⁹ большой щит с гербами территорий, входящих во владения Датского королевства или исторически связанных с ним, включая изображения трех шведских золотых корон на голубом фоне, а также гербовых знаков Исландии (белый сокол). Фарерских островов (белый баран) и Гренландии (белый медведь). Примечательно, что после провозглашения 1 мая 1979 г. Гренландии "самоуправляющейся территорией" в составе Дат-

ского королевства, в 1985 г. местный парламент (ландстинг) установил герб - синий щит с изображением все того же белого медведя, который входит и входит в датский государственный Большой герб. Более того, сторонники полной независимости Гренландии в качестве своего основного символа также избрали изображение белого медведя с Большого датского государственного герба, но на зеленом поле.

Весьма красноречивым памятником истории стал шведско-норвежский государственный герб, действующий с 1844 по 1905 гг. и включающий в себя основные геральдические символы двух стран: норвежского золотого коронованного льва св. Олафа с боевым топором в передних лапах на красном поле и трех шведских золотых корон на голубом фоне. Доминирующее центральное положение династического щитка правящей шведской королевской династии Бернадоттов³⁴⁰ в шведско-норвежском государственном гербе точно соответствовало условиям шведско-норвежской унии 1814-1905 гг., по которым шведский король одновременно являлся и норвежским королем. Первенство Швеции в этой унии было так же закреплено изображением в шведско-норвежском государственном гербе родового герба Фолькунгов (золотой лев на синем фоне с тремя косыми белыми полосами (перевязями или потоками) - династии шведских королей, в период правления которых (середина XIII в. - 1363 г.) формировались основные геральдические символы Швеции.

К скандинавской группе государственных геральдических символов относятся также государственные гербы Финляндии, Исландии, а также временных государственных образований 1919-1920 гг., на северо-западных территориях бывшей Российской империи, Ингерманландии и Беломорской Карелии. В их основе лежали общие скандинавские геральдические традиции, отражающие общность истории и культуры народов данного региона.

Датские авторы на Петербургской сцене

Датская литература, в том числе драматургия, создала на протяжении трех веков много достойных произведений, но так вышло, что привлек внимание профессиональных петербургских/ленинградских театров только один датский автор.

Ханс Кристиан Андерсен (1805-1857) горячо любил театр с самого детства. Он мечтал стать артистом и даже выступал на сцене, но успеха не имел. Он хотел стать знаменитым драматургом и написал более 20 драматических произведений, но их никто не исполняет. И тем не менее театр и произведения Андерсена связаны неразрывно. Его сказки словно созданы для сценического показа: увлекательный сюжет, яркие запоминающиеся персонажи, глубина содержания, благородство чувств героев, утверждение добра и справедливости, а также мягкий юмор вместе с сатирическим показом пороков. Конфликт добра и зла, конфликт живой и мертвой жизни актуален всегда.

Россия рано полюбила Андерсена, и здесь не только печатали сказки, но и ставили их на сцене. В начале века в Москве в театре Корша шли спектакли «Огниво, солдат и ведьма», «Принцесса и свинопас», в театре Незлобина – «Дюймовочка», в петербургском театре «Сказка» – «Морская царевна» и др. Позже в 1919 г. в петербургском театре «Привал комедиантов» были поставлены сказки Андерсена с декорациями и костюмами известного художника Добужинского. Спектакль «Сказки Андерсена», включавший сказки «Принцесса и свинопас», «Профессор и его тень», «Новое платье короля» в инсценировке В.Смирновой, долго был в репертуаре Московского Центрального ТЮЗа в 30-е гг. Инсценировка имела такой большой успех, что ее воспроизвели в Копенгагене на сцене Королевского театра, и отзывы прессы были весьма положительными.

Если сказки Андерсена пользовались популярностью в российских театрах на протяжении всего XX века, то в последние годы наблюдается

настоящий андерсеновский бум. В Петербурге только в нынешнем сезоне идет 17 спектаклей на сюжеты великого сказочника. А если взять последние 10 лет, то это число доходит до 38, из которых 34 спектаклей профессиональных театров и 4 спектакля театров с постоянным коллективом исполнителей – школьников и профессиональной режиссурой и постановочной частью. Если говорить о жанрах, то это 16 драматических, 10 оперных, 3 балетных и 9 кукольных.

Из этого следует два вывода. Во-первых, ни один детский и даже пишущий для взрослых автор не может сравниться с Андерсеном по использованию его произведений в петербургском театре. Андерсен – самый театральный автор! Во-вторых, ни в одном другом городе России и ни в одном другом городе мира нет такого большого интереса к Андерсену в театре. С этой точки зрения, Петербург – самый андерсеновский город в мире.

Столь удивительный факт требует хотя бы попытки объяснения. Среди причин первой следует назвать традиционную близость города к европейской культуре. Как говорил Пушкин, Санкт-Петербург был создан как «окно в Европу». Таким он остается и по сей день. К этому надо добавить заметное усиление в последнее время интереса к тем великим общечеловеческим принципам и идеалам, которые проповедует писатель в своем творчестве.

Конечно, при рассмотрении спектаклей по сказкам следует иметь в виду, что сказки не играют в точности так, как они написаны Андерсеном. Но ведь и великого Шекспира ни один театр в мире не играет полностью так, как им написано, а он драматург. Что же говорить о театральном воплощении прозаического повествования? Главное – чтобы сохранилось основное содержание и не было противоречий духу произведения. Порой задают вопрос: Гете эти или не Гете – опера Гуно «Фауст»? Вопрос очевидно не корректен. Это и Гете, и в то же время Гуно. Кроме того, у постановщика любого театрального спектакля есть право и обязанность помнить о зрительном зале, играют не для зрителя вообще, а для зрителя в этой стране в это время. В этом зале в этот день.

Театральная андерсениана Петербурга – чрезвычайно разнообразна и включает в себя все существующие театральные жанры, при этом есть спектакли, рассчитанные только на детей, рассчитанные как на детей, так и на взрослых, и – как ни странно – только на взрослых. Принцип писателя: говорить детям, но помнить, что взрослый тоже слушает- сохраняет свою силу и здесь.

Обзор следует начать с драматических спектаклей, а среди них – по справедливости – со спектакля для взрослых «Тень» Театра комедии им. Н.П.Акимова, поставленного впервые в 1940 г., затем возобновленного в 1960 и 1984 г. Своим рождением пьеса обязана режиссеру Н.П.Акимову и драматургу Е.Л.Шварцу. Акимов, художественный руководитель Театра комедии, один из наиболее ярких русских режиссеров XX века, склонный к преувеличению и яркости, парадоксу и буффонаде, был инициатором обращения к сказке «Тень» и затем сделал спектакль, который для его театра стал таким же этапным, каким гораздо раньше для МХАТ была чеховская «Чайка». Шварц – выдающийся драматург, жизнь которого связана с Петербургом и Театром комедии. Склонный к мягкой иронии и философским размышлениям, написавший значительное количество совершенно самостоятельных драматических произведений, он в то же время трижды в своей жизни использовал для своих пьес сюжеты Андерсена с дальнейшим развитием их основного смыслового содержания.

В «Тени» такой стержневой мыслью стала мысль об агрессивной бездарности, которая побеждает беспспорный талант: в пьесе доверчивого, совсем по-детски наивного ученого. Тень ученого превращается в самостоятельную существующую личность и начинает требовать, чтобы все переменялось и чтобы ученый превратился в тень этого существа. В ткань повествования введены новые персонажи и сюжетные ходы, которые усиливают основной смысл. Изменена и концовка: в пьесе побеждает добро. Будучи не только режиссером, но и художником, Акимов создал оформление, которое вошло в золотой фонд отечественного театра. Он поместил своих героев в поразительный мир причудливых декораций, где рядом со спокойным «нормальным» пейзажем соседствуют предметы необычные, нелепо

уродливые – как, например, знаменитая конная статуя, которая с трудом умещается на верху узкой колонны. Пьеса «Тень» исполнялась позже многими театрами, в частности, в Петербурге шли спектакли в Театре юношеского творчества и Театре сатиры.

Самая счастливая судьба из пьес Шварца на андерсеновские темы выпала на долю «Снежной королевы». Написанная в 1936 г. в нашем городе, она была поставлена в Новом ТЮЗе и затем обошла подмостки всей огромной страны. Если в каком-то городе был хотя бы один мало-мальский приличный театр, то андерсеновские Кай и Герда – великие путешественники – побывали и там. Вскоре после войны пьеса шла на сцене театра, носящего сейчас имя В.Ф.Комиссаржевской.

Длительное время шел в театре имени Ленсовета спектакль, поставленный Н.Райхштейн, талантливой поклонницей сказочного жанра, автора многих поэтических спектаклей. Драматический театр «На Неве» был создан специально для самых маленьких зрителей – до 7-8 лет, для тех, к кому обычно не обращаются другие театры. Адаптированную на восприятие этих зрителей пьесу театр поставил в марте 1993 г. Пьеса также поставлена на сцене Театра юношеского творчества и Театра дождей. Все новые поколения детей и подростков погружаются в волшебный мир «Снежной королевы».

Третья и самая ранняя пьеса Е.Шварца на андерсеновские темы – «Голый король». Обычно это название ассоциируется в России со сказкой «Новое платье короля», поскольку знаменитая реплика мальчика о короле, идущим под балдахином, по-русски звучит именно так. Но используются также сюжеты и персонажи сказки «Свинопас» и некоторых других. Пьеса имела непростую судьбу. Написанная в 1935 г., она лежала невостребованной до 1960 г. И только тогда созданный коллективом молодых актеров-единомышленников, стремившихся к преодолению театральной рутины, московский театр «Современник» поставил ее с оглушительным успехом.

Спектакль по этой пьесе показал петербургский театр «На Фонтанке». Характерно, что поиски этой театральной труппы во многом схожи с устремлениями раннего «Современника». Каким образом старый

сказочник, живший совсем в другое время и явно ставившей другие художественные задачи, помогает утвердиться молодым театрам на своем пути – волшебная тайна искусства. Может быть, дело в поразительной неординарности персонажей и мыслей Андерсена, которая помогает художественному коллективу найти неординарное решение собственных задач.

Кроме трех названных пьес Шварца, существует значительное количество более традиционных интерпретаций сказок в драматическом жанре. Некоторые из них объединяют несколько сказок. В Театре комедии шел спектакль, сменивший за долгую жизнь несколько названий: «Волшебные сказки Оле-Лукойе», «Сказки Андерсена» и, наконец, «Сказки». Л.Лемке поставил яркий праздничный спектакль, посвященный великому сказочнику.

Часть спектаклей имеет большое количество музыкальных номеров. Под названием «Стойкий оловянный солдатик» в театре «Балтийский дом» шел мюзикл, где объединены сюжеты 4-5 сказок. Мелодичная музыка петербургского композитора С.Баневича хорошо соответствует духу сказок. Детский театр «На Неве» поставил «Дюймовочку» и сыграл ее более 250 раз – к большому удовольствию маленьких зрителей. И их родителей. Эту же сказку ставил Молодежный театр «За Черной Речкой». Театр «Петербург» ставил «Огниво».

В жанре оперы поставлено 6 спектаклей. Один из самых популярных шел в Театре оперы и балета им. М.П.Мусоргского. Свою комическую оперу «Голый король» известный современный композитор Т.Хренников написал для этого театра. В качестве основы для либретто была использована пьеса Е.Л.Шварца. Жизнерадостность, мелодичность и остроумие характеризуют эту оперу, построенную в музыкальном отношении на лучших традициях французской и русской комической оперы.

Опера «История Кая и Герды» С.Баневича была поставлена в 1980 г. на сцене Мариинского театра. В опере герои стали старше, чем в сказке, это юноша и девушка. И опера рассказывает о любви молодых людей. Отвергнув любовь Герды, Кай отправился в царство Снежной королевы – мир величественный и внешне красивый, но холодный и пустой. Лед в сердце

Кая – это равнодушие и жестокость, отсутствие любви. Только верная любовь Герды, мужественно проходящей через все испытания, помогает растопить лед и вернуть Кая людям. Петербургский композитор, автор музыки к многочисленным кинофильмам и драматическим спектаклям, создал оперу, которая пользовалась большим успехом у зрителей. В том же театре в 1995 г. была вновь поставлена опера И.Стравинского «Соловей», была еще одна постановка 1918 г., но тогда первый показ остался единственным.

Совершенно оригинальной является опера «Пастушка и трубочист» в Детском музыкальном театре «Зазеркалье». Опера Баха, умершего задолго до рождения Андерсена – это само по себе звучит как сказки. И все же театр взял музыку Баха и других композиторов той эпохи, построил на основе нескольких сказок Андерсена сюжет и, соединив то и другое, создал оперу. Причем – и это вторая сказки – не было написано текста оперы. Участвуя во всевозможных приключениях и выражая свои искренние чувства любви, радости или негодования, персонажи произносят всего лишь... названия исполняемых нот, и слушатели воспринимают оперу прекрасно. Сейчас идет новый спектакль «Сказка о Соловье, Императоре и Смерти».

В Музыкальном театре Консерватории можно послушать оперу Т.Когана «Огниво». Опера доступна самым неподготовленным маленьким слушателям. Детский музыкальный театр «Карамболь» показывает маленьким театрам яркое красочное представление «Свинопас» на музыку руководителя театра И.Брондз. В детской филармонии можно послушать «Снежную королеву» и «Дюймовочку».

Балетный спектакль «Гадкий утенок» на музыку трех современных композиторов О.Петровой, И.Цеслюкович и А.Микиты был поставлен в Театре им. М.П.Мусоргского. Муниципальный театр детского балета поставил балет «Дюймовочка» на музыку Вебера и Майера в исполнении юных танцоров. В списке театральных коллективов есть и такие редкие, как Детский ледовый театр, который поставил одноактный балет «Снежная королева» на музыку С.Баневича.

Кукольные театры и спектакли в Западной Европе не котируются высоко. Между тем российская театральная традиция признает их за достой-

ный жанр. Андерсеновские спектакли петербургских кукольных театров имеют много бесспорных достоинств: они наиболее близки к тексту сказок, позволяют использовать в качестве героев любых животных и пускать в ход самые невероятные сценические эффекты, что вполне соответствует волшебному миру сказок и ожиданиям маленьких зрителей. И при этом сказки не теряют более глубоких пластов содержания.

Большой театр кукол поставил не один андерсеновский спектакль: в частности в 1947 г. «Дюймовочку». Сейчас он с успехом показывает спектакль «Гадкий утенок». Как известно, эта сказка является ключевой в понимании уникальности человеческой личности. История о страданиях маленького утенка, которого обижают на птичьем дворе только потому, что он не похож на других, вызывает сострадание зрителей и учит их, готовя к сложностям будущей взрослой жизни. Конечно, она интересна и как художественное изображение личной судьбы Андерсена. Сейчас здесь идет спектакль «Соловей». Одна из самых поэтических сказок «Русалочка», будучи весьма сложна для передачи средствами обычного театра, могла бы вообще остаться без сценического воплощения. Если бы не куклы. Большой театр кукол показывал спектакль по этой сказке.

Старейший из петербургских кукольных театров Театр марионеток им. Е. Деммени имел в своем репертуаре спектакль «Ах, мой милый Августин». Сейчас идут «Сказки Андерсена» и «Сказки Оле-Лукойе». Кукольный театр «Петрушка» показывал «Дюймовочку». Кукольный театр сказки поставил два спектакля: «Дюймовочка» и «Свинопас». Особенно большой успех пришелся на первый из них, поставленный в 1988 г. Он был показан в Германии, Финляндии, на фестивале театров прибалтийских стран в Таллинне и международном фестивале в Выборге. На Всероссийском смотре кукольных театров этот спектакль стал лауреатом.

Если посмотреть на то, какие сказки играют на петербургской сцене, то итог таков: 14 сказок привлекли внимание театров. Самая исполняемая сказка «Свинопас» – 7 спектаклей. Эта короткая, но очень емкая история рассказывает не только о страданиях любящего человека, но и об искусстве, об умении различать в нем подлинное и поддельное. Далее следуют

«Снежная королева», «Новое платье короля», «Огниво», «Дюймовочка», «Тень» и остальные вплоть до «Русалочки» – 1 спектакль. Этот список отражает то наследие Андерсена, которое известно всему населению Земли.

Автор этих строк думает, что в Петербурге вполне могла бы быть улица или площадь имени Андерсена и на ней памятник великому сказочнику, который заслужил это своим участием в деле воспитания многих поколений российских детей. Может быть, это сделать к 2005 г., когда весь мир отметит 100 лет со дня рождения писателя? С другой стороны, памятник уже поставлен в каждом доме, где читают сказки Андерсена. И в каждом театральном зале, где идут спектакли по сказкам. Он есть всюду, где благодарные сердца детей и взрослых бьются в унисон с сердцем великого датчанина.

В течение многих лет на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета существуют студенческие театральные коллективы, исполняющие драматические произведения на языке оригинала. Одним из таких театров является ДДТ, т.е. Датский драматический театр имени Людвига Хольберга.

В апреле 2000 г. пришло письмо из личного секретариата Королевы Дании Маргреты II: «Ее Величество Королева просила передать горячую благодарность за поздравление с днем рождения и за видеофильм со спектаклем на датском языке студентов датского отделения по пьесе Къеля Абелля «Ева отбывает детскую повинность».

Биография ДДТ началась в 1978 г. с представления, сделанного по инициативе студентов, тогда прозвучали слова: «Все знают, что в нашем городе есть БДТ – Большой драматический театр, но с сегодняшнего дня в городе есть и ДДТ – Датский драматический театр». Репертуар состоял сначала из инсценировок сказок Андерсена.

Прорыв в большое искусство пришел в год 300-летия со дня рождения основателя скандинавского театра, выдающегося представителя драматургии Дании и Норвегии Людвига Хольберга. Поначалу это были небольшие отрывки из комедий «Йеппе с горы» и «В комнате роженицы». Потом спектакль постепенно расширился и дошел до несколько сокращен-

ного варианта двух комедий при полном сохранении их сюжетного строя.

Показанный на сцене Дома дружбы участникам конференции обществ дружбы из скандинавских стран спектакль имел большой успех. Президент общества дружбы из Дании Х.Ланнунг сказал, что некоторых из участников он хотел бы видеть даже на сцене копенгагенского театра.

Постановки были настолько удачны, что театр был приглашен в Москву на юбилейное заседание, где он выступил перед работниками культуры, сотрудниками дипломатических представительств, московскими студентами. Группа копенгагенского телевидения присутствовала в зале. Отрывки и интервью с участниками были показаны по датскому телевидению, причем в лучшее телевизионное время. Позже пришло письмо: «В декабря я снимал сюжет для датского телевидения о Вас и Ваших студентах во время представления Вами пьес Хольберга. Я рад сообщить Вам, что программа эта, показанная по датскому телевидению, прошла с большим успехом и вызвала большой интерес». Письмо подписал Лайф Андерсен, тогда московский корреспондент Датского радио и телевидения, а сейчас автор многочисленных романов, один из наиболее известных датских писателей.

Узнав о существовании русского театра на датском языке, из Копенгагена прилетел театральный критик Могенс Гарде, который пожелал сравнить два варианта «Йеппе с горы»: тот, что шел в это время на сцене Королевского театра, и наш студенческий. После встречи с ДДТ он опубликовал доброжелательную статью с фотографиями.

Позже исполнялись комедии К.Абелля, Сойи, инсценировки произведений В.Брайнхольста, Л.Пандуро и др. Во время одной из встреч с датскими журналистами студенты показали отрывки из инсценировки книги «Ах, мой золотой зуб» Лайфа Пандуро. Результатом были статьи, в том числе в копенгагенской газете «Политикен» с цветной фотографией студентов-артистов.

В связи со своим 10-летием театр показал спектакль «Ах, мой золотой зуб» в Доме дружбы. На нем присутствовал датский художник Херлуф

Бидstrup, высоко оценивший постановку. Телевизионная бригада «600 секунд», приехавшая отразить только пребывание в городе художника, была настолько захвачена спектаклем, что отразила и его в своей передаче.

Театр пробовал свои силы в разных жанрах. Датский драматург ХХ в. Кьель Абелль написал драму «Анна Софи Хедвиг», которая также была поставлена и очень неплохо. В 1996 г. студенты показали инсценировку сказки «Свинопас» участникам проходившей в Петербурге международной научной конференции «Ханс Кристиан Андерсен и Россия». Присутствующие. В том числе крупнейшие датские литературоведы аплодировали артистам.

Во время поездки в Данию на практику в 1998 г. труппы студенты показали новую постановку спектакля «Ах, мой золотой зуб» по книге Лайфа Пандуро. В 1999 г. спектакль «Вояж гнева» по пьесе К.Э.Сойи был показан во время Дней датского языка и культуры в петербургском Доме дружбы. В зале присутствовали дипломаты и деятели науки и культуры. Приехавшие из Дании, в том числе известный кинорежиссер Нильс Мальмрос.

Работа ДДТ продолжается. Отделение, которое имеет обычно 10-12 студентов и вечный дефицит исполнителей мужских ролей, не может делать очень много. Вся работа проходит во внеучебное время, все желающие принимают участие, а не желающих никто не принуждает. Но успехи говорят сами за себя. В разные годы о ДДТ писали российские и датские газеты. А также пресса в других странах Скандинавии, были радио- и телепередачи.

**Работа А.М. Матушинского «Торвальдсен и его произведения»
– первое фундаментальное исследование о датском скульпторе на рус-
ском языке.**

Творческий путь знаменитого датского скульптора-неоклассициста Бертеля Торвальдсена (1770 – 1844) можно разделить на четыре периода. Первый – 1793 – 1803 – годы обучения в Копенгагенской Академии художеств, римская стажировка, первые самостоятельные работы. Вторым периодом – 1803 – 1819 гг. Он начинается программным для творчества скульптора произведением – статуей «Язон с золотым руном» – и длится вплоть до первого посещения Торвальдсеном Дании после его отъезда в Италию. В это время скульптор увлекается аллегорией, делает статуи, вдохновленные лучшими образцами греческой и римской пластики, - период этот обычно именуется «классическим». Третий период – с 1819 по 1838 год – год, который принято считать датой окончательного возвращения Торвальдсена на родину. Он ознаменован работой над христианскими сюжетами, монументальными композициями, а также большим количеством портретных бюстов, составивших целую галерею знаменитых современников скульптора. И, наконец, последние шесть лет жизни, проведенные, в основном, в Дании – с 1838 по 1844 гг. Акцент делается в это время на барельефные композиции.

При всей условности, данная периодизация верно отражает основные тенденции в творчестве Торвальдсена, свойственные тому или иному временному отрезку.

Следует сказать, что в России Торвальдсен был достаточно хорошо известен уже во второй период своего творчества, а именно, в 15-е – 20-е гг. XIX века. Было это во многом благодаря заказам русской знати – А. Дидрихштейн, Е.А. Остерман-Толстой, М.А. Нарышкиной, Н.Н. Демидова, М.Ф. Барятинской и др. Известность Торвальдсена возросла в начале 20-х

гг., когда скульптор выполнил бюст русского царя Александра I с натуры, и вскоре к нему в качестве пенсионера Российской Академии художеств был официально прикреплен скульптор Б.И. Орловский. А чуть раньше другой русский скульптор, С.И. Гальберг, сам избрал себе в учителя датского мастера. Популярности Торвальдсена в России во многом способствовали связи с такими художниками как О. Кипренский, С. Щедрин, К. Брюллов, А. Иванов, Ф. Бруни. В 20-е – 30-е гг. – Торвальдсен – громкое имя, несомненный авторитет в русских художественных кругах. В 1824 году он избирается почетным вольным общником Российской Академии художеств. Таким образом, самые продуктивные, самые насыщенные годы в творчестве датского скульптора – от середины второго до середины третьего периода – это одновременно и годы расцвета его славы в России.

Естественно, столь громкая известность предполагает и соответствующую реакцию русской художественной критики. И такая реакция несомненно была. Однако, в этой связи следует отметить два момента. Во-первых, заметки о Торвальдсене, появлявшиеся в 15-е – 20-е гг. XIX в., – весьма разрозненны и касаются, как правило, отдельных произведений скульптора.³⁴¹ Во-вторых, более регулярная информация начинает поступать в 30-е – 40-е гг. XIX в., но это, в основном, сообщения из разряда художественной хроники.³⁴² Статьи же, характеризующие творчество Торвальдсена в целом, появляются в русской художественной критике уже после смерти датского скульптора.³⁴³

Таким образом, работа А.М. Матушинского «Торвальдсен и его произведения», опубликованная в «Русском вестнике» за 1865 год (№№ 6 – 9), явилась, хотя и запоздалой, данью таланту знаменитого датчанина, таланту, плоды которого «проявились», как уже отмечалось, и в России.

В предисловии к своей публикации А.М. Матушинский оговаривается, что труд его не имеет притязаний на строгую самостоятельность.³⁴⁴ Почти все биографические подробности автор заимствовал из «обширного и добросовестного сочинения профессора и секретаря Копенгагенской Академии художеств Ю.М. Тиле»³⁴⁵, а свое исследование он относит, если так можно выразиться, к разряду «полуоригинальных – полупереводных». В

чем же состоит оригинальность автора? Матушинский отмечает основной, на его взгляд, недостаток монографий Ю.М. Тиле – «почти совершенное отсутствие критики там, где дело идет о произведениях Торвальдсена». ³⁴⁶ Этот пробел он постарался восполнить.

Однако, это удалось автору лишь в очень незначительной мере. Работу Матушинского нельзя считать художественно-критической монографией, скорее она сродни столь популярной в наше время серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей») – увлекательное литературное повествование совершенно «забывает» собственно критическую часть. Матушинский заимствовал у Тиле то, что придает рассказу живость – малоизвестные биографические детали, курьезные случаи. Особенно интересны сведения о ранних годах жизни Торвальдсена и первом периоде работы скульптора в Риме. Матушинский показывает, как нескоро и как непросто сформировался Торвальдсен в того поражающего размахом своей деятельности мастера, который был известен всему миру. Так читатель узнает, например, что приехав в Рим, Торвальдсен взялся за изучение не только антиков, но и ... грамматики своего родного языка, т.к., по словам известного датского археолога Георга Зоэги, был «... совершеннейшим невеждой во всем, что находится вне его искусства». ³⁴⁷ Следуя повествованию, читатель видит, как из слабого, склонного к депрессиям, малообразованного и, вдобавок, уже не очень молодого человека время, друзья, обстоятельства, а главное – труд – выковывают постепенно сильную личность, одного из величайших скульпторов эпохи, талантливого педагога, человека, владеющего четырьмя европейскими языками. Привлекая большое количество писем и дневниковых записей (что несомненно оживляет повествование), Матушинский не боится «развенчать» Торвальдсена, акцентируя внимание не только на положительных, но и на отрицательных сторонах его характера. Так например, многие датчане, «опекавшие» скульптора на первых порах в Риме, отмечают его удивительную ... лень. Как этот образ не вяжется с тем, к чему мы привыкли! Матушинский не боится «раскрыть» нам такого Торвальдсена, ведь весь приводимый материал – подлинные факты, почерпнутые у того же Тиле, но только поданные совершенно иначе.

И здесь мы подходим к главному, на наш взгляд, отличию работы А.М. Матушинского от биографий Торвальдсена, составленных Ю.М. Тиле, на которые русский критик опирался. Дело не только в том, что труд Матушинского носит компелятивный характер; не только в том, что автор пытается включить в повествование элементы художественного анализа; и не только в том, что легкая и образная манера изложения Матушинского сильно отличается от суховатого и несколько тяжеловесного слога Тиле. Основная особенность сочинения Матушинского в том, что автор имеет **цельную картину всего творческого и жизненного пути Торвальдсена** и дает совершенно **оригинальное** толкование многим явлениям, как в жизни датского скульптора, так и его времени.

Так, например, вопрос о том, насколько «оторвался» Торвальдсен от своей родины, Дании, живя 40 лет почти безвыездно в Риме, - тема большая, не раз поднимавшаяся зарубежными историками искусства, изучавшими творчество знаменитого мастера – классициста. А.М. Матушинский, очень тактично, но тем не менее последовательно проводит мысль – связь с родиной Торвальдсен не терял никогда. Велика роль датчан, находившихся в Италии в первые годы пребывания там Торвальдсена, - они создавали своеобразную ауру, они направляли неискушенного скульптора, они постоянно «подпитывали» его. Граф А.К.П. Ранцау – Брейтенбург, барон и баронесса Шубарт – способствовали получению Торвальдсеном первых значительных заказов. Датско – немецкая писательница Ф. Брун дала денег на отливку статуи Язона в гипсе. «Датский Винкельман» археолог Г. Зоэга стал «проводником» Торвальдсена в мире антиков. Существовала очень тесная связь между датчанами, общавшимися с Торвальдсеном в Риме, и покровителями скульптора в Дании. Архитектор Карл Станлей помог поместить в приют отца Торвальдсена, графиня Шиммельман (сестра барона Г. Шубарта) выхлопотала для Торвальдсена выгодные заказы в Дании. И, конечно, огромную помощь постоянно оказывал Торвальдсену его бывший учитель по Копенгагенской Академии художеств Н.А. Абельгор (с которым скульптор состоял в переписке). Достаточно сказать, что он «сделал» Торвальдсена в 1805 году профессором Академии (а до этого скульптор не являлся

даже ее членом). Таким образом, у читателя складывается вполне определенное впечатление – Торвальдсен, находясь в Риме, не отрывался от датской культуры, и поэтому желание скульптора завещать все свои сокровища родному городу – Копенгагену – представляется вполне естественным.

Анализируя труд Матушинского с литературной точки зрения, хочется отметить, что автор, несомненно, испытывает сильное влияние художественной прозы своего времени. Это чувствуется как в плане композиционном, так и в отношении языка и стилистики изложения. Загадочность, мистицизм, придание большой роли фатуму, создание образа «романтического героя», то неосознанно возвышаемого, то сознательно принижаемого, с «размахом» поданный культурно – исторический фон – вот те черты, которые делают биографическую повесть А.М. Матушинского привлекательной и для современного читателя.

Отдельно следует сказать о языке Матушинского – художественного критика. При анализе произведений Торвальдсена – скульптора – классициста - Матушинский часто «говорит языком» главного теоретика классицизма И.И. Винкельмана. Возьмем, например, описание статуи Язона – оно совершенно «в духе Винкельмана»: «грандиозность стиля», «какая-то величавая монументальность», «благородство выражения», «мужественная сила».³⁴⁸

«Приспосабливая» свое сочинение для русского читателя, Матушинский постарался связать его с реалиями тогдашней художественной жизни в России, провести параллели между западно – европейской и отечественной системами художественного образования, порассуждать о возможностях классицизма как художественного течения и т. п. Некоторые его суждения кажутся сейчас наивными, иные – любопытными, а порой и меткими. Дальнейшее развитие науки об искусстве в России показало, что труд Матушинского не остался незамеченным – к нему обращалось не одно поколение историков искусства. О том, что искали и находили русские исследователи в работе А.М.Матушинского —мы надеемся рассказать в дальнейшем.

Коронационная акварель Альберта Эдельфельта

В Отделе рисунка Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге хранится Коронационный альбом оригиналов, куда в числе девятнадцати произведений известных русских мастеров, посвященных церемонии венчания Николая II на царство, вошла и акварель А. Эдельфельта "Поздравление казачьего войска" (1896, акв., 28,5x40, ГРМ). Финский живописец Альберт Эдельфельт (1854-1905) был талантливым портретистом, писал исторические картины и прославил себя в изображении сцен народной жизни. С 1881 г. А.Эдельфельт – действительный член С.-Петербургской Императорской Академии художеств. За участие в организации серии финских выставок в России и ряд заслуг в 1883 г. был награжден орденом св. Анны III степени. В связи с постоянным интересом, который художник проявлял к истории Финляндии и России, немаловажным представляется факт его присутствия на торжествах коронации в Москве в мае 1896 г.³⁴⁹ О работах на эту же тему А. Рябушкина опубликована статья Р.И.Власовой "Поклон народу" в журнале "Мир музея" за 1993 г.³⁵⁰

Р. Власова пишет, что коронацию Николая II и императрицы Александры Федоровны Министерство императорского двора намеревалось отмечать весьма пышно. Планировались торжественные трапезы в Кремлевском и Петровском дворцах, парадное представление в Большом театре силами артистов Императорских театров, роскошный бал в Александровском зале Кремля и, разумеется, фейерверки, иллюминации, народные празднества с подарками, столь трагически завершившиеся на Ходынском поле. Планировалось изготовление памятных медалей, а также издание богатого коронационного сборника. В его первый том вошел исторический обзор всех русских коронаций; второй состоял из многочисленных фотографий лиц императорского двора, программ увеселений, и списка прибывших в Москву для участия в празднестве гостей. Предполагалось также издание художественного альбома, включающего 40 иллюстраций, в основном ак-

варельных. Темы изыскивались согласно подобным альбомам 1856 г. и 1883 г. От замысла ожидался немалый художественный результат, ведь к его осуществлению были привлечены многие известные мастера.

1 марта 1896 г. А.Эдельфельту, члену Финляндского художественного Общества, было отослано официальное приглашение вице-президента Академии графа И. Толстого войти в состав делегации представителей Академии на коронацию 14 мая, с целью художественного воспроизведения моментов церемонии. А.Эдельфельт ответил согласием и был включен в Список художников, командированных в Москву, куда, помимо него, входили И.Репин, А.Бенуа, В.Мате, А.Рябушкин, А.Соколов и Н.-Самокиш, не считая москвичей В.Серова и В.Васнецова - всего двенадцать человек. Отдельно прибыла группа иностранцев, в их числе художники датчанин Л.Туксен, участник коронации 1883 г., французы Ч.Форестье, А.Порше и Г.Жерве, П.Нобс из Эдинбурга и Ф.Рубо из Мюнхена. Специально организованной еще в январе Комиссией по составлению художественного альбома, под председательством графа И.Толстого, А.Эдельфельту были предложены для исполнения следующие сюжеты: Высочайший въезд в Кремль 9 мая; Шествие Их Величеств в Успенский собор; Поздравление Казачьего войска в Тронной зале и Парадный спектакль 17 мая в Большом театре. Всего четыре. В зависимости от задания художникам предоставлялись пропуска на трибуны и в Кремль. Был определен срок подачи готовых работ - 1 мая 1897 г., и вознаграждение в одну тысячу рублей за акварель и пятьсот рублей за рисунок карандашом или пером. Время командировки (группа жила в гостинице «Тулон») предполагалось от 15 апреля до 1 июня. Но уже 19 мая (напомним, что 18 числа произошли холдинские события) многие художники выехали из Москвы "для исполнения возложенных на них работ". На все расходы по командировке, включая проезд, участникам было выдано по триста рублей, все получили памятные нагрудные знаки.

Чин венчания на царство сложился в Византии и имел церковные корни. Поэтому за каждым листом выполненных композиций - моменты истории, где художники точно следуют обряду. Известно, что вице-прези-

дентом было получено специальное разрешение для художников пользоваться альбомом фотографий. В.Серов в письме секретарю Академии пишет: "Благодарю Вас за хлопоты по части господина Извольского (Извольский - посол в Японии - Л.С.); а он шутник надел ленту Римскую (когда позировал - Л.С.), которой у него в коронации не было, и сегодня я полдня разъезжал в Капитул орденов и Министерство иностранных дел, чтоб узнать, что это за лента; очень рад, что ее, этой ленты, не нужно совсем".³⁵¹

Подобные трудности, а также трагедия Ходинки, предопределили сокращение числа планировавшихся иллюстраций. Несмотря на большие материальные затраты и богатство издания, общий художественный уровень обоих коронационных томов оказался невысоким, и, как констатирует Р.Власова, мало чем отличался от изданий "Нивы"; что касается работ привлеченных художников, подчеркнула она, явно наспех сочинил свой лист И.Репин, а работа К.Лебедева "Причащение..." оказалась удручающе детально, по-академически прилизанна. Среди художественно интересных произведений Р.Власова называет композицию Альберта Бенуа "Иллюминация Москвы", легкую, нарядную, овеянную романтикой; акварель В.Серова "Миропомазание Николая II", написанную удивительно свободно, в броской импрессионистической манере. Особенно выделены ею эскизы А.Рябушкина, из частного собрания.

Среди документов архива Академии художеств есть расписка А.Эдельфельта на русском языке о получении платы за одну исполненную акварель "Представление Их Величествам депутации старшин Донских казаков, от 2 марта 1897 г. (деньги по этой доверенности должен был получить помощник хранителя музеев при Императорской Академии художеств Э.Визель). В сентябре вице-президент Академии обнаружит, что не все сюжеты сданы, и не все исполненные рисунки - одинакового достоинства. В декабре все участники, в том числе А.Эдельфельт, получают депеши об отмене заказа, "как потерявшего значение современности". Возможно, три не востребовавшихся эскиза А.Эдельфельта существуют в финских собраниях. Принятые комиссией работы и составили названный "Альбом рисунков, исполненных художниками во время Священного коронования 1896 года"

в художественно выполненном кожаном переплете, выпущенный в 1899 г. в типографии О.Кирхнера. Это оригинальные произведения, хранящиеся в Русском музее. Два тома коронационного сборника находятся в Отделе эстампов Российской национальной библиотеки.³⁵²

Известно, что одновременно с командировкой А.Эдельфельт работал над официальным портретом Николая II (для Финляндии), чек на получение трех тысяч рублей за этот портрет был отослан художнику в Москву.³⁵³ В сцене депутации казачьих войск для коронационного альбома портретное сходство царя передано очень точно. Поздравление происходит в одном из орденских залов Кремлевского дворца - Андреевском. Свод зала поддерживают пилоны, покрытые золоченой лепкой, стены обтянуты голубым шелком цвета ленты ордена Андрея Первозванного, основанного Петром Первым. У противоположной входу стены - императорский трон на возвышении, с пологом, подбитым горностаем. Паркет, разных пород дерева, замечателен богатством рисунка. Именно залитый светом из окон и люстр блеск паркета игрой рефлексов, бликов и теней в первую очередь притягивает глаз. Льется яркий свет из восьми бронзовых люстр, третий поток света исходит из смежного Александровского зала. "При эффектном электрическом освещении залы представляли блестящий вид", - свидетельствует в заметках о коронации корреспондент «Нивы».³⁵⁴ И только потом замечаются три удачно скомпонованные на листе группы - депутация казаков в длинных форменных кафтанах, теснящихся в ряд, стайка нарядных придворных дам с лорнетами, в глубине, и наконец, царская чета - на фоне балдахина с золотыми шнурами и вензелями, у ступеней, ведущих к трону, спокойно и с достоинством принимающая поздравления. Николай в парадном мундире и голубой орденской ленте, на Александре бальное платье с длинным шлейфом, Андреевской же лентой, на голове - бриллиантовая диадема. Она протягивает руку склонившемуся в поклоне бородатому казаку с посохом, символом власти: это композиционный центр картины. Колорит строится на контрастах желтого, синего и белого (требования задания ограничивались использованием трех цветов), причем желтый цвет - цвет

золота и солнечного света - активен и организует единство цветового строя.

Художник-акварелист Н.Н.Каразин (1842-1908), иллюстратор, выполнявший натурные рисунки коронации Александра III в 1883 г., тогда же представил и сцену депутации казачьих войск: огромный зал растянут в ширину, залитый огнем, он переполнен приглашенными - послами и министрами, военными и представителями дворянства – хотелось уместить всех.³⁵⁵ Поэтому в центре толпы теряются фигурки императрицы в роскошном туалете, и царя рядом, будто позирующего для фотографа. Работы А.Эдельфельта обнаружила тонкое композиционное чутье, которое подсказало художнику именно данное ее построение. Выбранный им вертикальный формат усиливает впечатление значительности сцены, ее величественный характер. Тема, так мучившая И.Репина - царь и народ на фоне придворной знати - их противопоставление - здесь разрешается с помощью действия.³⁵⁶ На первый план А.Эдельфельт помещает стоящего спиной офицера-распорядителя, руководящего депутацией, что усиливает композиционную жизненность сцены. В 1893 г., принимая в Гельсингфорсе выставку Общества русских акварелистов, финская критика отмечала мягкость и тонкость отделки, виртуозность исполнения и художественную самостоятельность представленных работ русской школы (это касалось и Н.Каразина, участника I выставки русских акварелистов в 1886 г., и А.Бенуа, и других). Финляндцы же, сообщали они, пишут акварели широко, живо и смело, не обращая внимания на изящество отделки.³⁵⁷ Коронационная акварель А.Эдельфельта соединила в стилистике черты двух школ.

Современники неоднократно подчеркивали жизнеутверждающий тон картин А.Эдельфельта. Автор монографии о нем М.Кайпайнен писала, что "художник был, как призма, которая поворачивается к свету и пытается отбросить изображение еще более светлым, чем оно есть на самом деле".³⁵⁸ Обычно А.Эдельфельта помнят прежде всего в качестве главного проводника финско-французских художественных связей, но он стал также основополагающей фигурой в области финско-русских культурных взаимоотношений.³⁵⁹ Участие в группе художников на торжествах коронации говорит

не только о признанном даровании А.Эдельфельта, но о его особом авторитете и компетентности.

Пушкинские дни в Скандинавских странах в 1937 г.

Международное сотрудничество в области культуры способствует формированию внешнеполитических стереотипов, которые определяют «образ страны» в общественном сознании других народов. Значение этого феномена в современной системе международных отношений постоянно возрастает, свидетельством тому явилась разработка МИД РФ концепции «Внешняя культурная политика России – 2000».³⁶⁰

Ярким историческим примером взаимосвязи политических и культурных отношений между странами стало проведение во многих странах мира в 1937 г. «Пушкинских дней», посвященных памяти великого русского поэта в связи со 100-летием его гибели. В организации этих дней проявилось стремление мировой общественности почтить память А.С. Пушкина, продемонстрировать свое глубокое уважение русской культуре, заинтересованность в развитии сотрудничества в области культуры с СССР. Для советской дипломатии «Пушкинские дни» стали поводом внедрения в мировое общественное мнение новых черт внешнеполитического образа страны, связанных с представлениями иностранцев о прошлом и настоящем культуры России, о духовных истоках формирования ее политической системы. Решая эти задачи, советские организаторы «Пушкинских дней» стремились предложить некую альтернативу традиционным пушкинским фестивалям русской культуры, которые проводились в Праге эмигрантами из России. Кроме того, необходимо было укрепить пошатнувшийся в глазах мирового общественного мнения престиж СССР. Разворачивавшаяся в 1936 г. волна политических репрессий в СССР вызвала у интеллигенции зарубежных стран негативную реакцию. Советская дипломатия пыталась сгладить ситуацию, привлекая внимание общественности к проблемам великой русской культуры.

Этот процесс нашел отражение в развитии культурных связей СССР

со скандинавскими странами. Так, например, деятельность общества «Датско-русское сотрудничество» в 1936 - 1937 гг. была посвящена выявлению общих традиций в культурах наших народов. В обществе были прочитаны доклады об СССР и взаимном влиянии русской и датской литератур, с помощью общества была организована выставка и прочитан доклад о советской детской книге, которые вызвали многочисленные отклики в датской прессе.³⁶¹ Под эгидой общества прошли «Пушкинские дни»: собрание состоялось 8 марта 1937 г. в офицерском клубе Копенгагена. В фойе располагалась выставка, посвященная А.С. Пушкину, преобразованная затем в экспозицию Королевской библиотеки. Зрительный зал, вмещавший 400 зрителей, был переполнен. Присутствовали представители правительства и общественности страны. Доклад сделал поэт и литературный критик О. Галстед. 10 февраля датское радио передало выступление известного писателя Томансена, посвященное памяти А.С. Пушкина.³⁶²

В середине 30-х гг. после некоторого перерыва активизируются советско-шведские культурные связи. По сообщениям А.М. Коллонтай, «Общества для поощрения культурных и научных связей между Швецией и Советским Союзом» с большим успехом провело «Пушкинские дни». В обществе были прочитаны публичные доклады о творчестве М. Горького и А.С. Пушкина. Собрания общественности по поводу этих событий отличались невиданной до этого представительностью. Среди гостей можно было увидеть членов парламента Швеции, крупных общественных деятелей, научную и творческую интеллигенцию, видных лиц, представлявших шведские предпринимательские и финансовые круги также по инициативе шведского общества в прессе были опубликованы статьи о творчестве великого русского поэта.³⁶³

Улучшение в 1933 г. советско-норвежских отношений способствовало созданию Общества культурного сближения с СССР в Норвегии. Общество пользовалось широкой поддержкой среди норвежской творческой общественности, его деятельность имела значительный резонанс в культурной жизни страны. В волнующее событие вылился вечер 11 февраля 1937 г., организованный в Осло и посвященный памяти А.С. Пушкина. На-

кануне в университетской библиотеке столицы открылась выставка о жизни и творчестве русского поэта, которая действовала в течение шести недель и пользовалась популярностью у посетителей. Вечером 11 февраля в Актовом зале университета состоялось собрание общественности. На нем присутствовал министр иностранных дел Норвегии Х. Кут, деятели науки и искусства. Был исполнен пролог о гибели Пушкина, воспевавший поэта-борца за свободу народа, написанный специально для этого вечера Н. Григом. Прозвучали отрывки из произведений А.С. Пушкина, состоялась лекция об его эпохе. С серьезным докладом о творчестве А.С. Пушкина выступил литературный критик Э. Краг. Пушкинской теме была посвящена передача норвежского радио.³⁶⁴

В середине 30-х гг. XX в. в общественном сознании мировой интеллектуальной элиты, под влиянием достижений СССР в области культурного строительства, возобладало представление о преемственности в развитии отечественной культуры. Широко распространенный в 20-х гг. стереотип общественного сознания, трактовавший период революционных потрясений в России как процесс разрушения культуры, был преодолен. Культура эпохи советского развития 20 – 30-х гг. теперь расценивалась в качестве результата неоднозначного и противоречивого быстрого экономического и социального подъема страна, роста прогрессивных тенденций развития российской цивилизации. В период «Пушкинских дней» общественность скандинавских стран впервые познакомилась с трактовкой творчества поэта, предложенной пушкиноведами советского времени. В ней А.С. Пушкин представал не только как великий национальный русский поэт, но как личность близкая по духу декабристам, творчество которой вплеталось в один поток с революционно-демократическим течением, боровшимся с тиранией самодержавия и крепостничества. Доводы отечественных литературоведов того времени скандинавской общественности показались настолько убедительными, что она восприняла новый образ русского поэта. Вместе с тем в общественном сознании утверждалось и новое представление о советской России, как стране продолжившей и развившей прогрессивные традиции русской культуры. Это, безусловно, способствовало формированию поло-

жительного внешнеполитического образа СССР, создавало благоприятные условия для сотрудничества и в политической области. Отчасти А.С. Пушкин помог подправить пошатнувшийся в глазах мировой общественности имидж лидеров Советского Союза. Проведение «Пушкинских дней» в 1937 г. в скандинавских и других странах мира явилось одним из крупных успехов советской «культурной дипломатии» предвоенного периода.

**Русская Православная церковь в Финляндии
в XIX – начале XX вв.**

Одной из неотложных задач, вставших перед русским правительством, после того как 5 сентября 1809 г. в Фридрихсгаме был подписан мирный договор со Швецией, по которому в состав Российской империи было включено Великое Княжество Финляндское, стала задача организации церковного управления для проживавшего на новоприобретенных землях православного населения. Неотложность задачи определялась включением в состав православной империи организационно структурированного ино-словного анклава, внутри которого приверженцы православия, превратившегося в одночасье из маргинального для Шведского королевства культа в государственную религию империи, составляли канонически неорганизованное меньшинство. Накануне присоединения, по данным еще шведской переписи 1804 г., всего православных жителей в Финляндии было насчитано 27.454 человека, проживающих, главным образом, на восточных окраинах, вблизи русской границы³⁶⁵. После Высочайшего указа от 11 декабря 1811 г., по которому к Великому Княжеству Финляндскому присоединялась "Старая Финляндия", т.е. Выборгская губерния, входившая в состав империи еще с восемнадцатого века, численность православного населения увеличилась до 34.212 человек при 21 церкви.³⁶⁶ (В указанное число православных не входят военнослужащие частей, расквартированных в Великом Княжестве).

Первым шагом стало учреждение Духовного правления для церквей православного ведомства, состоявшего под управлением Санкт-Петербургской Духовной консистории.³⁶⁷ Председательствующим назначался по должности протоиерей Выборгского Спасо-Преображенского собора. Невысокий административный статус православного управления проистекал из малочисленности православной паствы в Финляндии.

В 1826 г. церкви военного ведомства были отделены от епархиального управления, и отчетность по ним (в том числе о количестве прихожан) стала поступать к Обер-священнику армии и флота, но т.к. в небольших гарнизонах часто не было собственной церкви, то военные пользовались церквями епархиального ведения, что затрудняет определение общего числа православных прихожан. По записке Г. Кеппена, составленной для Санкт-Петербургской Академии Наук, в 1838 г. в Финляндии проживало 36.038 православных жителей, из них: в Выборгской губернии 30.513 человек, в Гельсингфорсе 258 человек; в Куопиоской губернии 5.111 человек; в Нейшлоте 156 человек.³⁶⁸

К 1851 г. число православных достигло 45.227 человек при 21 церкви (по данным СПб Духовной консистории), при общем населении Финляндии более 1,5 млн. чел.³⁶⁹

К концу XIX столетия картина выглядела следующим образом:

Всего в Финляндии проживало 53.986 православных при 72 церквях. Действовало два монастыря – первоклассный Спасопреображенский мужской монастырь на острове Валаам (203 монаха и 112 послушников) и трехклассный Коневский Рождественский (66 монахов и 21 послушник). Кроме того в 1895 г. была учреждена Свято-Троицкая женская община в Линтула, для чего из Пензенской губернии были привезены две монахини и три десятка послушниц.³⁷⁰

В 1892 г. в Финляндии была учреждена самостоятельная епархия.

Решение о ее учреждении последовало в качестве реакции на данные, содержащиеся в отчете Обер-прокурора Св. Синода за 1890-1891 гг. Согласно представленному на Высочайшее имя отчету православная церковь в Финляндии находилась в подавленном состоянии, причиной которого была административная автономия края. В кратком историческом экскурсе говорилось о пагубных последствиях указа от 11 декабря 1811 г., по которому произошло присоединение православной Карелии к Великому княжеству Финляндскому. Отмечалась неуклонная забота финской администрации о вытеснении православного влияния в крае, о распространении лютеранских начал. Данному обстоятельству способствовал серьезный языко-

вой барьер – для финского и карельского населения и разговорный русский язык был чуждым, а применяемый при богослужении церковнославянский и вовсе непостижимым. Православное духовенство ни по своему составу, ни по способу назначения на места не отвечало местным требованиям. Чаще всего православные священники не знали финского языка, обычаев; при определении их на места редко принималось в расчет желание прихода. Лишь в двух-трех приходах священники на свой страх и риск проводили богослужение на финском языке. Почти полностью отсутствовала соответствующая литература на финском языке (кроме примитивных изданий катехизиса Филарета в переводе Фримана (1879 г. и 1881 г.), которыми по общему мнению духовенства лучше было и не пользоваться. Отсюда происходило искаженное представление о православии, пренебрежение обрядовой практикой, соблюдение лишь тех таинств, которые признаются и лютеранской церковью. Немалую проблему составляла также территориальная разбросанность православных приходов – на 80-120 верст друг от друга, вследствие чего священники были не в состоянии охватить пастырской заботой всех прихожан, а те часто посещали храмы один-два раза в год.

Шагом, предпринятым для укрепления православия, стало учреждение отдельной епархии на территории Финляндии. Ее возглавил архиепископ Антоний (Вадковский) (1846-1912), бывший прежде ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии и епископом Выборгским – один из выдающихся деятелей православия, которого отличали и обширная образованность и интерес к вопросам современности.

Он считался признанным специалистом в области инославия и миссионерской работы. Владыка Антоний полагал, что если финнам представить православие в привлекательном виде, то они потянутся к нему, т.к. лютеранство, по его мнению, сухо и бедно открывает тайны христианской церкви. Но ему пришлось впоследствии пережить разочарование, а из-за испорченных отношений с генерал-губернатором Финляндии Н.И. Бобринским, который счел архиепископа опасным либералом, покинуть край (1898 г.). Начало 1890-х годов вообще ознаменовалось наступлением на лютеран в масштабах государства. Закон 1894 г. запрещал лютеранскому ду-

ховенству венчать лютеран с православными, крестить детей от смешанных православно-лютеранских браков, допускать их позже к конфирмации. Но на Финляндии из-за ее автономии этот закон не распространялся и поэтому здесь не годилась чисто административная практика, а внимание церковных властей было обращено на православное воспитание в школах. Высочайшее повеление от 5 марта 1883 г. обязывало всех православных священников в Финляндии знать язык своих прихожан, но условий для соответствующей подготовки не создавалось. Возникли сложности и с переводом богослужбных книг – у населения Карелии отсутствовал литературный язык, а разговорный распадается на диалекты и богослужение на каждом из них было сочтено невозможным. Поэтому обучение паствы русскому языку было признано оптимальным выходом из тупика. Таким образом на первый план выдвигалась организация школьного дела. Но положение школ было чрезвычайно запутано с административной стороны. В ведении православного ведомства к концу XIX столетия находилось 69 начальных школ, количество учащихся которых составляло 2744 человека. Средняя школа целиком находилась в ведении лютеранской церкви и православные ученики должны были соблюдать ее порядки (православные праздники не отмечались, занятий не было только в лютеранские праздники, часто отсутствовали преподаватели Закона Божьего и занятия не проводились или проводились лютеранами и т.п.). Вокруг этого обстоятельства происходили многочисленные словопрения и в Св. Синоде и в Императорском Финляндском совете. Окончательное решение состоялось только в 1903 г., когда был установлен ряд праздников (дванадцатые, царские дни и т.п.) – всего 35 дней, не считая каникул, в течение которых все занятия прекращались, если число учащихся-лютеран превышало одну треть от общего количества. Кроме этого было установлено, чтобы на должности учителей Закона Божьего в православных школах и для православных учащихся в школах смешанных назначались исключительно православные, даже если у них отсутствовали соответствующие подготовка и опыт.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. положение православной церкви вышло за рамки конфессионально-административной проблемати-

ки. Ввиду начатой правительством политики русификации национальных окраин империи в церковной и около церковной печати началась публикация многочисленных материалов, отражающих бедственное состояние православия в Финляндии. Создать атмосферу общественной заинтересованности вокруг этого вопроса в России не удалось, но обстановка взаимной нетерпимости православных и лютеран в Финляндии стала реальностью. Революция 1905-1907 гг. еще более усложнила положение вещей, создав проблемы, решить которые правительство империи так и не смогло.

Из истории возникновения методизма в России: русская община епископальных методистов в Гельсингфорсе в начале XX века.

Путь проникновения методизма в Россию был достаточно сложен. По признанию методистских проповедников “дверью, через которую они вошли в Россию, была Финляндия”.³⁷¹ Возникнув в Великобритании, методизм получил широкое распространение всюду, куда доходили английские суда - сперва в Соединённых Штатах Америки, а затем в Европе. В свою очередь расширение американского епископального методизма происходило по мере приобретения могущества и распространения власти Соединённых Штатов. Подобно британским уэслианским методистам, американские миссии епископальных методистов основывались как среди христианских народов, так и среди иноверцев. В 1848 г. была образована первая миссия методистов в Германии. Она стала самой обширной методистской миссией в Европе и своеобразным плацдармом для проникновения епископального методизма в другие европейские страны. Здесь же в Германии были обращены в методизм и несколько матросов, выходцев из Норвегии, Швеции и Дании. После возвращения на родину они начали проповедь методизма в странах Северной Европы. К 1868 г. в приморских городах этих стран действовало 19 методистских миссионеров, а методистские общины насчитывали до 800 человек³⁷². Основной формой распространения методизма во всём мире были религиозные собрания и уроки в воскресных школах.

Дело методизма в Финляндии, входившей в состав Российской империи на правах автономного Великого Финляндского княжества, было начато в 1880 г. местным проповедником К.И. Линдборгом в городе Ваза³⁷³. Спустя четыре года 7 ноября 1884 г. была организована первая шведская методистско-епископальная община в Гельсингфорсе, в которой состояли “23 члена на испытании и 8 членов в полном обращении”³⁷⁴. “Это были первые плоды миссионерской деятельности, предпринятой съездом Шведской

конференции 1884 года”.³⁷⁵ Проповедником в Финляндию по просьбе местных методистов епископом Б.А. Гурстом был назначен пастор Карлсон. Он был уполномочен, не ограничиваясь Гельсингфорсом, распространять учение методизма на новые районы страны. Результатом его деятельности было образование в Гельсингфорсе финской методисткой общины под руководством предприимчивого и энергичного пастора, бывшего помощника Карлсона, И.В. Хеггмана.

Решающее значение в судьбе финской методистской общины сыграло “Высочайшее его императорского величества постановление о христианских религиозных обществах в Финляндии иного протестантского вероучения кроме евангелическо-лютеранского” от 11 ноября 1889 г. Первый параграф постановления гласил: “протестантские религиозные общества, которые основывают свои верования на Библии и Апостольском Символе веры, но не принадлежат к евангелическо-лютеранской церкви, имеют впредь право, как иноверческие общины, открыто исповедовать свою веру”. Постановление устанавливало порядок учреждения в Финляндии новых религиозных обществ. Для регистрации такового на высочайшее имя было необходимо представить прошение с письменным изложением правил своего вероучения и церковного устройства, а также указанием места или местности, где предполагалось организовать приход. Если их вероучение и церковные правила не содержали ничего противного законам и общественной нравственности, то ходатайство подлежало удовлетворению в Сенате. Третьим параграфом постановления новым приходам давалось право самим приглашать проповедника или наставника из числа лиц безукоризненного поведения, а также вменялось в обязанность назначать попечителем образованное лицо из финляндских граждан. Попечитель был обязан наблюдать, чтобы при общественном богослужении и других религиозных обрядах в приходе не нарушался закон и общественный порядок. Ему же поручалось ведение списков прихожан и составление ведомостей, которые он должен был в случае требования предъявлять в суд или губернатору, и на их основании выдавать свидетельства, предоставлять статистические сведения о численности прихожан. Общинам запрещалось во всех случаях кроме похо-

рон устраивать общественные процессии на дорогах, улицах, площадях или в других, находящихся вне церкви или кладбища местах. Правительственные власти наделялись правом свободного доступа к их богослужению. Члены подобных протестантских не евангелическо-лютеранских церковных обществ освобождались от личного сбора в пользу духовенства и церковнослужителей других исповеданий, если содержали своё духовенство. Этот законодательный акт дополнялся “Постановлением о праве финляндских граждан, принадлежащих к христианской вере не евангелическо-лютеранского исповедания занимать должности и служебные места в крае”. В нём, в частности, говорилось, что “различие в христианском исповедании не влечёт за собой никакого различия в правах и обязанностях финляндских граждан”.³⁷⁶

Данные постановления открывали возможность легализации деятельности методистской общины в Финляндии. Зимой 1891 г. финляндский сенат рассмотрел поступившее от проживающих в Гельсингфорсе “строительного мастера Франца Акселя Линдстрема, маляра Михаила Ричарда Фердинанда Лун деля, маляра Альберта Александра Гренгольма и его жены Каролины Сицилии, скульптора Карла Стремсгольм и его жены Христианы, плотника Леандера Матсона, девицы Хильды Боден, швеи Хульды Гюлленберг, вдовы подмастерья-каменщика Хедвиги Густавсон, работника Карла Фердинанда Бломквиста и его сына Франца Фердинанда, жены матроса Ольги Фредерики Селин и каменщика Иогана Морица Михалона Седергольма и его жены Евы Христины” прошение о разрешении им “образовать в Финляндии методистско-епископальное церковное общество и учредить в городе Гельсингфорсе церковный приход”. К прошению были приложены заявления о выходе из евангелическо-лютеранской церкви и изложение правил методистского вероучения и церковного устройства³⁷⁷. В них говорилось, что методистская епископальная церковь в Финляндии придерживается установленного Джоном Уэсли протестантского вероучения и церковного устройства, основывая свою веру на канонических книгах Ветхого и Нового заветов и признавая Апостольский Символ веры, и, согласно постановлению от 11 ноября 1889 г. образует своё особое церковное обще-

ство, разделённое на церковные приходы. Как следует из данного документа, на 1891 г. в Финляндии существовало уже четыре церковных прихода в городах Гельсингфорсе, Або, Экенесе и Николайстаде (Ваза). Каждый приход состоял под попечением наставника или проповедника-наставника, а общий надзор за методистско-епископальными приходами в Финляндии возлагался на председательствующего старосту. Церковь допускала принятие присяги и во всех вопросах обязалась подчиняться действующим в крае законам и постановлениям³⁷⁸. По рассмотрении данного прошения сенат счёл его заслуживающим уважения и разрешил образование общества и церковного прихода в Гельсингфорсе с условием, что приход будет иметь надлежащее попечение о начальном обучении детей согласно правилам, установленным для евангелическо-лютеранских приходов, будет вести все необходимые церковные книги в соответствии с принятыми формами и вступит в пользование своими правами с 1 января 1892 г.³⁷⁹.

Таким образом, из приведённых выше документов видно, что официально признанная законом в 1891 г. методистско-епископальная церковь в Финляндии состояла преимущественно из выходцев из Швеции и не отличалась большой численностью. Более того, данные документы предоставляют нам редкую возможность судить о социальном составе методистской общины. Они показывают, что новая церковь пользовалась успехом по преимуществу среди горожан простого происхождения, принадлежащих к ремесленным специальностям. Данный факт является наглядным доказательством в пользу сделанного одним из первых отечественных исследователей методизма А. Булгаковым замечания, что методистские проповедники имели наибольший приём среди менее образованных членов общества, «большой частью необеспеченных в материальном отношении, которые своей духовной жизни могли и могут посвящать весьма немного остающегося от трудов свободного времени», которых привлекало в методизме решение наиболее интересующих простого человека жизненно-практических вопросов³⁸⁰.

В 1891 г. один из первых проповедников методизма в Финляндии Б.А. Карлсон вернулся в Швецию, и на его место пастором шведской общи-

ны в Гельсингфорсе был назначен Н.И. Розен. Продолжая дело своего предшественника, он повёл активную работу среди финноязычного населения края и через посредство переводчика с весны 1892 г. организовал проповеди для финнов. Результатом проповеднической деятельности пасторов Н.И. Розена и И. В. Хеггмана стало открытие в 1894 г. финской методистско-епископальной церкви в Гельсингфорсе, из которой вышли такие активные финские проповедники методизма как Ауланко, Летонен, Нурми, Харрас, Валкама и др. Легализация методистской церкви в Финляндии сделала возможным выделение её в самостоятельный финляндский округ с назначением на пост суперинтендента пастора Розена. Это произошло в 1898 г. В 1904 г. Н.И. Розена на посту пастора шведской общины сменил пастор К. Гуртинг, который в 1906-07 гг. осуществил давнюю мечту финских методистов - строительство собственного храма Св. Эммануила в центре Гельсингфорса на Фридрихской площади.

С течением времени приняли регулярный характер проводившиеся в церкви Св. Эммануила проповеди на русском языке для русских. Их читал «проповедник всей финляндской методистской церкви для русских» Александр Иванович Иванов. В 1910 г., он отмечал, что « в прежнее время приходило послушать слово о Царствии Божьем желающих человек 40-50, а теперь более 400 человек различных классов : интеллигенция, учащиеся, военные, торговцы, а также рабочие различных цехов»³⁸¹. Подобный успех проповедей Иванова способствовал тому, что в располагавшейся неподалёку от церкви св. Эммануила на Редбергской улице капелле, носящей название Виеезда и принадлежавшей финским методистам, были организованы русские богослужения³⁸².

Личность проповедника А. И. Иванова была во многом примечательна. По сохранившимся весьма противоречивым источникам он предстаёт с одной стороны в качестве первого проповедника методизма для русских в Финляндии, с другой - как последователь учения евангельских христиан, основавший секту «трясунов» или пятидесятников. В немалой степени этому способствовало отсутствие у департамента духовных дел достоверной информации о протекающей в Гельсингфорсе религиозной жизни среди

русского населения. Последняя находилась под наблюдением Финляндской жандармерии, служащие которой плохо разбирались в различиях между активно появляющимися в тот период новыми религиозными общинами.

Бывший православный псаломщик Александр Иванович Иванов переехал в Гельсингфорс в 1909 г. В начале XX века ему довелось некоторое время проживать в Англии и обучаться в коллеже Спержанта, где он, возможно, впервые и познакомился с евангелическими учениями баптизма и методизма. По возвращении в Петербург А. Иванов, “воспитанный в духе методистской епископской церкви” (как указывалось в документах департамента полиции в 1916 г.), с разрешения Святейшего Синода и губернских властей вместе со всей своей семьёй перешёл в евангельское христианство³⁸³. Вскоре его религиозное рвение и талант проповедника привлекли внимание И. С. Проханова, который назначил Иванова сперва проповедником в Выборг, а затем в Гельсингфорс, где в 1909 г. открылось отделение петербургской общины евангельских христиан. Однако в 1913 г. среди гельсингфорских евангельских христиан произошёл раскол, оформивший возникшие ещё ранее на рубеже 1900-1910-х гг. разногласия среди членов общины³⁸⁴. Причиной раскола послужил сюжет из Деяний апостолов, повествующий о дарах святого духа, данных ученикам Христа в день древнееврейского праздника пятидесятницы. Одним из этих даров была - глоссалия, говорение на непонятных языках. В отличие от ортодоксальных церквей и иных протестантских учений, считавших, что дары святого духа были продемонстрированы людям лишь однажды, последователи новой секты, считали возможным получение данных даров верующими в результате крещения святым духом³⁸⁵. Последователей данного вероучения, отколовшихся от евангельских христиан, и возглавил в 1913 г. проповедник Иванов, сняв для них, “свободных русских евангелистов”, отдельное помещение под молельню на Аннакату, 8. В июне 1914 г. он разъяснил в департаменте полиции, что вероучение, исповедуемое возглавляемой им общиной, основывалось на “Вероучении евангельских христиан”, но было дополнено учением о “Пробуждении вследствие сошествия святого духа и о крещении огнём и духом”. На вопрос, с какого времени существует в пре-

делах края основанная им секта, он ответил, что дело проповеди Евангелия для русских в Гельсингфорсе было начато ещё до его приезда в 1909 г. местными методистами, а с 1910 г. продолжено им. По имеющейся в департаменте духовных дел информации на молитвенных собраниях, проходивших под руководством Иванова царила атмосфера религиозной экзальтации. Под влиянием пламенных речей проповедника верующие “впадали в истерики, тряслись, издавали крики и заговаривали, как бы пророчествуя, на непонятных языках”, за что получили в народе прозвище “трясунов” или название пятидесятников. Однако сам Иванов неоднократно выступал против названия секты “христиан евангельских пятидесятницы” и настаивал на самоназвании гельсингфорской общины - “Русские евангельские христиане”³⁸⁶.

Социальный состав вновь образовавшейся секты отличался однородностью. Ближайшими сподвижниками Иванова были бывшие евангельские христиане купец Смирнов, выходцы из крестьян отставной кондуктор флота Ф.А. Тучков (перешедший в секту из православия в 1912 г.) и телеграфист А.К. Чернухин (так же отпавший в секту в 1912 г. под влиянием проповедей Иванова), мещанин из Либавы, латыш Вецгавер (в бытность свою в Дании он начал посещать собрания членов Армии Спасения, по причине чего изменил свои религиозные убеждения и поступил в семинарию методистской епископской церкви, где получил право читать проповеди, после переезда в Гельсингфорс стал посещать молельню пятидесятников)³⁸⁷. Основную массу слушателей проповедей Иванова составляли русские мастеровые, рабочие и мелкие служащие, а так же матросы стоявших на рейде в Гельсингфорсе военных российских судов и низшие чины сухопутных войск гельсингфорского гарнизона. Далекое не все они были членами общины, многих из них привлекала на собрания возможность послушать на родном языке проповедь на животрепещущие для них темы. Наибольшее опасение и беспокойство властей вызывала всё возрастающая популярность проповедей Иванова среди солдат и матросов. Уже в 1912 г. в департамент полиции поступило секретное донесение начальника Финляндского жандармского управления. Как указывалось в донесении причиной, иницииро-

вавшей появление этого документа, стала “усиливающаяся деятельность в городе Гельсингфорсе секты методистов”, “которые, отрицая церковь и священные обряды, стали проводить, между прочим, и идеи антимилитаризма”. Например, 4 марта 1912 г., когда на собрании присутствовало особенно много матросов, проповедник Иванов сказал, что знаки отличия и чины, жалуемые военным служащим за заслуги, составляют лишь земной интерес, за который, однако, гибнут напрасно сотни человеческих душ. Матросы с интересом обсуждали эти слова”. Ещё больший вред, по мнению полиции, приносили резкие высказывания проповедника в адрес властей, которые могли быть истолкованы весьма двусмысленно. Так, 7 марта на своей “проповеди он коснулся вопросов существующего строя в России, высказав, что настанет скоро “наше время”, когда все объединятся в одно целое и не будет тогда братских убийств, которые совершаются теперь повсюду. Далее он добавил, что распространяться о всех несправедливостях, чинимых в России, какие ему известны в настоящее время он не может, ибо существуют ещё такие учреждения, которые заставляют язык молчать”³⁸⁸. Штаб Свеаборгской крепости издал указ, запрещающий нижним чинам посещать религиозные собрания, возглавляемые Ивановым, и взял с проповедника подписку, что он обязуется не пускать солдат и матросов на свои проповеди. По словам Иванова, он, в свою очередь, просил штаб крепости присылать в молитвенные дни в молельню наряд жандармов, с целью воспрепятствовать проникновению солдат в помещение молитвенного дома. “С этого времени нижние чины перестали посещать публичные проповеди Иванова, но расследованием было установлено, что названный проповедник устраивал для солдат частные собеседования, на коих внушал им антимилитаристские идеи, проповедуя, что не следует исповедывать православную веру, целовать крест, давать клятву в виде присяги, поступать на военную службу, носить знаки отличия и холодное оружие”³⁸⁹. Антивоенные мотивы в проповедях Иванова являлись, несомненно, в значительной мере местным явлением и были обусловлены особенностями среды, перед которой он выступал, но именно они обеспечивали проповеднику широкую аудиторию и способствовали распространению вероучения.

По сведениям начальника Финляндского жандармского управления, кроме публичных собраний, проводимых три раза в неделю по ранее указанному адресу недалеко от церкви Св. Эммануила, организовывались ещё и “секретные собрания”, на которые допускались лишь “проникшиеся всей душой члены секты”. Они происходили на частных квартирах членов общины, в частности у купца Смирнова или проповедника Иванова³⁹⁰. Подобное положение вещей стало абсолютно недопустимым в годы первой мировой войны, тем более что появились и первые “пагубные” плоды антимилитаристских проповедей Иванова. Участились случаи побегов нижних чинов с военной службы, причём Иванов давал им пристанище и оказывал материальную помощь из общинных средств, и неповиновения требованиям военного начальства. Так 19 июня 1915 г. несколько матросов-последователей Иванова- с корабля “Слава” отказались встать на места по боевой тревоге, за что были преданы военному суду. В ноябре 1915 г. Иванов, Тучков, Чернухин и Вецгавер были арестованы и сосланы в Тургайскую область под гласный надзор полиции, а их собрания запрещены, но они продолжались на квартирах у иных частных лиц вплоть до 1917 г.³⁹¹

Как видно из изложенного, проповедник Иванов имел возможность свободно развернуть свою деятельность в Гельсингфорсе. Новая секта пятидесятников благодаря усилиям Иванова долгое время числилась в жандармском управлении города как община евангельских христиан, на легальное существование которой было получено разрешение в 1909 г., или методистов, деятельность которых была разрешена Высочайшим постановлением от 11 ноября 1889 г. И когда впервые в 1912 г. Жандармское управление обратило внимание на общину, “самым существенным почитался не сам факт существования секты, а то обстоятельство, что проповедник Иванов проводил идеи антимилитаризма, и именно это послужило причиной к принятию мер, пресекающих его вредную деятельность”³⁹². По-видимому, на раннем этапе существования русской методистской общины в Гельсингфорсе руководство церкви не делало различия между проповедниками методизма и евангельского христианства. Обе общины сближала идея широкой проповеди Евангелия, как единственного возможного пути к спасению.

И хотя А. Иванов и принадлежал к числу евангельских христиан, благодаря незаурядному таланту проповедника, он в немалой степени способствовал увеличению числа слушателей на воскресных службах в капелле Виеезда. Несмотря на различия в религиозных доктринах, русские методисты в Гельсингфорсе и Петербурге, видели в евангельском христианстве наиболее близкое по духу к методизму вероучение; на страницах “Христианского поборника” регулярно помещались заметки посвящённые жизни общин евангельских христиан, а их члены были частыми гостями на методистских собраниях. Вероятно, раскол в среде гельсингфорских евангельских христиан и переход Иванова в ряды новой общины пятидесятников стал причиной разрыва между методистами и ним. Методизм был далёк от антивоенной агитации, и тем более колебания основ православия и государственного устройства, в чём был уличён проповедник Иванов. Методисты неоднократно выражали свои верноподданнические настроения, в годы войны вместе со всей страной молились о победе над врагом и гибли на полях сражений. Уже в конце 1913 г. русскую методистскую общину в Гельсингфорсе возглавил методистский проповедник Н. Пейсти. Он писал: “работа в Гельсингфорсе среди русских очень осложнена, потому что начало здешней евангелизации хоть и было положено нашей церковью, потом, благодаря некоторым проповедникам свободной церкви, весь народ был перетащен почти неизвестно для них самих в одну из других евангелических общин, так что теперь люди чуть ли не враждебно относятся ко всем евангельским движениям”³⁹³.

Первоначально проповедь методизма в Финляндии подвергалась гонениям со стороны лютеранской церкви, но активная работа на социальном поприще и открытие постоянно действующей воскресной школы способствовали росту авторитета методистских общин, что выразилось в увеличении числа их последователей. По статистическим данным лютеранской церкви в 1912 г. на территории Финляндии насчитывалось 627 приверженцев методистской церкви. Данный факт вызывал у лютеран обоснованную тревогу, ибо несмотря на кажущуюся не многочисленность методисты выделялись на фоне других представленных на тот момент в Финляндии кон-

фессий быстрыми темпами роста численности своих последователей (за четыре года их численность увеличилась на 21%). При этом указывалось, что “методисты вербуют своих последователей не считаясь с требованиями закона”.³⁹⁴ Несколько отличные от этих данных приводят сами методисты. По их подсчётам в 1912 г. методисты в Финляндии насчитывали до 1800 членов и 3600 приверженцев при 33 проповедниках, 45 местах для проповеди, 12 церковных постройках, богословской семинарии, шведском и финском книгоиздательствах, доме диаконисс, сиротском приюте и воскресных школах, в которых училось 3569 детей под руководством 170 преподавателей³⁹⁵. Богословская семинария располагалась в Гельсингфорсе, в ней насчитывалось 10 учащихся. Ещё 8 человек проходили подготовку в методистских учебных заведениях во Франкурте на Майне и в Америке. Полем их будущей деятельности должна была стать Россия. Следует заметить, что методисты, проживающие на территории Финляндии, разделялись на принадлежавших к Методистской епископской церкви и на образующих Свободную финляндскую методистскую церковь.

¹ Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003». СПб., 1999. С. 431-490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001.

² Биобиблиографический словарь. Художники народов СССР. Т. IV, кн. 2, М. 1995. С. 579 - 581.

³ Клодт Г. А. Повесть о моих предках. М., 1997. С. 37- 128.

⁴ См.: Посохина Е.З. О творческом методе П.К. Клодта // Проблемы развития русского искусства. Тематический сборник научных трудов ИР. Вып. 17 (ротапринт). Л., 1984. С. 47-51; Церетели Е. З. Конные группы Аничкова моста... // Там же. Вып. 18. Л., 1985. С. 41-49 ; Церетели Е.З. Памятник на Исаакиевской площади. // Там же. С. 50-58 ; Кривдина О. А. Творил для России [Памятник И.А. Крылову] // Художник, 1992, № 1-2. С. 59-63 ; Кривдина О.А. Малоизвестные факты истории создания памятника Николаю I в Петербурге // Сборник тезисов докладов конференции, посвященной итогам научно-исследовательской работы за 1997 г. СПб., 1998. С. 15-17; Кривдина О.А. Малоизвестные факты истории создания памятника Николаю I в Петербурге // Страницы истории отечественного искусства XVI - XIX век. Вып. V. ГРМ. СПб., 1999. С. 69-80; Карпова Е.В. Ваятели храма: Петр Клодт. // Наука и религия. 1998. № 6. С. 34-35; Конькова Г.И. Произведения П.К. Клодта фон Юргенсбурга в Музее Академии художеств. // Немцы в России. СПб., 1999. С. 376-382.

⁵ Отдел рукописей Государственного Русского музея (далее: ОР ГРМ). Ф. 69. Ед. хр. 1, 6, 12, 14.

⁶ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 789. Оп. 14. Д. 43-К.

⁷ ОР ГРМ. Ф. 69. Ед. хр. 1. Л. 1 - 4.

⁸ Там же. Ф. 69. Ед. хр. 12. Л. 14-14-об.

⁹ Там же. Ф. 69. Ед. хр. 12. Л. 16 - выписка из Гербовой книги. Русское Прибалтийское дворянство. Сост. Зибмахер, таблица 32. Другие источники указаны в кн.: Клодт Г.А.. “Лепил и отливал Петр Клодт...” М., 1989. С. 8-17.

¹⁰ Там же. Ф. 69. Ед. хр. 12. Л. 14-об.

¹¹ Там же. Л. 19.

¹² Там же. Л. 15. Другое описание баронского герба см.: там же. Л. 19 - 19-об.

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ ОР ГРМ. Ф. 69. Ед. хр. 1. Л. 1. Г.А. Клодт приводит написание фамилии матери П.К. Клодта - Е.Я. Фрейгольф, - см.: Г.А. Клодт. “Лепил и отливал Петр Клодт...” М., 1989. С. 20.

¹⁵ Артиллерийское Михайловское училище в Петербурге было основано в 1820 г. и размещалось в Выборгской части на Бочарной ул., 16 (ныне ул. Комсомола, 22). Сейчас здесь находится Военная Михайловская Артиллерийская Академия.

¹⁶ ОР ГРМ. Ф. 69. Ед. хр. 6. Л. 29; РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 43-К. Л. 5, - “Список о службе удостоиваемого к знаку отличия беспорочной службы Императорской Академии художеств 1-й степени профессора по части скульптуры Коллежского Советника Барона Клодта фон Юргенсбурга”. Составлен в ноябре 1852 г., в разделе № II приводится та же дата - 14 апреля 1823 г.

¹⁷ Указанные даты совпадают в “Списке о службе”, - РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 43-К. Л. 5 и документами из ОР ГРМ. Ф. 69. Ед. хр. 6. Л. 29.

¹⁸ ОР ГРМ. Ф. 69. Ед. хр. 6. Л. 1. При цитировании документа сохранена орфография подлинника.

¹⁹ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1865. Ч. II. С. 243.

²⁰ Ярнефельт А. Любовь моих родителей. Хельсинки, Поорво, 1976 (на финском языке).

²¹ Клодт Г.А. Повесть о моих предках. М., 1997.

²² Ряд фактов раннего периода жизни П.К. Клодта были сообщены О.А. Кривдиной в докладе «К изучению творческого наследия П.К. Клодта (1805-1867). Ранний период (1805-1833)» (Тезисы докладов конференции, посвященной итогам научно-исследовательской работы за 1999 год и 125-летию со дня рождения П.И. Нерадовского (1875-1962). ГРМ., СПб., 2000. С. 66-68).

²³ Карху Э.Г. Финляндская литература и Россия. 1800-1950. Таллинн. 1962. С. 113-270; Он же. История литературы Финляндии от истоков до конца XIX века. 1979. С. 123, 149, 168, 179, 203-205, 238, 273, 494.

²⁴ О семье Гротов см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. т. 18. С. 774-778; Императорская Академия Наук. 1889-1914 гг. т. III. ч. I. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пгр. 1915. С. 226-246, 262-263.

²⁵ Современник. 1838. т. IX.

²⁶ Грот Я.К. Поэзия и мифология скандинавов. Исландские саги // Отечественные Записки. 1839. т. IV. № 6, отд. III, С.1-38; Он же. Из шведских поэтов // Современник. 1839. т. XIII, С. 16-50; Он же. Зимние цветы. Шведский альманах. Современник // 1839. т. XIV. С. 5-20.

²⁷ Об этом см.: Переписка Я.К.Грота с П.А. Плетневым. т. I. С. 661-662.

²⁸ Грот Я.К. Несколько данных к его биографии и характеристике. (Автобиография, заметки, стихи, документы, библиография, составленные С.И. Пономаревым). СПб. 1895.

²⁹ Об этом см.: Переписка ... т. I С. 84

³⁰ Бородкин М. Финляндия в русской печати. СПб., 1902. С. 72-76.

- ³¹ Труды Я.К. Грота. т. I Из скандинавского и финского мира. 1839-1881. Очерки и переводы. СПб. 1891. 1071 стр.
- ³² Переписка ... т. II. С.268.
- ³³ Переписка ... т. II. С.269. Здесь речь идет об одной из лучших поэм Ю. Рунеберга, посвященной романтической героизации скандинавского прошлого. В письме упоминаются лекторы русского языка, работавшие одновременно с Гротом в Александровском университете.
- ³⁴ Переписка ... т. I. С. 13, 47. Грот Я.К. Литературные новости в Финляндии. Письмо из Гельсингфорса // Современник. 1840. т. XX. С. 24-85 (статья Аттербома о значении университетов; стихи неизвестного финского поэта Цесаревичу, Вел. Кн. Александру Николаевичу).
- ³⁵ Переписка ... т. I. С. 71.
- ³⁶ Там же. С. 76.
- ³⁷ Грот Я.К. Фритиоф. Скандинавский богатырь. Поэма Тегнера в русском переводе. Гельсингфорс. 1841; 2-е издание. Воронеж. 1878; 3-е издание. СПб. 1898. Об истории перевода и здания см.: Шарыпкин Д.М. «Сага о Фритиофе» Тегнера в русском переводе Я. Грота // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1963. № 321. в. 67.
- ³⁸ Грот Я. К. О финнах и их народной поэзии // Современник. 1840. № 3. т. XIX. С. 5-101. (Содержание «Калевалы»); он же. Из народного эпоса «Калевала» // Современник. 1840. № 3. т. XIX. С. 89-96.
- ³⁹ Терюков А.И. А. И. Шегрен и М. А. Кастрен // Россия и Финляндия в XIX – XX вв. Историко-культурный контекст и личность. СПб. 1998. С. 3-15.
- ⁴⁰ Карху Э. Финляндская литература и Россия ... С. 126-161.
- ⁴¹ Стрелки оленей, поэма Рунеберга. Перев. Грот. // Современник. 1841. т. XXII. С. 1-67; Грот Н.Я. «Надежда» Рунеберга. // Современник. 1841. т. XXIV С. 61-70, 79-89.
- ⁴² Карху Э. Финляндская литература и Россия ... С. 300-307. Он же. Малые народы в контексте истории. Петрозаводск. 1999.
- ⁴³ Юссила О., Хентилия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М. 1998. С. 34-44.
- ⁴⁴ Переписка ... т. III. С. 610.
- ⁴⁵ Переписка. Т. III. С. III.
- ⁴⁶ Переписка. Т. III. С. 630-631.
- ⁴⁷
- Механический завод «Людвиг Нобель». 1862-1912.
- ⁴⁸ Двадцатипятилетние Товарищества нефтяного производства Братьев Нобель: 1879-1904. СПб., 1904.
- ⁴⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГИА СПб). Ф. 1258. Оп. 4. Д. 516. Л. 26-50.
- ⁵⁰ Мешкунов В.С. Альфред Нобель и Императорский Институт Экспериментальной медицины в С.-Петербурге // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. №1. С. 121-128.
- ⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп.2. Д. 513. Л.1. Из официального письма судебного пристава С.-Петербургского столичного мирового съезда по 29 участку И.А.Плахова в С.-Петербургскую Казенную Палату от 31 мая 1897 г.
- ⁵² ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 2. Д. 513. Л. 1,2.
- ⁵³ Там же. Л. 2-3.
- ⁵⁴ Там же. Л. 5-5об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 24, 25.
- ⁵⁶ Там же. Л. 14, 14об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 25.
- ⁵⁸ Там же. Л. 25,25об, 33, 33об.
- ⁵⁹ Механический завод "Людвиг Нобель". 1862-1912.
- ⁶⁰ Тридцать лет деятельности Товарищества нефтяного производства Братьев Нобель. 1879-1909.
- ⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 3355. Л. 1,2,6-8,13-15.
- ⁶² ЦГИА СПб. Ф. 1258. Оп. 4. Д. 516. Л. 326.
- ⁶³ Мешкунов В.С. Благотворительная деятельность семьи Нобель // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998. С. 277-279.
- ⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 3355. Л. 2об.
- ⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1258. Оп. 4. Д. 516. Л. 324.
- ⁶⁶ Нобель-Олейникова М.Л. Очерк деятельности лазарета для раненных нижних чинов Товарищества Братья Нобель и служащих за 1-й год его существования с 5 ноября 1914 года по 1 ноября 1915 года. Пг., 1916; Мешкунов В.С. Вклад семьи Нобель в российскую медицину //Врач.1993. №8. С.59-62.
- ⁶⁷ «Дом Нобеля на Пироговской (бывшей Выборгской) набережной, д. 19. Концепция реконструкции, реставрации и использования здания» / Семенов С.В. (рук.), Ким Е.Н., Васина О.А., Воеводин В.И., Поставинский В.Ю. -СПб., 2000; «Дом Нобеля на Пироговской (бывшей Выборгской) набережной, д. 19. Градостроительная, историко-культурная экспертиза» / Семенов С.В. (рук.), Ким Е.Н., Васина О.А., Воеводин В.И., Поставинский В.Ю. СПб., 2000.
- ⁶⁸ Смирнов В. М. Из революционной истории Финляндии. 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933. С. 24.

⁶⁹ Там же. С. 65.

⁷⁰ Усыскин Г. С. Выборгский узник. Л., 1984. С. 243-244.

⁷¹ Волков Н.А. Сотрудничество в Арктике// Исторические связи Русского Севера и Норвегии (К 200-летию города Вардё) Архангельск,1989.С.105.

⁷² Учёный Архив Русского Географического общества (далее РГО). Ф.1-1897.Оп.1. №7. Л. 8

⁷³ Пасецкий В.М. Фритъоф Нансен. М.,1986. С. 229.

⁷⁴ Там же. С.295.

⁷⁵ Huntford R. Fridtjof Nansen. Mennesket bak myten. Oversatt og bearbejdet av Jon Christensen. Oslo, 1996, 2001. S.388.

⁷⁶ Архив Русского Географического общества (далее: Архив РГО). Разряд 76. Оп.42.

⁷⁷ Волков Н.А. Указ. соч. С 108.

⁷⁸ Российский Государственный исторический архив. Ф.733. Оп. 145. Д.108-1907. Л.7.

⁷⁹ Архив РГО. Ф.44. Оп.2.Д. 558.

⁸⁰ Цит. по: Алимova (Шрадер) Т.А. Сотрудничество учёных России и Скандинавии в исследовании северных районов Европы(конец XIX-начало XX в) // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л.,1973. С.141.

⁸¹ Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. III, Л., 1959. С.282.

⁸² Архив Академии наук. Ф.75. Оп.1. Д. 127. Л.1.

⁸³ Kokk D. Otto Sverdrups liv. Oslo, 1934. S.107.

⁸⁴ Волков Н.А. Указ. соч. С 114.

⁸⁵ Olsen O. Til Jeniseis kilder. Den norske Sibirie-ekspedisjons reise 1914. Med billedbilag- Kristiania.-J.W.Cappelens forlag, 1915. S.12.

⁸⁶ “Аэроарктик”// Труды 2-ой полярной конференции. Л. , 1930. С.10.

⁸⁷ Вокруг света. 1928. № 13. С.652.

⁸⁸ Личный архив Е.П. Виттенбург, дочери П.А.Виттенбург.

⁸⁹ Brefvexling mellan konung Carl XII och Rådet // Historiska handlingar. Stockholm, 1862. D. 2. S. 223.

⁹⁰ Кротов П.А. Гренгамское сражение 1720 г. по новым источникам: мифы и факты // Петр Великий и его время: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 290-летию Полтавской победы, 8–11 июля 1999 г. СПб.,1999. С. 84–87.

⁹¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1789. Ч. 7. С. 126; Берх В.Н. Историческое известие о морской Гренгамской баталии // Славянин: Военно-литературный журнал. 1828. Ч. 5. № 5. С. 151; Соколов А.П. Морские кампании 1715–1721 гг. // Морской сборник. 1851. № 4. С. 303; Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 338, 339; Богуслав-ский Г.А. Битва при Гренгаме (27 июля 1720 г.) // Исторический журнал. 1940. № 8. С. 67; Тельпуховский Б.С. Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. С. 163; Петровский В.А. Развитие русского военно-морского искусства на последнем этапе Северной войны // Морской сборник. 1951. № 6. С. 92; Осокин С.Д. Победа русского флота у Гренгама: Историческая справка к 235-летию со дня боя // Морской сборник. 1955. № 7. С. 91; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке: Очерки. М., 1958. С. 234; Морской атлас. Т. 3, ч. 1: Описания к картам. М., 1959. С. 229; Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 503; История Северной войны. 1700–1721 гг. М., 1987. С. 168; Золотарев В.А., Козлов И.А. Петр Великий и морское могущество Отечества. М., 1996. С. 91; Доценко В.Д. Морские битвы России: XVIII–XX вв. СПб., 1999. С. 26.

⁹² Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 159–168 об.

⁹³ Названное донесение М.М. Голицына содержит такие слова: «...и взя- тые на тех судах офицеры допрашиваны, которых допросные речи... при сем посылаю». – Материалы для истории русского флота (МИРФ). СПб., 1865. Ч. 2. С. 507.

⁹⁴ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 192. Л. 550.

⁹⁵ Там же. Л. 549–549 об.

⁹⁶ Там же. Д. 179. Л. 159, 162, 164 об.–165, 166, 166 об.

⁹⁷ Там же. Д. 192. Л. 550.

⁹⁸ Tegengren H. Stora nordiska krigets sista sjöstrid // Acta Academiae Aboensis. Ser. Humaniora. 1942. № XIV, 3. S. 19.

⁹⁹ Ibid.; Hornborg E. 1. Karl Siöblad och slaget vid Flisö // Skrifter av Sjöhistoriska Samfundet. 1944. Bd. 4. S. 50; 2. Kampen om Östersjön: Till slutet av segelfartygens tidevarv. Stockholm, 1945. S. 287.

¹⁰⁰ Gyllengranat C.A. Sveriges sjökrigs-historia i sammandrag. Carlskrona, 1840. D. 2. S. 17; Mankell J. Studier öfver svenska skärgårds-flottans historia, krigssätt och användande vid Sveriges försvar. Stockholm, 1855. S. 34; Anderson R.C. Naval wars in the Baltic during the sailing-ship epoch 1522–1850. L., 1910. P. 202; Tegengren H. Stora nordiska krigets sista sjöstrid. S. 19; Dreijer S. Slaget vid Flisöberg 1720 // Åländsk odling. Årsbok 1989. Mariehamn, 1990. S. 149.

- ¹⁰¹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 149–151.
- ¹⁰² Там же. Л. 150.
- ¹⁰³ Там же. Л. 154.
- ¹⁰⁴ *Drejjer S. Slaget...* S. 152.
- ¹⁰⁵ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 151.
- ¹⁰⁶ *Gyllengranat C.A. Sveriges sjökrigs-historia i sammandrag. D. 2. S. 17.*
- ¹⁰⁷ *Mankell J. Studier...* S. 34.
- ¹⁰⁸ Svenska flottans historia: Örlogsflottan i ord och bild från dess grundläggning under Gustav Vasa fram till våra dagar. Malmö, 1943. Bd. 2. S. 153.
- ¹⁰⁹ См.: *Кротов П.А.* Гренгамское сражение 1720 г. по новым источникам: мифы и факты. С. 85.
- ¹¹⁰ *Бородкин М.М.* История Финляндии: Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 257.
- ¹¹¹ *La clef du cabinet des princes de l'Europe, ou Recueil historique et politique sur les matieres du tems.* Luxembourg, 1720. Т. 33. Р. 408.
- ¹¹² Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 885. Оп. 1. Д. 529. Л. 91 об.–92; Сб. военно-исторических материалов. СПб., 1892. Вып. 1. С. 324.
- ¹¹³ *Tegengren H. Stora nordiska krigets sista sjöstrid.* S. 21.
- ¹¹⁴ *Нащокин В.А.* Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842. С. 7–8.
- ¹¹⁵ МИРФ. Ч. 2. С. 508; РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 192. Л. 194.
- ¹¹⁶ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 151.
- ¹¹⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. 2. Д. 40. Л. 444–445.
- ¹¹⁸ За год до сражения, в июне 1719 г., экипаж «Хариуса» насчитывал 145 армейских и 8 морских чинов – всего 153 чел. (РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 40. Л. 444–445).
- ¹¹⁹ МИРФ. Ч. 2. С. 507.
- ¹²⁰ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 179. Л. 175–181.
- ¹²¹ Там же. Л. 183.
- ¹²² ОР РНБ. Ф. 885. Оп. 1. Д. 529. Л. 92–92 об.
- ¹²³ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 192. Л. 208 об.
- ¹²⁴ *Tegengren H. Stora nordiska krigets sista sjöstrid.* S. 22, 27.
- ¹²⁵ МИРФ. Ч. 2. С. 509–510.
- ¹²⁶ *Tegengren H. Stora nordiska krigets sista sjöstrid.* S. 29–30; *Hornborg E.* 1. Karl Siöblad och slaget vid Flisö. S. 55; 2. Kampen om Östersjön... S. 287.
- ¹²⁷ См.: *Кротов П.А.* Гренгамское сражение 1720 г. по новым источникам: мифы и факты. С. 86.
- ¹²⁸ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 257. Л. 363.
- ¹²⁹ Внешняя политика России XIX-начала XX века. Т.5. Док. №198, ст.10. М., 1967. С.425.
- ¹³⁰ История дипломатии. Т.1. М., 1959. С.482.
- ¹³¹ Внешняя политика России XIX-начала XX века. Т.5. Док. №267. М., 1967. С.604
- ¹³² Там же. С.605
- ¹³³ Вейбуль Й. Краткая история Швеции. Стокгольм, 1997. С.80.
- ¹³⁴ История дипломатии. Т.1. М., 1959. С.483.
- ¹³⁵ История войн и конфликтов: В 2 т. Т.2.- М., 1997. С.19-20
- ¹³⁶ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах 1X-XX вв.: Вып.2. Войны и мирные договоры. Книга 1: Европа и Америка. Справочник. М., 1995. С.308
- ¹³⁷ Выборгская (Финляндская) губерния была присоединена к Великому Княжеству Финляндскому согласно царскому манифесту от 11 декабря 1811 г.
- ¹³⁸ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф.560. Оп.26. Д.921. Л.21 об.
- ¹³⁹ Там же. Л.22-23; Ф.1276. Оп.18. Д.512. Л.333 об.
- ¹⁴⁰ Там же. Ф.560. Оп.26. Д.921. Л.21 об.; Ф.1284. Оп.185. Д.30. Л.1 об.
- ¹⁴¹ Райволовский завод ранее принадлежал князьям Голицыным, для работы на нем в Райволово (Райволу) в начале XIX в. были переселены крестьяне из Орловской губернии. Позднее завод был отписан в казну, работники получили вольную.
- ¹⁴² РГИА. Ф.1284. Оп.185. Д.30. Л.1 об.
- ¹⁴³ Там же. Ф.560. Оп.26. Д.921. Л.35 об.
- ¹⁴⁴ Там же. Ф.1276. Оп.18. Д.512. Л.240.
- ¹⁴⁵ Там же. Ф.560. Оп.26. Д.921. Л.34 об.
- ¹⁴⁶ Там же. Л.52.
- ¹⁴⁷ Там же. Л.36 об. Население этих приходов, по состоянию на конец 1910 г., составляло 34 904 человека, из них 34 578 лютеран и 326 православных. По родному языку население распределялось следующим образом: финский – 32 114 человек, шведский – 210, русский – 199, немецкий и эстонский – 95. В летнее время, однако, в этих местах селилось более 47 дачников из Петербурга и Петербургской губернии, из которых около полутора тысяч обладали здесь недвижимой собственностью (Там же. Ф.1291. Оп.51. Д.111. Л.36 об.).
- ¹⁴⁸ Там же. Ф.1276. Оп.18. Д.512. Л.1.

- ¹⁴⁹ Там же. Ф.560. Оп.26. Д.921. Л.2-2 об.
- ¹⁵⁰ Там же. Ф.1291. оп.51. Д.111. Л.33 об.-34.
- ¹⁵¹ Там же. Ф.1276. Оп.18. Д.512. Л.406.
- ¹⁵² Там же. Ф.560. Оп.26. Д.921. Л.403.
- ¹⁵³ См.: Рупасов А.Н., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница 1918–1939 гг. СПб., 2000.
- ¹⁵⁴ Историко-внешнеэкономическое Управление Министерства внешней торговли Российской Федерации (далее: ИВЭУ РФ) Ф. Торгпредство. Оп. 12136. Д. 93. Л. 8.
- ¹⁵⁵ Архив Внешней Политики Российской Федерации (далее: АВП РФ) Ф. 0116. П. 114. Д. 253. Л. 72 и 87. (См. также и номера Nasjen. 1931. 2 oktober & 24october).
- ¹⁵⁶ Morgenbladet. 1931. 31 oktober.
- ¹⁵⁷ АВП РФ. Ф. 0116. П. 114. Д. 253. Л. 63-64.
- ¹⁵⁸ Sovjets oliedumping. // Aftenposten. 1931. 17 sent.
- ¹⁵⁹ Nasjen. 1931. 2 oktober.
- ¹⁶⁰ Nasjen. 1931. 24 oktober.
- ¹⁶¹ Norges Handel og Sjøfartstidende. 1931. 22 november.
- ¹⁶² Nasjen. -1931. - 4 november & Aftenposten. -1931. -19 november.
- ¹⁶³ ИВЭУ РФ. Ф. Торгпредство. Оп. 12136. Д. 99. Л. 88, 89.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ Газета торговли и мореходства. 1931. 20 октября.
- ¹⁶⁶ ИВЭУ РФ. Ф. Торгпредство. Оп. 12136. Д. 253. Л. 71.
- ¹⁶⁷ АВП РФ. Ф. 0116. П. 114 Д. 254. Л. 3-5, 8-9, 18-21, 22.
- ¹⁶⁸ Там же. Оп. 23. П. 115. Д. 269. Л.28-29. 34, 36
- ¹⁶⁹ Там же. Оп. 15, П. 10. Д. 5, Л. 41,
- ¹⁷⁰ Там же. П. 114. Д. 253. Л. 102. (Характеристика О. Фасмера).
- ¹⁷¹ А. П. Розенгольц был наркомом внешней торговли в 1931 - 1937 годах. Позже репрессирован
- ¹⁷² АВП РФ. Ф. 0116. Он. 15. П. 10. Д. 5. Л. 42-43.
- ¹⁷³ ИВЭУ РФ. Ф. Торгпредство. Оп. 12136. Д. 104. Л. 67.
- ¹⁷⁴ Там же. Л 66.
- ¹⁷⁵ АВП РФ. Ф. 0116. П. 114. Д. 253. Л. 102.
- ¹⁷⁶ Arbeiderbladet. 1932. 17 november. (См. также АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 15. П. 10. Д. 5. Л. 53-55.)
- ¹⁷⁷ Arbeiderbladet. 1932. 17 november.
- ¹⁷⁸ Архив Военно-медицинского музея МО РФ (далее :ВММ). Ф. 141. Оп. 44899. Д. 1. Л. 179.
- ¹⁷⁹ Черняк И.М. О лечебно-эвакуационном обслуживании во фронтовом тылу. Диссертация на соискание уч. степ. канд. мед. наук. Л., 1941. С.21.
- ¹⁸⁰ Архив ВММ. Ф.2648. Оп.55176. Д 3. Л.2.
- ¹⁸¹ Народное хозяйство города Ленинграда. Статистический сборник. Л., 1957. С.142.
- ¹⁸² Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 3. Л. 57.
- ¹⁸³ Там же. Д. 6. Л. 162.
- ¹⁸⁴ Там же. Д. 3. Л. 55.
- ¹⁸⁵ Архив ВММ. Ф. 141. Оп. 5924. Д. 20. Л. 16.
- ¹⁸⁶ Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 101. Л. 14-15.
- ¹⁸⁷ Там же. Л. 7.
- ¹⁸⁸ Там же. Л. 10.
- ¹⁸⁹ 162-й стрелковый полк относился к 52-й стрелковой дивизии и в оперативном отношении подчинялся СФ. Весной 1939 г. 162-й стрелковый полк был передан в 104-ю горнострелковую дивизию и переименован в 217-й горнострелковый полк.
- ¹⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 101. Л. 7, 9.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 7.
- ¹⁹² Там же. Л. 1-3.
- ¹⁹³ Там же. Д. 103. Л. 2.
- ¹⁹⁴ Северный флот к этому времени располагал всего 5 эсминцами, 3 сторожевыми кораблями, 17 подводными лодками и одной авиаэскадрилей (20 самолётов).
- ¹⁹⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.
- ¹⁹⁶ Там же. Л. 4.
- ¹⁹⁷ Там же. Л. 3.
- ¹⁹⁸ Там же. Л. 4.
- ¹⁹⁹ Там же. Л. 4.

- ²⁰⁰ Там же. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 73. Л. 11. Советско-Финляндская война 1939-1940 гг. на море. Ч. 2. М.-Л., 1946. С. 20.
- ²⁰¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 73. Л. 11. Советско-Финляндская война 1939-1940 гг. на море. Ч. 2. С. 20.
- ²⁰² РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 73. Л. 12.
- ²⁰³ Там же. Л. 12.
- ²⁰⁴ Советско-Финляндская война 1939-1940 гг. на море. Ч. 2. С. 45.
- ²⁰⁵ Finland and World War II 1939-1944. New-York, 1948; Jakobson M. Diplomaattien talvisota. Hels., 1955; Puntila L. A. Suomen poliittinen historia 1809-1966. Hels., 1971; Vvihavainen T. Lenungradin turvaaminen stalinismin näkäkultasta // Kanava, 1989, N 6; Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства 1920-1941. Петрозаводск, 1999; Соколов Б.В. Тайны финской войны. М., 2000 и др.
- ²⁰⁶ См: Leskinen J. Vaiettu Suomen silta. Hels., 1997.
- ²⁰⁷ Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 37977. Оп.1. Д. 722. Л. 404-405.
- ²⁰⁸ Там же. Л. 405-406.
- ²⁰⁹ Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. р-92. Оп. 2. Д. 352. Л. 6.
- ²¹⁰ Барышников В. Н. К вопросу о планировании Советским Союзом войны с Финляндией в 20-30-е гг. // Первые Петербургские кареевские чтения по новистике. СПб., 1996.
- ²¹¹ Цит. по: Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 128.
- ²¹² Цит. по: Там же, с. 131.
- ²¹³ Там же, с. 133.
- ²¹⁴ См: Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 187-231.
- ²¹⁵ Тайны и уроки зимней войны 1939-1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000. С.53-61.
- ²¹⁶ 1941 год. Документы. Кн. 1. М., 1998. С. 189.
- ²¹⁷ Там же. С. 236-253.
- ²¹⁸ Там же. С. 277.
- ²¹⁹ См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 135.
- ²²⁰ 1941 год. Документы. С. 254.
- ²²¹ Там же. С. 255.
- ²²² Там же. С. 290.
- ²²³ Там же. С. 418.
- ²²⁴ Там же. С. 745.
- ²²⁵ 1941 год. Документы. Кн. 2. М., 1998. С. 218.
- ²²⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 2. М.1964. С.217
- ²²⁷ ЦВМА. Ф.3632. Оп.0024765. Д.2. Л.250; Оп.0024753. Д.1. Л.146; Ю.К.Паасикиви. Дневники (1944-1956), ч.1, вып. 1. М.1987. С.34.
- ²²⁸ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 6. Д.106. Л.4, 6; Ф. 3632. Оп.1. Д.48. Л.206.
- ²²⁹ Там же. Ф.3632. Оп.024755. Д.40.Л.53, 59.
- ²³⁰ Рысаков П. Агрессивная политика США в Северной Европе. М. 1952. С.17,18.
- ²³¹ Коробочкин М.Л. Политика СССР в отношении Финляндии и Норвегии 1947 -1953.// Северная Европа. М.1999. С.237-240.
- ²³² ЦВМА. Ф. 3632. Оп.024760. Д.46. Л. 58, 59,62.
- ²³³ Там же. Оп.0024753. Д.1. Л.473-493.
- ²³⁴ Там же. Л. 291.
- ²³⁵ Воронков Л. С. Северной Европе - безъядерный статус. М.1984. С.47; Рысаков П. Указ. соч. С.63-64.
- ²³⁶ Кекконен У.К. Финляндия: путь к миру и добрососедству. М.1979. С.35-36. Коробочкин М.Л. Указ. соч. С.247.
- ²³⁷ ЦВМА. Ф.3632. Оп.0024765. Д. 10. Л.88.
- ²³⁸ Правда 11.05.1955; 27.05.1955.
- ²³⁹ Советско-финляндские отношения 1948- 1983. Документы и материалы. М.1983. С.25-31.
- ²⁴⁰ Советско-норвежские отношения 1917- 1955. Сборник документов. М.1997. С. 576.
- ²⁴¹ См: В. К. Щипанов. Материалы о торговых и культурных связях России со скандинавскими странами XIX-XX вв. в фондах ЦГИА СССР. // Исторические связи Скандинавии и России в IX-XX веках.Л.,1970; Берсенев В. Материалы по истории русско-шведских отношений в РГИА // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998; Соколов А. Р. Российский государственный исторический архив как хранилище документов по истории Северных стран // Актуальные проблемы и источники по истории Северных стран и их связей с Северо-Западным регионом России. СПб., 2001 и др.
- ²⁴² Российский Государственный исторический архив. Путеводитель. Т.1.СПб., 2000.

- ²⁴³ Алфавитный указатель к постановлениям, относящимся до Великого княжества Финляндского. Т.1-3, СПб., 1907-1909.
- ²⁴⁴ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях. ТТ.1-2, СПб. 1893-1894.
- ²⁴⁵ Мачинский Д.А. Русско-шведский пра-Петербург // Шведы на берегах Невы.
- ²⁴⁶ Сухтелен П. К. Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 гг. СПб., 1832.
- ²⁴⁷ Михайловский-Данилевский. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг. СПб., 1841, с. 2.
- ²⁴⁸ Злобин К. К. Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования Александра I до присоединения Финляндии к России. СПб., 1868.
- ²⁴⁹ Ордин К.Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизвестным источникам. СПб., 1889.
- ²⁵⁰ Бородкин М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909.
- ²⁵¹ Московские ведомости. 1892. 8 июня.
- ²⁵² Алексеев А.М. Шведская война 1808 – 1809 гг. ч. I. СПб., 1906. С. 59.
- ²⁵³ См.: Захаров Г. Русско-шведская война 1808-1809. М., 1940.
- ²⁵⁴ Кяйвярйнен И. И. Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Л., 1965.
- ²⁵⁵ Исключением лишь может служить исследование московского историка В.В. Рогинского, в котором он, отчасти, касался внешнеполитический сюжетов того периода (см: Рогинский В.В. Швеция и Россия: союз 1812 года. М., 1978), но специально проблем русско-шведской войны 1808-1809 гг. он не затрагивал.
- ²⁵⁶ Белоглазов А.В. Федерализм в «гюрьме народов»: Великое княжество Финляндское // Федерализм: проблемы формирования. Казань, 1994. С. 43.
- ²⁵⁷ Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 90.
- ²⁵⁸ Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 10.
- ²⁵⁹ Корнилов В.А. К истории политического устройства Великого княжества Финляндского в 1809 г. // Ученые записки МГПИ. 1971. Т. 439. С. 180.
- ²⁶⁰ См.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997. С. 77.
- ²⁶¹ Jussila O. Maakunnasta valtioksi. Suomen valtion synty. Porvoo-Hels.-Juva, 1987. S. 62, 63, 88.
- ²⁶² Jussila O. Op. cit. S.59.
- ²⁶³ Ibid. S. 60.
- ²⁶⁴ Mecelin L. Precis du droit public de la Grand-duche de Finlande. Hels., 1886. Немецкий перевод: Mechelin L. Das Staatsrecht des Grossfürstenthums Finnland. Hels., 1889.
- ²⁶⁵ Jussila O. Op. cit. S. 137.
- ²⁶⁶ Ibid.
- ²⁶⁷ Jussila O. Op. cit. S. 141.
- ²⁶⁸ Сборник мнений русских профессоров государственного права о природе отношений России к Финляндии. Сост. М.Ковалевский. СПб., 1910. С. 7-24; Чичерин Б.Н. Курс Государственной науки. М., 1894. Т. 1. С 183; Т.3. М., 1898. С. 275.
- ²⁶⁹ Мехелин Л. Противоречат ли права Финляндии интересам России. Гельс., 1890; Германсон Р. Государственное положение Финляндии. Вып.1,2. СПб., 1892.
- ²⁷⁰ Государственный архив Российской Федерации. (далее: ГАРФ)Ф. 586. Оп. 1. Д. 241. Записка не установленного автора о положении в Финляндии и ее связи с Россией. Л. 1.
- ²⁷¹ Цит. по: Сборник мнений русских профессоров. С. 7.
- ²⁷² Там же. Указ. соч. Т.3. С. 275.
- ²⁷³ Цит.по: Ретвих Н.П. Русско-финляндская империя. СПб., 1898. С. 5.
- ²⁷⁴ Там же; Чичерин Б.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 275.
- ²⁷⁵ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 248. Записка не установленного автора о положении Финляндии в составе России. Л. 4; Куплеваский Н.О. Справка о мнениях 25 русских ученых, специалистов права, по вопросу о юридическом положении Финляндии в составе Русской империи. СПб., 1910. С. 6.
- ²⁷⁶ Там же. С. 7-29. Алексеев А.С. Русское Государственное право. М., 1892. С. 151-154; Коркунов Н.М. Русское Государственное право. СПб., 1892. Т.1. С. 137-147.
- ²⁷⁷ Цит.по: Куплеваский Н.О. Указ. соч. С. 13-14.
- ²⁷⁸ Ретвих Н.П. Указ. соч. С. 8.
- ²⁷⁹ Цит.по: Алексеев А.С. Указ. соч. С. 151-154.
- ²⁸⁰ Там же., ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 248. Л.4. Записка не установленного автора о положении Финляндии в составе России.
- ²⁸¹ Сборник мнений русских профессоров... С. 113-114; Ретвих Н.П. Указ. соч. С. 3, 8-10.
- ²⁸² Ретвих Н.П. Указ. соч. С. 6-7.
- ²⁸³ Куплеваский Н.О. Указ. соч. С. 29.
- ²⁸⁴ Берендс. О шведско-норвежской унии. Ярославль, 1895. С. 31.

- ²⁸⁵ Признание Россией Норвежского независимого государства (сб. документов). М. , 1958.
- ²⁸⁶3. Теплов В. Расторжение шведско-норвежской унии. СПб, 1905. С. 7
- ²⁸⁷4. Берендс Э. Указ. соч. С. 11.
- ²⁸⁸5. Там же. С. 43.
- ⁶. Там же. С. 17.
- ⁷. Там же. С.80.
- ⁸. Северный вестник.1895. С. 6 483.
- ⁹ Там же. С. 286.
- ¹⁰ Теплов В. Указ. соч. С.6 .
- ¹¹. Рудченко О. Современная Норвегия и страничка из ее истории // Русская мысль. СПб, 1908. № 7. С. 40.
- ¹². Марков Е. Л. На родине норманнов // Русский вестник. 1900.С. 188.
- ¹³. Южаков С. Политика // Русское богатство.1905. № 5. С. 254; Рудченко О. Указ. соч. С. 20.
- ¹⁴. Теплов В. Указ соч. С. 10.
- ¹⁵. Орловский С. Норвегия // Вестник Европы. 1906. № 10. С. 693.
- ¹⁶. Там же. С. 701
- ¹⁷. Русова С, Ф, В стране вольного крестьянства. Ростов-на Дону. 1905.
- ¹⁸. Там же. С. 1.
- ¹⁹. Коптев А. путевые заметки по Швеции и Норвегии до Норд-Капа. СПб, 1893.
- ²⁰. Там же. С. 24-25.
- ²¹. Рудченко О. Указ. соч. С. 255.
- ²². См. подробнее: Нильсен Й. П. Старая Россия и новая Норвегия(1905-1917): соседство без страха? // Страх и ожидания. Архангельск. 1997.
- ²³. Альбионов Д. Из иностранной жизни // Журнал для всех. 1905. № 7. С. 497.
- ²⁴. Теплов В. Указ. соч. С. 35.
- ²⁸⁹ Скандинавский сборник. I. Таллинн, 1956. С. 5.
- ²⁹⁰ Как А.С. Великое княжество Финляндское под властью царской России (О русском издании книги В.В.Похлебкина) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980. С. 104.
- ²⁹¹ Pohlekin V.V. Suomi vihollisena ja ystävänä 1714-1967. Porvoo-Hels., 1967. 402 s.; Похлебкин В.В. СССР-Финляндия. 260 лет отношений 1713-1973. М., 1975. 408 с.
- ²⁹² Кекконен У.К. Финляндия и Советский Союз. М., 1973. С. 74.
- ²⁹³ Похлебкин В.В. Указ. соч. С.9, 11.
- ²⁹⁴ Там же. С. 14-15.
- ²⁹⁵ Там же. С. 19.
- ²⁹⁶ Там же. С. 240.
- ²⁹⁷ Там же. С.308.
- ²⁹⁸ Кекконен У.К. Указ. соч. С. 75.
- ²⁹⁹ Jussila O. Venäläinen Suomi. Porvoo-Hels.-Juva, 1983. С. 14.
- ³⁰⁰ Jussila O. Ystävällinen Venäjä ja ymmärtämätön Suomi. Neuvostoliittolainen näkemys Suomen ja Venäjän suhteiden historiasta // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. N 4. S. 293-294.
- ³⁰¹ Кан А.С. Указ. соч. С. 110.
- ³⁰² Васильев Ю. Этот удивительный Похлебкин // Патриот. 1997. № 19.
- ³⁰³ В скобках указано число совместных публикаций без учета работ, выполненных в больших международных авторских коллективах.
- ³⁰⁴ Миськевич Г.И., Хаустова Ю.Ф. Терминология и культура. М., 1981. С. 542.
- ³⁰⁵ Большой юридический словарь. М., 1998. С. 585 - 586.
- ³⁰⁶ Большой толковый словарь иностранных слов. Т. 3. Ростов-на-Дону, 1997. С. 61.
- ³⁰⁷ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С. 69.
- ³⁰⁸ Силин Е. Россия в Евро-атлантическом регионе // Власть. 1998. № 12; Сергунин А. Регионализация России: роль международных факторов // Полис. 1999. № 3; Малыгин А. Средиземноморское измерение европейской безопасности // Власть. 1999. № 7.
- ³⁰⁹ Ягья В.С. Методологические и методические основы политико-географического изучения развивающихся стран // Развивающиеся страны: проблемы экономической и социальной географии. Л., 1982. С. 67.
- ³¹⁰ The Economist. 1934. Vol. 119. №4750. 8 Sept. P. 437 - 438.
- ³¹¹ Ibid. №4741. 7 July. P.6 - 7;
- ³¹² Ibid. 1934. Vol. 119. №4751. 15 Sept. P. 484.
- ³¹³ Polson Newman E.W. Britain and the Baltic. London, 1930.
- ³¹⁴ Сборник договоров России с другими государствами. 1856 - 1917. М. 1952. С. 400.
- ³¹⁵ Там же. С. 396.
- ³¹⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Ростов-на-Дону, 1997. С. 59.
- ³¹⁷ См.: Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919 – 1920 гг.). М., 1949. С. 386.
- ³¹⁸ The Daily Herald. 1919. 19 Nov.

³¹⁹ The Economist. 1934. Vol.119. № 4741.

³²⁰ The Slavonic and East European review. A survey of the peoples of Eastern Europe. 1934. Vol. 13. №37. P. 208.

³²¹ Carr E.H. International relations between the two world wars (1919 - 1939). London, 1948. P. 276; Mackintosh J. History of Europe 1815 - 1939. London, Glasgow, 1946. P. 380. См., например: Иванович В.И. Советский Союз и Англия в Прибалтике. М., Л., 1927. С.5; Почс К. Я. Прибалтийские государства и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма 1921 – 1929 гг.: Автореф. дис. докт. истор. наук. Рига, 1987. С. 2.

³²² Иванович В.И. Указ. соч. С.37.

³²³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 0150. Оп. 4. П. 5. Д. 1185 (Секретный архив НКВД, I Западный отдел, секретный фонд 030 (Прибалтика)). Лист 15; См. также: Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее : РЦХИДНИ). Ф. 326с («Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885 – 1939)»). Оп. 1 (1903 --- 1930). Д. 18 («Письма К.Б. Радека из Берлина в Политбюро ЦК РКП(б)», 11 - 14 мая 1923 года). Л. 2.

³²⁴ Известия. 1924. 19 окт.; Полпреды сообщают...: Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г. - август 1940 г. М., 1990. С. 3.

³²⁵ См., например: АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 4. П. 5 (страна - Прибалтика).

³²⁶ См., например: Там же. Д. 1185. Л.14.

³²⁷ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России 1918 – 1920 гг. (Формирование. Борьба. Крушение): Автореф. дис. докт. истор. наук. СПб., 1995. С. 3, 8, 14; Станчинский Г.А. Русские и балты. СПб., 1994. С.94 - 95; Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918 – 1919 гг.): Автореф. дис. канд. истор. наук. М., 1995. С. 17 - 18.

³²⁸ См., например: Язькова А.А. Малая Антанта // Европа в международных отношениях. 1917 - 1939. М., 1979. С. 155; Почс К. Я. «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921 - 1929 гг.). Рига, 1985.

³²⁹ Райд Я.Г. Прибалтийские немцы в буржуазной Эстонии (1920 - 1940). Таллинн, 1978. С. 131.

³³⁰ Цит. по: Nironen J. Suomalainen Pietari. Loviisa, 1999. S. 4.

³³¹ Ibidem.

³³² Цит. по: Ibid. S. 199.

³³³ Этот процесс, также как и последующие события излагаются с привлечением документов Исторического архива г. Выборга. Ф. 1 сч. Оп. 5. Д. 814. (списки русских подданных, имевших земельные участки и другое недвижимое имущество в г. Выборге и уездах Выборгской губернии. 20 июня 1917-14 авг. 1917); Д. 838 (прошения русских подданных на право проживания в губернии, с приложением свидетельств за 1913-1914 гг.); Д. 1060 (список уроженцев России, проживавших в Уусикирккской волости с 20 мая по 20 июня 1899 г.); Д. 1031 (список дачников, проживавших в Кивеннапском и Райволовском ленсманских округах за 1881, 1884, 1886-1887 гг.); Д. 792 (списки лиц, принявших в Выборге присягу на финляндское подданство за 1907-1919 гг.); Д. 1084 (список летних жителей, лето 1900 г.).

³³⁴ Почти одновременно (после 1195 г.) появляется английский герб Ричарда I Львиное Сердце: три золотых леопардовых льва (один под другим) на красном поле.

³³⁵ Равно как и появление еще одного государственного символа скандинавской группы - красного знамени с белым крестом - "Данеброг". Пройдя через столетия, он сохранился неизменным и является сейчас государственным флагом Коре детства Дании. От "Данеброга" берет свое начало целый ряд государственных флагов стран Северной Европы: Швеции, Норвегии, Финляндии, Исландии, а также связанных с ними автономных образований Гренландии, Фарерских и Аландских островов, Ингерманландии, "Беломорской Карелии" и др.

³³⁶ Изображение герба без дубовых веток представляет собой Малый государственный герб Республики Эстония. Правила употребления Большого и Малого государственных гербов Эстонии определены Указом Президента Верховного Совета Эстонской Республики "О порядке использования Государственного герба Эстонской Республики" от 16 октября 1990 г.

³³⁷ Уже в 1220 г. таким геральдическим знаком пользовался норвежский король Хокон IV Хоконсон Старый. Правда, лев был без короны и боевого топора. Их ввел в 80-е гг. XIII в. внук Хокона IV норвежский король Эйрик II Магнуссон.

³³⁸ Герцог Эрик Померанский - внучатый племянник датской королевы Маргрет I, инициатора Кальмарской унии. В 1397 г. в г. Кальмаре на съезде риксродов (государственных советов) и феодалов Дании, Швеции и Норвегии Эрик Померанский короновался королем всех трех королевств и был объявлен соправителем Маргрет I.

³³⁹ Представители этой династии правили одновременно в Дании и Норвегии с 1450 по 1814 гг., в Дании и Швеции с 1457 по 1523 гг.

³⁴⁰ Родоначальник династии маршал Франции Ж.Б.Бернарот в августе 1810 г. бы избран шведским "избирательным риксдагом" наследником престола, усыновлен бездетным шведским королем Карлом XIII и был королем Швеции и Норвегии в 1818-1844 гг. под именем Карла XIV Юхана.

³⁴¹ Интересны в этой связи замечания влиятельного критика П. Свиньина об упомянутом выше бюсте Александра I – см.: Отечественные записки. 1823. Ч.16. С.460 – 462.

³⁴² Значимость информации подобного рода убедительно доказана в статье О.А.Кривдиной (см.: Кривдина О.А. Скандинавская скульптура в освещении русской прессы (по материалам «Художественной газеты» 1836 – 1841 гг. // Санкт – Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001. С.87 – 91).Статья содержит подробный анализ публикаций о Торвальдсене в «Художественной газете».

³⁴³ Однако вряд ли можно отнести их к разряду «серьезных», поскольку эти биографические очерки, делали акцент на разного рода курьезных случаях из жизни скульптора. (См: Альберт Торвальдсен. //Современник. 1848. Т.8. С.47–54; Торвальдсен // Живописный сборник. 1857. Т.4. С.404-415).

³⁴⁴ Матушинский А.М. Торвальдсен и его произведения // Русский вестник. № 6. С. 491

³⁴⁵ Там же. С. 491 (имеется в виду ряд изданий сочинений Ю.М. Тиле на немецком языке, в частности: Thiele J. M. Thorwaldsen's Leben. Leipzig, 1856.

³⁴⁶ Матушинский А.М. Указ. соч. С.492.

³⁴⁷ Там же. С. 518.

³⁴⁸ Там же. С.527.

³⁴⁹ Переписка с Министерством Императорского Двора о коронационном альбоме Императора Николая II // Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф.789. Оп. 12-1895, Д. 4-3. С. 231.

³⁵⁰ Власова Р.И. Поклон народу. Андрей Рябушкин и его работы для Художественного альбома «Коронавание в Москве 1896 года» (СПб.,1899) // Мир музея, 1993. № 1. С.38-43.

³⁵¹ Там же. Переписка... С.347.

³⁵² Коронавание в Москве 14 мая 1896 года. Коронационный сборник в двух томах. СПб., 1899. // Российская Национальная библиотека, Отдел эстампов.

³⁵³ Альберт Эдельфельт. // РГИА. Ф.789. Оп.10-1878. Д.75. С.26.

³⁵⁴ Немирович-Данченко В.И. Москва в мае 1896. Письма о коронации. // Нива, 1896. С.586.

³⁵⁵ Нива, 1883. Коронационные номера № 21-24. Рисунки с натуры спец. корреспондента Н.Каразина. С.482.

³⁵⁶ Грабарь И. Илья Ефимович Репин. Монография в двух томах. Т.1: От первых шагов до эпохи расцвета. М., 1937. С.277 (о картине И.Репина "Речь Александра III к волостным старшинам", 1886. ГТГ).

³⁵⁷ Выставка Общества русских акварелистов (Атенеум). // Новости и биржевая газета. 1893. 7/19 февраля. С.3.

³⁵⁸ Цит. по: Расторгуев Д. Творчество Альберта Эдельфельта. // НБА РАХ. 11-2-4338. 1990. С.14.

³⁵⁹ Рейтала А. Дружба под сенью политики. Введение в историю российско-советских и финских художественных взаимосвязей. Доклад в Санкт-петербургском Институте им. И.Репина в 1980 г. С.4.

³⁶⁰ См.: Дипломатический вестник. 2000. № 4.

³⁶¹ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 366. Л. 61, 62.

³⁶² Там же. Оп. 1. Д. 218, Л. 46; Оп. 5. Д. 377. Л. 12.

³⁶³ Документы внешней политики СССР. Т. 20. М., 1976. С. 455.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Чистович И. История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб.1856

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ Полное собрание законов. Т.XVII. № 12392.

³⁶⁸ Журнал министерства народного просвещения. 1843. № IX. Отд.VI. С.343-344.

³⁶⁹ Отчет обер-прокурора Св.Синода за 1851г. СПб.1852.

³⁷⁰ Доклад на Высочайшее имя обер-прокурора Св.Синода. СПб. 1901.

³⁷¹ Бурт В. Дело Методистской епископской церкви в Европе (отчёт епископа для Европы доктора Вильяма Бурта за четырёхлетие 1908-12 г. перед Генеральной конференцией Методистской епископской церкви 1-31 мая 1912 г. в Миннеаполисе). // Христианский поборник. СПб. 1912. № 8(20).С.74 (186).

³⁷² Булгаков А. Очерки истории методизма. Т.П. Киев. 1887. С.166.

³⁷³ Христианский поборник. 1912. № 8 (20). С. 73 (185).

³⁷⁴ Христианский поборник,. 1909. № 11. С. 5.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф.821. Оп.133. Д.5. Л. 5.

- ³⁷⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 5. Л. 11.
- ³⁷⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 5. Л. 11.
- ³⁷⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 5. Л. 12.
- ³⁸⁰ Булгаков А. Очерки истории методизма. Т. I. Киев. 1887. С. 152.
- ³⁸¹ Христианский поборник. СПб. 1911. № 3/4 . С. 26.
- ³⁸² Христианский поборник. СПб. 1914. № 12 (48). С. 13 (441).
- ³⁸³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 324. Л. 29.
- ³⁸⁴ Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. М. 1965. С. 249.
- ³⁸⁵ Протестантизм. Словарь атеиста. М. 1990. С. 88.
- ³⁸⁶ Клибанов А.И. Ука. Соч. С. 248, 249.
- ³⁸⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 324. Л. 30.
- ³⁸⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1006. Л. 74.
- ³⁸⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 324. Л. 29.
- ³⁹⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1006. Л. 74.
- ³⁹¹ Клибанов А.И. Указ. соч. С. 250.
- ³⁹² РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 324. Л. 19.
- ³⁹³ Христианский поборник. СПб. 1914.. № 12(48). С. 14 (442).
- ³⁹⁴ Негин. Финляндская лютеранская церковь за 1908-12 года. // Финляндская газета. Гельсингфорс. 1913. № 224. С. 1.
- ³⁹⁵ Христианский поборник. СПб. 1909. № 7. С. 61; 1912 . № 8(20). С. 73 (185).